

Александр
Белогоров

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

18

Черный
фотограф

Бунт
марионеток

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ
18

Черный
фотограф

Бунт
марионеток

ЭКСМО

Москва

2009

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 43

Оформление серии *Н. Никоновой*

Белогоров А.
Б 43 Большая книга ужасов. 18 : Черный фотограф. Бунт марионеток : повести / Александр Белогоров. — М. : Эксмо, 2009. — 352 с. — (Большая книга ужасов).

ISBN 978-5-699-38264-4

«Черный фотограф»

Не видать Лешке летних каникул как своих ушей! Это ж надо, сломать ногу, упав на ровном месте! Теперь он точно все лето просидит дома с гипсом. А тут еще эта скверная фотография, сделанная как раз перед несчастным случаем... От нее просто мороз по коже! Сам фотограф мальчику тоже не понравился, правда, чем именно, объяснить было сложно... Но теперь не один Лешка вынужден сидеть дома. Все его одноклассники, попавшие на снимки загадочного фотографа, тоже больны и медленно угасают...

«Бунт марионеток»

Витрина кукольной мастерской завораживала не только Марину. Выставленные там игрушки были сделаны до того искусно, что казались живыми. Поглазеть на них приходили многие горожане — не смотря на то, что хозяин мастерской симпатии не внушал. Высокий, бледный старик с длинными спутанными волосами пугал всех без исключения, никто не мог выдержать его взгляд, и никто никогда не слышал его голос. Каково же было удивление Марины, когда кукольник сам заговорил с ней, предложив девочке за огромные деньги купить прядь ее волос...

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-38264-4

© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

**Черный
фотограф**

Глава I

Сломанная нога

Алешкина мама всегда обожала фотографии. Дома у них, как смеялся папа, все стены были ими завешаны. И действительно: увеличенные фото их самих, родственников и каких-то далеких предков занимали много места. А уж если к ним домой приходили гости, то их не отпускали до тех пор, пока они не посмотрят несколько фотоальбомов.

Алешке было, в общем-то, все равно. Ну что ж: увлечение как увлечение. По крайней мере безобидное. Не то что у некоторых! Например, у Вовки, одного из его одноклассников, родители были просто помешаны на огороде, и ему приходилось постоянно помогать им на грядках. Но сейчас, когда Алешка был вынужден целыми днями сидеть дома (да даже не сидеть, а лежать в постели), все эти фотопортреты на стенах начинали его раздражать. Особенно его собственное фото, которое обрело свое законное место на стене совсем недавно.

Казалось бы, фото как фото, ничего особенного. Алешка и сам не понимал, что это он прицепился к снимку. Вроде бы и получился он там хорошо, и сделано все качественно. Стоит он там в полный рост, улыбается. Но вот чем больше он в него вглядывался, тем сильнее ему что-то в нем не нравилось. Конечно, когда лежишь со сломанной ногой, да еще в самый разгар долгожданных каникул, раздражать может все, что угодно. Особенно когда представишь, что, будь ты чуть поосторожнее, был бы сейчас таким же здоровым и жизнерадостным, как на снимке...

Может, все дело было в рамке? Она была деревянной, тяжеловатой и выглядела как-то по-старомодному. К такой рамке подошел бы портрет какого-нибудь солидного прадедушки, а не мальчишки! Но что делать! Мама была в восторге не только от фото, но и от рамки, так что Алешка не стал выдавать своих чувств, чтобы ее не огорчать. Рамка была сделана из дерева, которое, казалось, все было покрыто мелкой сеточкой из каких-то черточек. Алешка с удовольствием заменил бы эту рамку на какую-нибудь более современную, но рамка с фото составляли как бы единое целое. Она была подогнана столь искусно, что было даже совершенно непонятно, как можно ее вскрыть и как вообще в нее умудрились вставить снимок.

Алешка подумал, что, быть может, невзлюбил этот портрет потому, что ногу он сломал как раз после того, как снимок появился в доме. И, можно сказать, еще повезло, что дело ограничилось

только ногой. Хорошо еще, что шею не сломал! И где! На лестнице, рядом с собственной квартирой! Каждый день там не раз пробегал, и ничего! А тут: шел себе спокойно, и раз — чувствуешь, что летишь вниз. Как будто толкнул кто-то. Но рядом-то никого и не было! Еще повезло, что сумкой за перила зацепился. А то бы как раз головой о ступеньки!

Конечно, рядом никого не было, во всем подъезде он был один. Но Алешка тогда готов был поклясться, что видел краем глаза какую-то черную тень рядом. Конечно, он потом решил, что это он увидел свою собственную тень, но ведь раньше сотни раз ходил там и ничего такого не видел! К тому же одновременно с появлением тени ему вдруг неожиданно сделалось очень холодно: прямо озноб пробил. И это в такую-то жару! И еще: было такое ощущение, будто этот холод прямо-таки выталкивает его к перилам. Привидится же такое!

Алешку даже передернуло ото всех этих воспоминаний. Ведь у него были такие планы на эти каникулы! А теперь лежи тут, скучай, ругай себя за неосторожность и гляди на этот дурацкий портрет! Конечно, нога скоро заживет, но каникулы все равно испорчены. Будешь потом долго еле-еле ходить, как старичок.

Кот Маркиз не спеша прошествовал по коридору. Он заглянул в комнату, как показалось Алеше, с некоторым подозрением и отправился дальше. Раньше Маркиз больше всего любил спать именно в этой комнате. Быть может, потому, что

Алешка никогда его не гонял и позволял располагаться там, где ему заблагорассудится, хоть на подушке. А в последнее время Маркиза словно подменили: его комнаты он избегал почти так же, как ванной. Но с ней-то все понятно: Маркиз боялся воды. А вот почему в комнату не заходит? Что ему там не нравится? Тоже, предатель! Хозяину скучно лежать, а он даже не подойдет сам!

— Кис-кис-кис! — позвал Алешка.

Маркиз громко мурлыкнул, постоял в нерешительности в дверях и все-таки прошел в комнату. Причем делал он это совсем не как обычно, важно и уверенно, словно какой-нибудь министр, а как-то бочком, по стенке, опасливо.

— Маркиз, что с тобой? — спросил Алеша, когда кот подошел к нему и дал себя погладить. — Чего тебе не нравится? Как будто боишься чего-то.

Алеша даже думал: а может, ему не нравится запах гипса или каких-нибудь лекарств? Это, конечно, многое могло бы объяснить, но когда Алешка на костылях перебирался в другую комнату, Маркиз с удовольствием прыгал ему на колени. Нет, просто в комнате что-то не так. Вот только что?

Маркиз, словно намекая на то, что ему не нравится, смотрел на противоположную стену, от которой и старался все время держаться подальше. Ну и что? Стена как стена, ничего особенного. Вот только этот чертов портрет... Да нет, ерунда все это! Ну, подумаешь, рамка дурацкая! Что же

теперь: шарахаться от нее, что ли? Конечно, говорят, что животные гораздо острее, чем люди, ощущают что-то нехорошее, потустороннее. Но в такие вещи Алешка совершенно не верил.

И все-таки что-то явно было не так. В последнее время вообще все шло наперекосяк. Причем не только у него. Неприятности буквально так и сыпались на его ровесников. Взрослых и малышей они, казалось, просто обходили стороной. Когда к ним приходила участковый врач, то Алеша слышал, как она жаловалась маме, что в их районе прямо-таки эпидемия травм и тяжелых болезней у подростков. Врачи прямо с ног сбиваются. Вроде бы случаи у всех разные, но медикам от этого не легче, а даже тяжелее.

Алеша даже с каким-то злорадством подумал, что вот, не одному ему болеть, и тут же устыдился своих мыслей. Если тебе плохо, это же не значит, что плохо должно быть и всем остальным! К тому же, если все кругом разболеются, то и зайти к нему будет некому! И останутся из развлечений только телевизор и книги. Он, конечно, не прочь почитать что-то и посмотреть, но не целыми же днями!

Алешке вдруг подумалось, что в этой, своей комнате он чувствует себя хуже, чем в остальных местах: и больная нога больше ноет, и голова какая-то тяжелая. В ноге, словно отзываясь на эти мысли, что-то больно кольнуло. И в этот момент Маркиз неожиданно злобно зашипел. Шерсть у него стала дыбом, спина выгнулась, а

глаза сделались какими-то настороженными и даже испуганными. Для такого доброго и воспитанного животного это поведение казалось очень странным.

— На что ты злишься? — спросил его Алеша, как будто кот мог ответить.

Маркиз, разумеется, ничего не отвечал, а только смотрел на противоположную стену с фотографиями.

— Ну вот, и тебе этот снимок не нравится! — обрадовался мальчик. — Хоть кто-то меня понимает! Пойдем-ка лучше в зал!

Алеша взял костыли и вышел из комнаты, а обрадованный Маркиз последовал за ним. Только в дверях кот обернулся и еще раз угрожающе зашипел, словно пытаясь прогнать кого-то невидимого.

Хорошим сном Алеша тоже в последние дни похвастаться никак не мог. Раньше он засыпал очень быстро, едва голова касалась подушки. Теперь же каждый раз долго приходилось себя уговаривать поскорее заснуть. Все было как-то неуютно. А со сломанной ногой лишний раз не поворочаешься. Конечно, быть может, заснуть как следует не получалось именно из-за больной ноги, и скорее всего, наверное, так и было. Но ведь той ночью, которую пришлось провести в больнице, все было нормально!

И сны в последнее время городились какие-то совершенно дурацкие. От снов, разумеется, трудно ждать чего-нибудь особо умного. Особенно если ты не Менделеев, которому по ночам открытия

снились¹. Но раньше хоть не страшно было, и более-менее понятно. Теперь же — сплошные ужасы. Алеша слышал о врачах, которые занимаются объяснением снов (их еще психоаналитиками называют). В последнее время он думал, что неплохо было бы дать его сны такому специалисту для изучения.

И ладно бы просто снилась всякая чушь. Так еще же и озноб при этом бьет, несмотря на все одеяла и лекарства. В конце концов, он же никогда не был трусом, чтобы так пугаться! Даже наоборот, среди одноклассников он считался почти что смельчаком. Да и любой ужастик мог посмотреть перед сном, и ничего, засыпал спокойно, и в темноте ничего не мерещилось. А тут все какие-то призраки, покойники, могилы, и вообще черт знает что такое!

Что плохо в снах, так это то, что никогда не получается проснуться по собственному желанию. Ведь ты же в этот момент просто не знаешь, что это сон. Неприятное кино можно выключить и не смотреть, а тут уж, будь добр, досматривай все до конца, хочешь ты этого или не хочешь. Да еще иногда такая гадость привидится, какой в реальной жизни и не бывает. Уж лучше бы вообще снов не видеть, чем это!

¹ Как известно, великому русскому химику Д.И. Менделееву приснилась его знаменитая периодическая таблица химических элементов, прославившая его имя.

Сегодня Алешка тоже ложился в постель безо всякого удовольствия. Перед тем как погасить свет, он зачем-то внимательно огляделся по сторонам, будто опасался кого-то, притаившегося в комнате, а еще показал язык фотографиям, висевшим на стенке. Настроение от этого слегка улучшилось, хотя и стало немного неловко. Все-таки он давно уже не в детском саду, чтобы такими глупостями заниматься!

Сон оправдал самые неприятные ожидания. Он был еще похлеще тех, что Алешка видел в последнее время. Утром он решил даже его записать, чтобы поразмыслить над этим на досуге.

Итак, во сне мальчику казалось, что это он, но в то же время и кто-то другой: вообще не поймешь кто! Ему даже чудилось, что в нем собралось как бы множество людей. Всем им было плохо, все они хотели откуда-то выбраться, но вот откуда и зачем, Алешка так и не понял. Он только ощущал, что находится в темном и тесном месте, похожем на какую-то пещеру. Больную ногу что-то крепко сжимало, поэтому мальчик не мог даже толком пошевелиться.

— Теперь вы привязаны ко мне и вам не выбраться! — вещал неприятный, глуховатый мужской голос.

Алешка готов был поклясться, что где-то уже слышал этот голос раньше. Конечно, в том, что во сне появляются именно те голоса, лица, которые когда-то слышал и видел, нет ничего удивительного, именно так обычно и бывает. Но хорошо бы знать, кому этот голос принадлежит.

— Один щелчок, маленькие детали, и порядок. Вы пленники, — продолжал тем временем голос. О чем он ведет речь, было совершенно непонятно, но слова звучали угрожающе. Очень уж не хотелось быть куда-то привязанным из-за какого-то непонятного щелчка.

Мальчик во сне чувствовал, что становится все слабее и слабее. К тому же на него как будто что-то давило. Потом давление становилось все сильнее и начался уже ставший привычным озноб.

Когда Алеша все-таки сумел проснуться, то у него просто зуб на зуб не попадал. И это несмотря на то, что он кутался в одеяло, хотя в другое время в такую погоду и под одной простыней было бы жарко. Наверное, и давило на него во сне именно одеяло. Даже выбраться из-под него сразу не получилось. Но вот почему холод? Мальчик в который уже раз померил температуру, но градусник издевательски показывал тридцать шесть и шесть, упорно не желая ничего объяснять.

Вдобавок еще что-то случилось с языком. Он как раз весь горел, как если бы на него положили жгучий перец. А уж по ночам Алеша точно никакого перца не ел! В конце концов мальчик решил, что во сне язык просто случайно прикусился.

Что же касается самого сна, то со сломанной ногой волей-неволей почувствуешь себя привязанным. Так что действительно получается: один щелчок ломающейся кости, и ты как на привязи. Алешка за время болезни проникся очень большим сочувствием к тем собакам, которые вынуждены

сидеть в любую погоду на цепи. Ведь когда ты здоров и к тому же у тебя нет ни книг, ни телевизора, то это должно быть еще труднее и неприятнее.

Конечно, объяснения с одеялом и прикусыванием языка были совсем не плохие, но Алеша чувствовал, что они едва ли полностью верны. Оставалось впечатление, что вокруг происходит что-то странное, тревожное и пугающее, но вот что именно — понять никак не получалось.

Глава II

Предупреждение

Утром Алешку пришел навестить его лучший друг, Антон. Надо сказать, что друзья не забывали больного и приходили к нему довольно часто, чтобы подбодрить. В такую замечательную, теплую погоду никому не хотелось сидеть в душной городской квартире, и Алешка тем более ценил такую заботу. Антон был очень веселым и совершенно не унывающим человеком. Энергия у него буквально била через край. Даже говорил он так: быстро, громко и отрывисто. Его даже за глаза иногда называли пулеметом. От общения с ним настроение поднималось очень быстро и надолго, а время пролетало незаметно. Но сегодня он был весь какой-то грустный и встревоженный, и никаких хороших новостей не принес.

— Прямо эпидемия какая-то! — выпалил он в ответ на Алешкины расспросы.

— А что такое? — поинтересовался больной. — Еще кто-то заболел?

— Да больше половины класса больные сидят! А остальных все это как будто стороной обходит... — отвечал Антон.

— Что, действительно эпидемия? Вроде для гриппа совсем не время...

— Про эпидемию это я так, для красного словца, — сказал Антон. — Никакой эпидемии. У всех болезни разные, но одновременно. Прямо чертовщина какая-то! — резюмировал он и закашлялся.

— Чего это с тобой, ты тоже заболел? — спросил Алешка.

— Вот еще, глупости! — возмутился Антон и снова закашлялся. — Это я, наверное, вчера просто мороженого переел. Или перекупался, когда на дачу ездили. Кстати, чуть не забыл! — хлопнул он себя по лбу. — Я тебе тоже мороженое принес. Твое любимое, фруктовое. Ешь, пока не растаяло! — И побежал в прихожую за своим пакетом, где и лежало купленное мороженое.

О себе Антон тоже не забыл, и, несмотря на периодические приступы кашля, упрямо поглощал свою порцию.

— Раз горло не болит, значит, можно! — оправдывался он. — И вообще: говорят, что если не обращать на болезнь никакого внимания, то все гораздо быстрее проходит!

— Попробуй не обращай внимания на сломанную ногу! — проворчал Алешка. Но настрое-

ние от присутствия друга у него быстро улучшалось. — Так что там у кого стряслось? — продолжил он, расправившись с мороженым. — Ну, у тебя-то кашель какой-то, а у других?

— Кашель — это ерунда! — возмутился Антон. — Я себя больным не считаю! А вот у других... Посуди сам: братья Петровы из соседнего подъезда вчера на лодке катались и перевернулись. Димке еще даже веслом по башке попало. Еле вытащили! Воды, конечно, наглотались, но ничего страшного нет. Вот только теперь на лодочной станции обещали строго следить и лодки выдавать только по паспорту. — Антон вздохнул. — Так что теперь без родителей и не покатаешься!

— С ними неинтересно! — отозвался Алешка. — Даже в воду попрыгать не дадут! Да еще поди уговори их!

— А Колька недавно с велосипеда слетел, — продолжал Антон. — Прямо через руль и головой вперед! Лежит теперь с сотрясением мозга. К нему пока что даже не пускают. Так что тебе с ногой еще повезло по сравнению с ним!

Алешка что-то проворчал, но согласился. Со сломанной ногой хотя бы читать и телек смотреть никто не мешает. А с сотрясением мозга небось ничего этого нельзя. Но в том, что Колька свалился, ничего удивительного не было. Хотя он и здорово катался, но любил полихачить. Наверное, выполнял на велосипеде какой-нибудь очень сложный трюк перед девчонками или малышами, вот и довыпендривался!

— Говорят, что такие дни бывают, когда у людей больше травм, — сказал Алешка, вспомнив какую-то телепередачу. — Вот только не помню, как они называются.

— Ну да! Тогда бы в какие-то дни в больницах проходу бы не было! — отозвался Антон.

— А сейчас что, есть? Сам же говоришь, что за несколько дней столько всего случилось!

— Ну, у остальных-то не травмы, а самые обычные болезни, — возразил Антон. — И у всех разные.

— А еще у кого? — спросил Алешка.

— Я же тебе говорю, полкласса! И это еще не считая тех, кто разъехался. Что с ними, вообще неизвестно, — ответил Антон. — Тут проще здоровых перечислить! Вот Анька, например, вообще лежит дома, вся бледная, слабая, а что с ней — никто понять не может. Делают-делают всякие анализы, а толку — никакого. Наверное, в центральную больницу повезут, на обследование.

— Аня? — Алеша был неприятно поражен. Она была самой жизнерадостной и веселой девчонкой в классе, и представить ее бледной и грустной было очень трудно. К тому же... Она просто очень нравилась Алешке, и он втайне надеялся, что она как-нибудь навестит его или хотя бы позвонит. Он решил, что теперь надо обязательно сделать это самому. — Что это за врачи! — стал возмущаться он. — Только важничают, а понять ничего не могут!

— Сам-то много понимаешь! — скептически усмехнулся Антон. То ли он не понимал Алешкины чувства, то ли ему просто не понравилось, что тот зря обвиняет людей. Действительно, далеко не каждую болезнь так легко распознать, даже с самым современным оборудованием, не говоря уж о том, чтобы вылечить!

— Нет, надо что-нибудь придумать! Так же нельзя! — разволновался Алешка. Если бы не сломанная нога, он бы сейчас ходил взад-вперед по комнате, как любил это делать, когда был взволнован или когда о чем-то думал.

— Ты про других-то дослушай! — продолжил Антон.

— Так я и слушаю! — ответил Алеша. — Только что толку слушать! Тут надо что-то делать, решать...

— Ну, решай, раз ты такой крутой доктор! — рассердился Антон. — Хотя, — он махнул рукой, — сам не знаю, о чем тут рассказывать. У всех болезни какие-то странные. Причем у одних, как у Аньки, вообще не поймешь что, а у других — не лечится ни черта или лечится плохо!

— У меня тоже, говорят, нога медленно срастается, — со вздохом сказал Алеша. — Так и все каникулы пройти могут!

Настойчивый звонок в дверь прервал разговор. Звонящий жал на кнопку непрерывно, да еще иногда стучал от нетерпения в дверь не то кулаками, не то ногами. Вообще-то родители многократно убеждали Алешку ни в коем случае не от-

крывать дверь, не посмотрев в глазок. Как будто он был совсем маленьким и сам этого не знал! («Они бы еще сказку про семерых козлят рассказали!» — иногда возмущался он.) Но, надо признаться, напоминания эти не были лишними. Алеша часто пренебрегал этими советами, особенно если кого-то ждал в гости.

На этот раз такая настойчивость звонящего его очень насторожила. Но, с другой стороны, чего бояться, раз они вместе с Антоном, который, между прочим, увлекался боксом (правда, весовая категория у него была совсем небольшая) и даже побеждал в прошлом году на городских соревнованиях. К тому же, по здравому рассуждению, кто-то чужой едва ли стал бы так ломиться в дверь. Например, преступник, чтобы обмануть хозяев, скорее всего попытался бы представиться каким-нибудь водопроводчиком или страховым агентом, или еще кем-нибудь, кто вынужден по своим служебным обязанностям ходить по домам.

Ну а беспечный Антон, казалось, вообще никого не боялся. Поэтому дверь ребята открыли довольно спокойно. Едва дверь отворилась, как с лестничной клетке в нос ударил запах перегара. Это был Алешкин сосед по подъезду, дядя Семен, как всегда пьяный. Мальчишки мысленно рассмеялись, представив себе, что бы сейчас сказала мама, будь она дома!

Несмотря на алкогольные наклонности дяди Семена, к нему почти все относились хорошо. Он был неплохим мастером и зарабатывал себе на жизнь разным мелким ремонтом. Во время работы

он становился очень сосредоточенным и надевал очки на веревочке. Кто-то прозвал его «Джузеппе — сизый нос», потому что он в эти моменты напоминал столяра из сказки про Буратино. Даже напиваясь, он никому не причинял вреда, ничего не портил, не мусорил в подъезде и во дворе. Разве что любил иногда орать песни. Соседи его, как пра ило, жалели, иногда посмеивались над ним, хотя и ворчали порой на «этого алкаша». Почему-то дядя Семен нравился детям и собакам. Наверное, за свою безобидную веселость.

Но разгневанным он мог быть страшен. Такое случилось, например, этой зимой, когда на их улице устроили облаву на бродячих собак. Дядя Семен тогда, несмотря на мороз, выскочил на улицу в одной рубашке, тренировочных штанах и тапочках на босу ногу и в течение какой-то минуты обратил «собачников» в позорное бегство. Его потом за это забирали в милицию, но он только гордился своим поступком и говорил, что если ловцы собак еще раз сюда сунутся, то так легко не отделаются!

В этот раз дядя Семен выглядел страшно взволнованным и очень сердитым. Ребятам даже на мгновение стало страшно, но тут же стало ясно, что гнев направлен отнюдь не на них. «Джузеппе» потрясал кулаками, грозя непонятно кому, и говорил не очень связные слова. Алешка с Антоном не скоро уяснили, что он хочет им сказать и зачем пришел.

— Ты не бойся! — начал он свою речь, и тыкая грязным указательным пальцем в грудь Алешке.

— А чего это я должен бояться? — осторожно спросил мальчик.

— Он за это, — дядя Семен показал на сломанную ногу, — заплатит! Впредь неповадно будет! — И от избытка чувств добавил несколько крепких слов.

— Кто заплатит? — не понял Алешка. — Я же сам упал! Никто меня не толкал!

— Ха! Сам! — хрипло рассмеялся сосед. — Это тебе так кажется! Ничего ты не понимаешь! Но ничего, я его выведу на чистую воду! — И он погрозил кулаком куда-то в сторону.

— Кого, дядя Семен? — вмешался в разговор Антон и опять закашлялся.

— И ты не бойся! — теперь дядя Семен ткнул пальцем в грудь Антона.

— А я и не собираюсь бояться! — насупился он. В чем, в чем, а в трусости его точно никто обвинить не мог бы. — Чего это мне бояться! Никогда не боялся, а теперь вдруг испугаюсь неизвестно чего. — И снова раскашлялся.

— Вот этого! — сказал дядя Семен и поднял палец вверх, словно требуя обратить внимание на особо глубокую мысль. — Думаешь, это все случайно? — И он загадочно усмехнулся, словно знал и понимал нечто, что недоступно остальным.

— И что же это, всех заразил какой-то злодей? — не удержался от иронии Антон.

— Все не так просто! — опять поднял палец дядя Семен. — Но вы не бойтесь! Теперь этим займусь я! Он у меня попляшет. — Сосед опять

потряс кулаком и добавил несколько неприличных слов. Будь этот кто-то сейчас здесь, ему явно пришлось бы несладко. — Пусть не думает, что я такой простачок, как эти, как их...

— Как кто? — в один голос спросили ребята, заинтересовавшиеся пьяным монологом.

— Врачи! Вот кто! — выпалил дядя Семен.

— Ну, вы, конечно, совсем не такой! — поспешил успокоить его Алешка, еле сдерживая смех. Представить себе непутевого соседа рядом с их аккуратной участковой докторшей действительно было смешно.

— Если я тут не разберусь, то вы все перемре-те! — совершенно серьезно заявил дядя Семен. — Или инвалидами станете. А я этого не хочу! Так-то!

— А что мы должны делать? — спросил Антон, которому эта болтовня уже стала надоедать.

— Смотреть в оба! — ответил сосед очень торжественным и важным тоном. — А я его выведу на чистую воду!

— Кого? — спросили ребята хором, пытаясь хоть что-то понять из пьяной болтовни.

— Ишь чего надумал! Чтобы дети болели! — продолжал выступать дядя Семен, все больше и больше распаляясь. Вопросы он, казалось, не слышал или же не захотел на него отвечать. Этим он отдаленно напомнил Алешке с Антоном одного из учителей, физика Сергея Сергеевича, который, когда какой-нибудь вопрос не нравился ему или же когда он просто не знал, как на него ответить, делал вид, что его не слышит.

— А я тоже хорош! — перешел дядя Семен на самокритику. — Мне бы эти вот руки, — он указал сначала на левую, а потом на правую, — отрубить следовало.

— Это за что? — поинтересовался Антон.

— За то, что я сделал! — объяснил дядя Семен, хотя понятнее его слова от этого отнюдь не стали.

— А что вы сделали? — настаивал Антон. Но дядя Семен опять не стал отвечать.

— Ничего! Теперь я его сам вот этими руками! — продолжил он и снова сжал кулаки. — Он у меня попляшет, повизжит!

Дядя Семен говорил так громко, что из соседней двери высунулась любопытная соседка, тетя Клава. То ли через дверь ей было не все слышно, то ли захотелось увидеть своими глазами, что здесь происходит (дверной глазок, как видно, не давал желаемого обзора).

Увидев сжатые кулаки, она сначала испугалась и даже слегка взвизгнула, но, увидев, что угрозы соседа ее совершенно не касаются, тут же набросилась на него с упреками. Мол, сам пьет, так еще и к детям пристает. Чего доброго, и они такими же станут!

— Ничего ты не понимаешь! — сказал дядя Семен сочувственным голосом. А потом подумал и добавил: — Ты лучше не вмешивайся: это мужские дела!

Тетю Клаву такое замечание очень задело, и она не только не замолчала, но и высказала соседу

все, что думает о нем и о его поведении. Старый пьяница только махнул рукой (скандалов он, в отличие от тети Клавы, очень не любил) и нетвердой походкой направился вниз по лестнице. Но потом он обернулся и еще раз сказал ребятам очень серьезным голосом: «Смотреть в оба!» Затем он погрозил кому-то невидимому кулаком и скрылся из виду.

— О чем это он? — спросила тетя Клава у ребят. В чем дело, она, конечно, так и не поняла. И немудрено: даже у ребят, которые слушали дядю Семена с начала до конца, в головах все перепуталось от его странных слов.

— Не знаю, тетя Клава, — как можно более вежливым голосом ответил Алеша. — Наверное, просто напился и говорит не поймешь что.

— До горячки допился! — всплеснула руками соседка. — А ведь такой был мастер когда-то! А вы с ним поосторожнее! — добавила она, обращаясь к ребятам. — Этот ничему хорошему не научит! Лучше бы вам вообще с ним не разговаривать!

Антону хотелось сказать, что с кем разговаривать, а с кем нет, он будет решать сам, но потом он все же просто промолчал. Связываться со сплетницей, которая потом растрезвонит всему двору, какой он грубиян, сильно не хотелось.

Алешка уже устал стоять в дверях со своими костылями, поэтому он вежливо попрощался с тетей Клавой и пошел обратно в квартиру, а следом за ним отправился и Антон. Ребятам хотелось обсудить между собой произошедшее.

Глава III

Опасные происшествия

— Как думаешь, есть какой-то смысл в том, что он наболтал? — спросил Алешка у друга. Конечно, слова пьяного можно было и не воспринимать всерьез, но он почему-то был озабочен. Уж очень серьезным и уверенным в своей правоте казался дядя Семен.

— Мне кажется, что зря он болтать не станет! — подал голос Антон. Действительно, несмотря на пристрастие к алкоголю, болтуном и фантазером дядю Семена назвать никто не смог бы.

— А ты понял чего-нибудь? — поинтересовался Алешка.

— Почти ничего! — признался Антон. — Надо бы расспросить его, когда немножко протрезвеет, — добавил он.

— Попробуй! — с сомнением сказал Алеша. — Только долго же тебе придется этого дожидаться!

— Это точно! — хихикнул Антон, но тут же посерьезнел. — И все-таки мне кажется, что у нас происходит что-то нехорошее. И он, похоже, знает больше остальных.

— Не так уж это и трудно, если остальные вообще ничего не знают! — проворчал Антон. — Ну, ладно, ты тут выздоравливай, а я, пожалуй, пойду, — продолжил он. — Может, еще чего-нибудь узнаю. Тогда приду — расскажу.

И он, насвистывая какой-то мотивчик (Алешка его не смог узнать, потому что со слухом у Антона было неважно, и этот мотив в его исполнении не просто было бы узнать даже автору), легко побегал по лестнице вниз. Алешке на мгновение даже стало завидно. Когда еще он сам сможет так бегать!

А потом его взгляд упал на то место, где он так неудачно упал. Алеше захотелось еще раз его осмотреть. Ну должна же быть хоть какая-то причина падения! Что он, пьяный или больной просто так падать?! Мальчик осторожно, опираясь на костыли, спустился на несколько ступенек. Место падения выглядело совершенно обычно. И освещено оно было не хуже, чем остальной подъезд, и все было достаточно чисто. Конечно, в тот день могло быть и по-иному, но Алеше казалось, что никаких изменений вообще не произошло.

Вдруг он почувствовал, что в его груди нарастает какое-то неприятное ощущение. Сначала это было просто чувство легкой тревоги, но постепенно оно переходило в страх. Алешка тут же обругал себя за это ощущение. Ведь поблизости никого не было, а значит, и бояться нечего. Подумаешь, завалился здесь когда-то. Что же теперь, по лестнице больше никогда в жизни не спускаться?!

И вдруг ему показалось, что вокруг резко потемнело; его словно накрыло какой-то тенью. Конечно, в их доме в последнее время случались скачки электрического напряжения, так что ничего особенного тут, казалось, не было; свет довольно часто становился менее ярким и даже вообще

гас, только на сей раз Алеша чувствовал, что дело тут явно не в напряжении.

И тут на него повеяло холодом, и он ощутил на плечах жуткую тяжесть, словно на него наваливается нечто огромное. Мальчик не в силах был пошевелиться. Более того, он ощущал, что с каждой секундой слабеет, и его руки готовы уже выпустить костыли. А это неминуемо означало новое падение, а какие последствия будут на этот раз, предсказать было трудно.

Костыли все-таки выпали из рук, но Алеша каким-то чудесным образом успел ухватиться за перила и вцепился в них что было силы, до боли в руках. Какая-то сила продолжала давить на него, и мальчик понимал, что долго так не выдержит. Он даже пожалел в этот момент, что мало занимался физкультурой и мог провисеть на турнике совсем немного времени. Эх, оказаться бы сейчас на уроке физкультуры, где разжатие рук не грозит никакими последствиями, кроме разве что смеха одноклассников и приземления на гимнастический мат!..

Внизу хлопнула входная дверь. И тут тяжесть, давящая на плечи мальчика, внезапно отпустила. Видимо, эта сила почему-то не любила свидетелей и предпочитала расправляться со своими жертвами один на один. Раздался все тот же свист: по лестнице снова поднимался Антон.

— Чего это с тобой? — удивленно спросил он, увидев Алешку, вцепившегося в перила.

— Да я... это... опять чуть не упал. — Алеша не мог подобрать слов, чтобы объяснить другу,

что же с ним произошло. Да и во рту так пересохло от волнения, что язык просто еле ворочался.

— Куда же ты отправился, раз еще такой слабый! — укоризненно сказал Антон, словно какой-нибудь взрослый, читающий нотацию непослушному ребенку. — Сейчас бы полетел опять, и собирай тебя потом по кусочкам! Если бы я свой пакет не забыл и не вернулся, неизвестно, чем бы все кончилось!

Он поднял костыли и подал их Алешке, но тот не в силах был оторваться от спасительных перил. Ему казалось, что если он отпустит их хоть на мгновение, то давящая тяжесть вернется и он неминуемо упадет. Наконец мальчик все-таки, хотя и с большим трудом, сумел разжать одну руку и взять костыль. Со второй уже было как-то проще. Вернувшись в квартиру, Алешка повалился на диван и долго-долго переводил дух.

— Так какого черта тебя туда понесло?! — не унимался Антон, который тоже перенервничал.

— Сам не знаю. Что-то потянуло, — пробормотал Алешка. — Посмотреть захотелось...

Он никак не мог решить, рассказывать ли другу о том, что чувствовал на лестнице. Не то чтобы он ему не доверял, но теперь, в уютной квартире, все это казалось абсолютно нереальным и фантастичным. Ему и самому уже трудно было поверить в то, что произошло каких-то пару минут назад. А уж как Антону будет трудно поверить! Полагает еще, что он рехнулся или что глюки пошли из-за каких-то лекарств!

— Ну, вот и посмотрел! — проворчал Антон. — Давай сиди дома, а я все-таки пойду. А то уже и обедать скоро пора...

Алешка не мог не улыбнуться. Дело в том, что к еде Антон относился очень серьезно, и пропустить обед или хотя бы немного его отложить было для него серьезным испытанием.

Антон снова засвистел свой мотив и вышел из квартиры, оставив Алешку размышлять, что же все-таки произошло с ним на лестнице. Мальчик перебрал все, что пришло в голову: от привидения до какого-нибудь инфразвука, вызывающего у людей чувство ужаса, но ни к какому выводу так и не пришел. Все казалось совершенно неубедительным, и в глубине души он чувствовал, что причина кроется в чем-то другом.

Долго поразмышлять не удалось. Алешку отвлек какой-то шум во дворе. Он высунулся в окно, и увиденное на улице чрезвычайно поразило его. По двору бегал Антон, возбужденно размахивая руками и что-то кому-то объясняя. Вскоре к нему присоединился неизвестно откуда взявшийся дядя Семен, и он, так же размахивая руками, стал что-то доказывать Антону. Алешка изо всех сил напрягал слух, но он жил слишком высоко. К тому же этажом ниже громко играла музыка, поэтому разобрать, о чем идет речь, он никак не мог. Из других окон также повысовывались любопытные, пытающиеся понять, что же здесь произошло.

Антон поднял с земли какой-то кирпич, и Алешке на мгновение показалось, что он собира-

ется запустить в кого-то этим камнем. Но тот просто продолжал держать камень, продолжая размахивать руками. Выглядело это не то комично, не то устрашающе. К тому же дядя Семен поднял другой кусок кирпича и тоже энергично им размахивал.

Какая-то бабулька, решив, что мальчишка и пьяного вида дядька собираются драться, стала громко звать милицию. Спорящим связываться с милицией не хотелось, поэтому они быстро бросили куски кирпича. Дядя Семен остался во дворе. Он что-то громко и несвязно выкрикивал, воинственно потрясая кулаками. Антон же вновь пошел к Алешке. Ему не терпелось рассказать о том, что с ним только что произошло. То, что он даже забыл об обеде, показывало, что случилось нечто экстраординарное.

— Представляешь! — рассказывал Антон, расхаживая, почти что бегая по комнате. — Иду я себе спокойно, насвистываю. И вдруг как кто-то заорет дурным голосом: «Стоять!» Ну и еще несколько слов добавил. Это, конечно, дядя Семен был. Я от неожиданности встал как вкопанный. А меня будто что-то в спину толкнуло, еле устоял на месте. Но я хотел узнать, чего это наш пьяница орет, чего это он тут раскомандовался, поэтому на месте остался.

— И тут, — Антон сделал драматическую паузу, — прямо передо мной на асфальт плюхается кирпич. Даже вмятина осталась. Бу-бух! — Антон изобразил падение кирпича со звуками и гримаса-

ми, чтобы Алешке было понятнее. — Ты представляешь! — радостно продолжал Антон. — Еще бы шаг, и этот кирпичон точно мне по башке угодил бы! И тут уже бабушка надвое сказала: отделался бы сотрясением мозга или вообще коньки отбросил бы!

Было похоже, что Антон пока что не оправился от шока, а потому даже не осознавал еще толком, какая страшная опасность ему только что грозила.

— Его чуть не убило, а он радуется! — проворчал Алешка. — Ты скажи, чего ты такой довольный?

— Но ведь не убило же! — резонно заметил Антон.

— Так-то оно так, — с сомнением покачал головой Алешка. — Но пыталось же! Ведь просто так кирпичи с крыши не падают!

— Ну, мало ли, ветер подул! — отмахнулся Антон. — Правда, что-то прохладно в тот момент стало...

— Какое ветер! Ты в окно погляди! Листья даже не колышутся! Можно сказать, полный штиль!

— Ну так кошка пробежала и столкнула! — беспечно заявил Антон.

— А откуда дядя Семен об этом знал? — вдруг спросил Алешка. — Он что, за этой кошкой следил?

— Это, конечно, вопрос! — посерьезнел Антон. — Кстати, ведь он меня просто спас. А я от волнения даже спасибо не сказал.

— Неплохо бы узнать, каким это образом он тебя спас, — задумался Алешка. — А когда вы с

ним во дворе орали, он ничего такого не говорил?

— Да черт его знает, о чем мы орали! — почесал в затылке Антон. — Я так разнервничался, что теперь толком вспомнить не могу. Помню, дядя Семен сильно ругался, что он, дескать, предупреждал, а я не послушался! Как будто он против кирпичей меня предупреждал!

— Ну а ты что? — спросил Алешка.

— Ну а я, кажется, орал, какой идиот здесь кирпичами кидается, — ответил Антон. — Эх, надо было сразу дядю Семена расспросить! Хотя он так пьян, что сейчас от него все равно ничего не добьешься!

— А больше он ничего не говорил?

— Опять кричал, чтобы мы смотрели в оба и других предупредили, — вспоминал Антон. — Ну а потом пообещал пойти и засветить кому-то этим самым кирпичом.

— Не хотел бы я быть на месте этого кого-то! — усмехнулся Алешка, вспоминая, что в гневе дядя Семен может быть действительно страшен.

— Знаешь что, слазая-ка я на крышу и посмотрю, что там к чему, откуда кирпич взялся! — решил вдруг Антон.

— Ты что, с ума сошел?! Одному туда лезть! — разволновался Алеша.

— Ну и что такого? Подумаешь! Что я, на крыше не бывал?! — ответил Антон, к которому вернулась его обычная самоуверенность.

— А если там кто-то есть?

— Значит, этот кто-то получит у меня по первое число! — нахмурился Антон, показывая кулаки. — Я в себя кирпичами кидаться не позволю.

— Так он же тебя сбросить оттуда может! — пытался втолковать ему Алеша.

— Не дрейфь, все в порядке будет! — ответил Антон. — Это еще кто кого сбросит. — И, не слушая дальнейших протестов друга, он затопал вверх по лестнице.

Алешка, приоткрыв дверь, с волнением прислушивался к его шагам. О том, чтобы идти за Антоном, не могло быть и речи. Да даже если бы он и добрался до верхней площадки, то взобраться на чердак со своими костылями без посторонней помощи представлялось совершенно нереальным.

— Черт возьми! Там все закрыто! — разочарованно произнес Антон, спускаясь вниз. — То ли у этого гада есть ключи, и он уже успел удрать, пока я тут разговаривал, то ли действительно какая-нибудь кошка постаралась. Не нравится мне все это! — добавил он, немного подумав и почесав в затылке.

— Кому ж это понравится! — поддержал Алешка. — Так скоро вообще весь класс будет по больницам валяться. Надо все-таки дядю Семена поспрашивать: вдруг добьемся чего-нибудь?

— Попробовать можно! — согласился Антон.

Но сколько они ни стучали и ни звонили в дверь непутевого соседа, никто им не открыл. То ли дядя Семен уснул и ничего не слышал, то ли он отправился с обломком кирпича исполнять свое обещание наказать кого-то загадочного.

Глава IV

Фотография

Алеша снова остался один, и его взгляд опять упал на фотографию. По непонятной причине он проникался к этому снимку прямо-таки какой-то ненавистью. И чего он такой нервный и впечатлительный? Привязался к какой-то фотографии! Вот у нормальных людей, у Антона, например, наверняка ничего такого не бывает!

Мальчик стал вспоминать, откуда у них появился этот снимок. Как-то раз в классе, на родительском собрании, незадолго до конца учебного года, объявили, что в городе появился один очень хороший фотограф, который особенно любит делать детские портреты. У него это так хорошо получается, что некоторые его снимки даже попадают на выставки и публикуются в журналах. Причем делает это фотограф, так сказать, из любви к искусству, поэтому берет за работу много меньше, чем в любом ателье. А уж если получившееся фото ему чем-то особенно приглянулось, то может и вовсе отдать его бесплатно.

Их классный руководитель рассказал, что этот замечательный человек завтра придет в школу, и предложил всем желающим сдать деньги на снимки. Желающими за такую небольшую сумму получить качественный фотопортрет оказались почти все. Среди родителей нашлось только не-

сколько скептиков или жадин, которые хотели сперва посмотреть, что же получится у других.

На следующий день фотограф действительно появился в школе. Выглядел он, надо сказать, довольно необычно, даже несколько смешно, но почему-то при взгляде на него смеяться никому не хотелось. Казалось, будто он сам сошел с черно-белого снимка прошлого или даже позапрошлого века. Очень серьезный и очень бледный, высокий и худой, в старомодном черном, наглухо застегнутом костюме, в широкополой черной шляпе, почти полностью скрывавшей лицо, с черным зонтиком-тросточкой, который держал в длинных руках. Фотограф производил очень странное впечатление, словно он был актер, играющий злодея. Он чем-то напоминал убийцу из комедии «Укол зонтиком». Зонтик у него, кстати, тоже был весьма необычный: ручка, сделанная из дерева и покрытая какими-то трещинками, черточками, составлявшими едва уловимые узоры. К тому же оставалось совершенно непонятным, кому нужен зонтик в такую ясную, солнечную погоду и черные перчатки на руках. Фотоаппарат, который фотограф принес с собой, тоже выглядел далеко не современно; это был большой ящик на трехногой подставке.

Странный фотограф явно не отличался многословием. Обычно фотографы бывают людьми довольно веселыми и общительными, но этот явно был не из их числа. Перекинувшись несколькими словами с завучем, он прошел в небольшой кабинет, который на время выделили для съемок, и

приготовил свою аппаратуру. Ребят вызывали по одному, и случилось так, что Алешка попал туда одним из первых.

Едва войдя в комнату, мальчик почувствовал сильный озноб, словно открыл окно в тот момент, когда на улице крепкий мороз, или же сунулся в какой-то огромный холодильник. Алеша зябко пожегся и огляделся по сторонам, пытаясь понять, откуда же идет такой холод, но ничего путного в голову так и не приходило.

Фотограф жестом пригласил мальчика встать у белого экрана, на котором в кабинете физики показывали учебные фильмы и слайды и который должен был служить фоном для фотографий. Конечно, снимки на белом фоне могли смотреться чересчур официально, но фотограф объяснил завучу и классному руководителю, что с помощью специальных фильтров он сделает так, что задний план будет выглядеть очень даже живо.

Алеша встал там, куда указывал мастер, испытывая странное волнение. Казалось бы, чего тут волноваться! Ведь на снимок ему было, по большому счету, наплевать: он же не какая-нибудь модель! Но волнение, как ни странно, не проходило. Быть может, таким образом на нервы действовали холод и странная фигура фотографа, колдующего над своим допотопным аппаратом? Ну и еще его тяжелый, немигающий взгляд, который словно гипнотизировал. Интересно, что фотограф не расстался со своей шляпой даже в помещении, так что рассмотреть толком его лицо и даже сказать,

какого цвета у него глаза, было весьма затруднительно.

— Смотри на меня! — хрипло и глуховато проговорил фотограф, и Алеша почувствовал, как его глаза волей-неволей поднимаются к лицу фотографа. — И будь посвободнее.

Быть свободнее под таким тяжелым взглядом было делом отнюдь не легким, но мальчик вдруг с удивлением почувствовал, что действительно расслабляется. Он стал в какую-то очень свободную позу и неожиданно для самого себя улыбнулся. Именно в этот момент и сверкнула фотовспышка.

Тем не менее, несмотря на свою улыбку, Алеша вышел из комнаты с таким облегчением, словно только что покинул зубного врача. Разумеется, о своих ощущениях он распространяться не стал; а то еще подумают, что струсил ни с того ни с сего. Но Аня, фотографировавшаяся вслед за ним, молчать не собиралась.

— Не знаю, может, это и очень хороший фотограф, — заявила она, зябко передернув плечами, — но мне он не нравится. Смотрит так, словно и не человек вовсе! Да и говорит не поймешь каким голосом.

— Мало ли у кого какой голос! — сказал кто-то из тех, кто еще не успел сняться. — А смотреть профессионалы и должны не как все, а придирчиво!

— И вообще, там такой мороз, что хоть в мае шубу надевай! — продолжила Аня, не обра-

тив внимания на возражение. — Интересно, откуда там такой морозильник взялся?

Многие из тех, кто побывал на съемке, говорили то же самое. И даже те, кто молчал, а то и вовсе отпускал шуточки, выглядели явно обескураженными. Словом, фотограф произвел на всех неприятное впечатление. Можно сказать, что этот день был испорчен. И когда мрачный фотомастер покинул школу, все вздохнули с облегчением.

Физик попросил Алешу унести экран из комнаты, где проходила съемка, обратно в физический кабинет. Когда мальчик снова зашел в эту комнату, ему показалось, что что-то здесь не так, изменилось. И только потом до него дошло, что температура воздуха с уходом фотографа вновь сделалась абсолютно нормальной, даже слегка жарковатой. Алеша хотел было спросить физика об этом странном явлении, но на что-то отвлекся, а потом и вовсе забыл об этом загадочном факте и вспомнил о нем только теперь...

Зато на следующий день на фотографа буквально не могли нахвалиться. Непонятно, каким образом он умудрился сделать снимки так быстро, но они понравились всем без исключения. Это были не просто портреты. Для каждого этот мастер нашел свою, характерную позу. Кто-то был изображен в полный рост, как Алешка, у кого-то было снято только лицо, но все фотографии были такими, что их хоть сейчас можно было бы публиковать в каком-нибудь солидном журнале или же фотоучебнике. Причем все фото были

уже в одинаковых рамках старинного стиля. Некоторым они могли бы показаться тяжеловатыми, но ведь у каждого свои причуды, и если мастеру захотелось сделать именно такую галерею портретов, то кто взялся бы его осуждать!

Те родители, кто не захотел сделать снимки сразу, разумеется, тоже захотели заказать фотографии у такого профессионала. Да и другие не прочь были сделать еще несколько портретов. Вот только с этим вышла загвоздка. Дело в том, что фотограф прислал снимки, но сам в школе больше так и не появился. И, как ни странно, ни у завуча, ни у классного руководителя не оказалось не только его адреса, но даже телефона. И, что самое интересное, ни завуч, ни классная не могли вспомнить, как же его зовут. Они сходились на том, что имя было красивым и редким (фотограф представился только раз, когда предлагал свои услуги), но, сколько они ни перебирали имена, все выходило что-то не то.

Разумеется, желающие сниматься посчитали, что найти такого замечательного фотографа, да еще с такой незаурядной внешностью, в таком небольшом городе будет совсем не трудно. Но, как ни странно, все попытки оказывались безрезультатными. О нем никто ничего не знал. И даже видели-то его считанные единицы! Просто мистика какая-то! Оставалось думать, что это было причудой какого-то столичного мэтра, оказавшегося здесь проездом и решившего порадовать своим искусством местное население. Теперь его имя мож-

но было узнать, разве что увидев какое-нибудь фото с подписью в журнале (этот странный человек специально оговаривал, что может использовать полученные кадры и для каких-то своих дел). Или же ожидать нового приезда.

О визите этого мастера еще некоторое время посплетничали, а потом забыли. Остались только фотографии в тяжелых рамках, которые висели теперь во многих квартирах. И на одну из которых и смотрел сейчас Алеша, вспоминая эту странную историю.

«А ведь неприятности-то начались почти сразу после этого!» — подумал он, и от этой мысли на душе почему-то стало еще тяжелее.

Глава V

Странная смерть

Вечером Антон позвонил ему и сообщил, что дядю Семена он найти так и не смог, а потому ничего нового узнать не получилось. Антон все еще находился под впечатлением от случившегося с ним и, насколько понял Алеша, успел рассказать об упавшем с крыши кирпиче всем вокруг. Алеша не удивился бы, если б завтра на крышу заявила какая-нибудь ответственная комиссия, чтобы проверить: почему же оттуда падают кирпичи.

Чем больше Алеша думал над произошедшим за день, тем больше он убеждался, что дядя Семен

знает или, по крайней мере, подозревает гораздо больше, чем можно понять из его полупьяных речей. Значит, надо просто улучшить момент, когда он будет в лучшем состоянии, и как следует его по-расспросить. Хотя, быть может, трезвый он и вовсе ничего не скажет? Интересно все-таки, о ком он так гневно говорил? И в чем он обвинял сам себя?

Утром дядя Семен тоже так и не объявился. Конечно, такое у него случалось и раньше. Порой он пропадал целыми неделями. Но почему-то в этот раз за судьбу соседа Алешке было тревожно. К тому же сказывалось нетерпение: надо же все-таки узнать, что он хотел сказать!

А днем прибежал взволнованный Антон. Он так спешил, что никак не мог отдышаться.

— Ты слышал, что случилось? — выпалил он с порога и остановился, переводя дух.

— Нет. А что? Опять кто-то кирпичами швыряется? — брякнул Алешка первое, что пришло в голову.

— Какими такими кирпичами! — отмахнулся Антон, уже привычно раскашлявшись. — Тут все гораздо серьезнее. Неужели еще не слышал?

— Нет, не слышал! Откуда я могу что-то узнать, если все время дома сижу! — рассердился Алеша. — Ну, говори же! Не тяни!

— Сосед ваш умер! — заявил Антон и снова замолчал, ожидая реакции на свои слова.

— Какой сосед? Их тут целый дом! Человек сто! — сказал Алеша, хотя, конечно, в душе прекрасно понимал, о ком идет речь.

— Какой-какой! Дядя Семен, вот кто! — сказал Антон одним духом. — Тот, который вчера меня, можно сказать, спас!

— А что же с ним случилось? — спросил расстроенный Алешка. — Выпил слишком много? — Произошедшее пока никоим образом не укладывалось у него в голове. Уж слишком жизнелюбивым и полным энергии казался еще вчера их сосед.

— Можно сказать, что и выпил слишком много, — нехотя согласился Антон. — Вот только в выпивке ли тут дело?

— Да ты расскажи толком, что произошло! — не выдержал Алешка.

— После нашего разговора понесло его зачем-то на кладбище, — начал рассказывать Антон.

Старое городское кладбище располагалось всего в нескольких минутах ходьбы от Алешкиного дома. Ребята время от времени наведывались туда, влекомые то жаждой приключений, то обычным любопытством. А иногда они заходили на кладбище вечерами — воспитывать силу воли. Там, конечно, было страшно и довольно неприятно, но, если привыкнуть немного, ничего особенного. А уж для того, чтобы прятаться, это место было и вовсе идеальное. Помимо ребят этим местом интересовались бомжи и алкоголики, особенно после церковных праздников, когда с могил было чем поживиться.

— Ну и что! — сказал Алешка. — Его туда часто заносило. Мы его там несколько раз видели! Да он и подрабатывал там. Ты что, забыл?

Дядя Семен действительно иногда подрабатывал на кладбище: помогал устанавливать памятники, чинил ограды и делал разную мелкую работу. Так что ничего удивительного в том, что он там оказался, не было.

— Не забыл, — отмахнулся Антон. — Только на этот раз он оттуда не вышел.

— А что все-таки случилось?

— Говорят, оступился, упал и ударился головой о какой-то камень, — ответил Антон. — Такая вот нелепость.

— Жаль его, конечно, — помолчав, ответил Алеша, представив себе эту печальную картину. — Но ты же сам видел, в каком он был вчера состоянии. В таком и упасть немудрено.

— Так-то оно так, — согласился Антон, немного подумав. — Только как-то странно все это. Никогда не падал, а тут вдруг... Причем после того, как узнал какую-то тайну и кому-то угрожал! Это может быть не случайно!

— Ты побольше детективы и ужасы смотри! — возразил Алеша. Верить в то, что эта смерть была не случайной, он пока что категорически отказывался. Потому что, если бы это оказалось так, то... Это значило бы, что вокруг происходит нечто странное, пугающее и непонятное, причем они с Антоном были в это замешаны самым прямым образом.

— Думай что хочешь, но что-то тут нечисто! — ответил Антон. — И надо бы все разузнать.

Ты пока что посиди здесь, а я на кладбище сгоняю, посмотрю, что там и как.

— Что же мне еще остается делать, как не сидеть здесь! — невесело усмехнулся Алеша. — Ты только давай побыстрее, а потом расскажи мне что к чему.

— Я мигом! — ответил Антон и затопал вниз по лестнице.

Алеша погрузился в раздумье. Ему было очень жаль дядю Семена, над которым он столько раз посмеивался! А еще он понимал, что ему становится страшно. Сейчас ему смертельно не хотелось оставаться одному. Мальчику начинало казаться, что его подстерегает какая-то опасность.

Антон тем временем уже был на кладбище. Тело несчастного пьяницы уже унесли, но место трагедии найти было нетрудно. Неподалеку от одного из памятников дежурил скучающий милиционер, а вокруг стояло с десятков зевак. Они негромко переговаривались, обсуждая подробности случившегося.

В основном мнения сводились к тому, что погибший был пьян, а потому сам виноват в случившемся. По-видимому, милиция придерживалась такого же мнения, а расследование проводилось формально, для порядка. Наверное, это было правильно, если учесть, что вокруг не было видно никаких других следов, кроме следов несчастного дяди Семена. Все говорило о том, что произошел самый обыкновенный несчастный случай.

— Жаль его. Еще нестарый был, — сказала одна из сердобольных бабулек.

— И человек хороший. Мне вот оградку задором помог подправить, — подхватила другая. — Вот только непутевый... — И она сокрушенно покачала головой.

— Раз он такой хороший, так чего же сюда с кирпичом пришел! — заявил вдруг сердитый мужчина лет пятидесяти.

— С каким кирпичом? — спросила одна из любопытных бабушек.

— С самым обыкновенным кирпичом! — ответил мужчина. — Для чего тут на кладбище кирпич? Драться с кем-то или памятники ломать?

— Так он же их чинил! — возразил кто-то из толпы.

— Вот-вот! Сначала ломает, а потом идет чинить! — с каким-то злорадством ответил мужчина. — Знаем мы таких! Слышали небось, что в последнее время кто-то старые кресты и ограды повадился ломать?

— А ты-то откуда про кирпич знаешь? — спросила бабулька, защищавшая покойного.

— Откуда! Я его сам и нашел! — ответил он. — Иду себе спокойно, а потом смотрю — лежит кто-то возле нашего участка. Я сперва подумал, что пьяный, а потом присмотрелся — он весь в крови, и не дышит уже. А в руке — кирпич.

— А может, на него напал кто-то? Вот он и защищался? — высказал предположение один из любопытных. — Поднял кирпич для этого?

— Тут что, кирпичи валяются? Тут их и близко нет! — возразил подозрительный мужчина. — Кирпич он с собой притащил!

— Милиция разберется зачем! — решила одна из бабушек.

Скучающий милиционер поднял голову, обвел толпу внимательным взглядом, но так ничего и не сказал. Очевидно, он не разделял оптимизма старушки. Да и кирпич в руках трупа его, похоже, не слишком заинтересовал. У него уже целых пять минут как кончилось дежурство, а оставить пост все еще не разрешали, и это в данный момент беспокоило его больше, чем обстоятельства смерти погибшего здесь пьяницы.

Едва услышав про кирпич, Антон еще больше наострил уши. Он-то как раз хорошо представлял себе, откуда кирпич мог взяться в руках покойного. Ведь дядя Семен, когда был на улице, как раз держал в руках осколок того кирпича, который едва не свалился Антону на голову. Видимо, после этого сосед, забыв от возбуждения бросить то, что держал в руках, зачем-то отправился на кладбище. Вот только что он там собирался делать? Ведь до этого он просто сидел у себя дома и, как видно, никуда не собирался.

Антон стал вспоминать, что же дядя Семен говорил ему во дворе. Похоже, он кричал что-то вроде того, что «медлить больше нельзя» и «сейчас я с ним разберусь». Эх, прислушаться бы тогда к его словам повнимательнее! А еще лучше пойти следом! Правда, в этом случае не

факт, что все для него самого не закончилось бы точно так же.

Наконец рация у милиционера затрещала, и строгий голос сообщил, что он может покинуть пост. Очевидно, все необходимое в таких случаях уже было проделано до прихода Антона, а исследовать место трагедии подробнее никто не соби-рался. Повеселевший милиционер бодрым шагом направился к выходу. Остальные собравшиеся, поняв, что ничего интересного здесь больше не предвидится, тоже стали не спеша расходиться. И вскоре на этом месте остался один Антон.

Сам не зная, что он здесь ищет, мальчик еще долго всматривался в место трагедии. Но смотреть, по сути, было уже не на что. На земле были очерчены контуры тела, которые казались каким-то детским рисунком. Да еще на углу памятника выделялось ржаво-красное пятно крови. Очевидно, как раз об этот угол и ударился головой дядя Семен. Начиная капать мелкий дождик, и становилось ясно, что вскоре и эти следы будут смыты и ничего не будет напоминать о том, что тут недавно произошло.

Антон зачем-то обошел вокруг памятника. Он был довольно старинным, но хорошо сохранившимся. Имя и фамилия покоящегося здесь человека ничего мальчику не говорили. Неподалеку валялся небольшой кусочек кирпича. Очевидно, кирпич, который был в руках у дяди Семёна, раскололся при падении. Антон для чего-то поднял осколок и положил в карман.

Вдруг ему почудилось, что вокруг как-то уж очень резко похолодало. Конечно, начинался дождь, но ведь не зима же на улице! Да и ветра совсем не чувствовалось. Зябко поежившись, Антон поспешил с кладбища. Еще не хватает по-настоящему простудиться! И так уже кашель замучал! Он уже представлял, как сейчас с удовольствием напьется дома у Алешки горячего кофе (чай он не очень любил). Ну и заодно расскажет другу о том, что увидел и услышал.

Антон уже подходил к выходу, как вдруг ноги у него словно сами заплелись, и ему показалось, что он ощутил явственный толчок в спину. Этот толчок оказался таким сильным, что удержаться на ногах мальчик не смог. Он увидел, что падает прямо на какую-то ограду, из которой торчали острые штыри. Мальчика спасла лишь его хорошая реакция. Антон сумел сгруппироваться, выставить вперед руку и ухватиться за ограду. Его лицо остановилось всего в какой-то паре сантиметров от металлических прутьев. Причем один из них находился точно напротив левого глаза. Что случилось бы, не успей Антон выбросить вперед руку, лучше было и не думать.

Антон быстро вскочил, сжал кулаки и оглянулся, чтобы посмотреть, кто же его толкнул, и как следует врезать обидчику. Но вокруг не было ни души. Мальчик стоял и растерянно оглядывался по сторонам, не понимая, что произошло. Он посмотрел под ноги, но дорога была достаточно гладкой, и из земли не торчало ничего такого, обо что можно было бы споткнуться. Рука была довольно здорово

ушиблена и поцарапана, но сейчас Антон не чувствовал боли. Он заметил только, что после падения озноб моментально прошел, как будто температура воздуха резко поднялась. Антон очень осторожно ушел с кладбища, внимательно глядя себе под ноги и пытаясь понять, что же с ним произошло.

Глава VI

Синхронные сны

Когда Антон поведал Алешке об обстоятельствах смерти дяди Семена, мальчик погрузился в глубокое раздумье.

— Может, все-таки случайно так получилось? — спросил он с надеждой в голосе, слегка поразмыслив.

— Да уж, случайность! — запальчиво ответил Антон и рассказал о том, что случилось с ним самим. Сначала он об этом умолчал; как-то стыдно было рассказывать о собственных страхах.

Едва он закончил рассказ, как и Алешка рассказал о том, что ощущал на лестнице. Ребята переглянулись. Уж слишком много было общего. Оба еле-еле спаслись. Страшно представить, что же будет дальше. И если Алешка уже свое получил, то за Антона было тревожно вдвойне. Ведь он-то пока жив-здоров! А против того, с чем они столкнулись, не может никакой бокс помочь, будь ты хоть самым Кличко!

— Надо бы остальных порасспросить, — промолвил наконец Алеша. — Может, они тоже что-то такое испытывали, только сказать стесняются.

— Вот так вот все и молчим! — согласился Антон. — Ладно, пойду я, пожалуй, народ обходить!

— Ты что, спятил?! — воскликнул Алешка. — Обходить он собрался! Тебе сейчас надо дома сидеть и не высовываться! А то того и гляди опять кирпич на башку свалится! Теперь и предупредить-то некому!

— А что ты предлагаешь? — возмутился Антон. — Сидеть дома и ждать? Так это и дома может люстра на башку свалиться! Или телевизор взорвется!

— Я предлагаю всех обзвонить, вот что! — ответил Алеша.

— Так тебе и скажут по телефону! — возразил Антон. — Ты сам бы сказал? Тут надо лично беседовать. А то решат, что разыгрываешь, а потом над ними ржать будешь!

— Надо с себя начинать. Тогда ничего такого не подумают! — сказал Алешка.

— А если у других ничего странного нет? — засомневался Антон.

— Ну, посмеются немного. Решат, что головой ударился. Ничего, переживу, — ответил Алешка, представив себе однако, что попасть в такую ситуацию было бы совсем неприятно. Так и прослывешь чокнутым или фантазером!

— И все-таки надо обходить! — решил Антон. — Тех, кто дома, еще обзвонить можно, а вот

кто в больницу попал, с теми по телефону толком не поговоришь. Давай сейчас всех больных поделим. Одних ты обзванивать будешь, а к другим я пойду.

Алешка, несмотря на тревогу за друга, нехотя согласился с этим предложением. Ведь Антон пообещал быть осторожным. Да и опасность, если она действительно существовала и не была плодом их фантазий, и дома была ненамного меньше. К тому же представить себе Антона, терпеливо названивающего по телефону человеку, до которого минут пять ходу, вместо того чтобы к нему бежать, он не мог. Да он и сам бы, наверное, предпочел говорить с глазу на глаз, если бы не нога.

Опасения Алешки и Антона подтверждались. Ребята неохотно делились с ними подробностями своих заболеваний и несчастных случаев. Но кто-то все-таки начинал говорить откровенно, когда понимал, что его не разыгрывают, а кто-то так уходил от ответов, что приходилось предполагать, что тут дело нечисто и человеку есть что скрывать.

Звонок Ане Алешка откладывал очень долго, оставив его напоследок. Он все никак не решался набрать этот номер. Наконец он набрал знакомые цифры. При этом он держал руку на рычаге телефонного аппарата, готовый в любой момент нажать на него и отсоединиться, если к телефону подойдет кто-то другой. Конечно, он понимал, что такое поведение просто глупо, но ничего с собой поделать не мог.

— Аллю! — прозвучал в трубке тихий голос, после нескольких сигналов, когда Алешка готов уже

был повесить трубку. Сначала он даже не узнал Анин голос. Обычно звонкий и задорный, сейчас он звучал как-то глуховато и тихо, и только в интонациях и тембре послышалось что-то знакомое.

— Алло, здравствуй, это я, — с волнением произнес в трубку мальчик.

— Кто это «я»? — последовал резонный вопрос.

— Ну, я. То есть Алешка Романов, — произнес наконец он. От волнения он даже забыл представиться, а его взволнованный голос узнать по телефону было нелегко.

— А, это ты, привет! — обрадованно сказала Аня. Как видно, сидеть дома во время каникул ей было тоже не слишком-то весело. — Ну, как твоя нога?

— Нога ничего, заживает! Скоро бегать буду! — Алешка изо всех сил старался казаться оптимистичным, хотя в душе он совсем не был уверен в своем скором выздоровлении. — Ты лучше скажи, что с тобой случилось.

— Сама не знаю, — вздохнула Аня. — Вроде ничего не болит, и температура нормальная. Как будто симулирую, — невесело рассмеялась она. — Только сил — никаких. Едва до телефона дошла.

— Ой, извини, что заставил тебя встать! — смутился Алеша.

— Вот еще глупости! — возмутилась Аня. — Что же это я, совсем инвалид, что ли?! Я очень рада, что хоть кто-то позвонил. А то лежи тут целыми днями одна и пялся на этот дурацкий портрет!

— Портрет?! — воскликнул Алеша, едва не перхнувшись.

— Ну да, портрет. Помнишь того фотографа? — спросила Аня.

— Еще бы не помнить! — пробормотал Алеша, пытаясь собраться с мыслями. Он никак не ожидал такого совпадения с его собственными ощущениями.

— Ну да! — продолжила Аня. — Мама его, конечно, на самое видное место повесила. Мне он тоже сначала понравился. А сейчас так бесит, просто не представляешь. Я даже снять его хотела, да чуть со стула не грохнулась. Оставила пока все как есть.

— А ты бы родителей попросила!

— Да ну! Чего их расстраивать зря! И так все испереживались. А так решат, что у меня еще и с нервами что-то.

Анин портрет Алеша отлично запомнил. Он показался ему самой удачной работой странного фотографа. Анька на снимке была очень хороша — прямо кинозвезда. Неудивительно, что ее мама была в восторге. Да и сама Аня, как понял Алешка, сначала очень обрадовалась. Она вообще обожала фотографироваться, а своим подружкам по секрету говорила, что не прочь стать фотомodelью.

— И что же тебе не нравится? — спросил Алеша.

— Черт его знает! — ответила Аня. — Просто раздражает, и все. Наверное, потому, что смотрю

на него целыми днями. Вот и Кешке он не нравится.

— А ты откуда знаешь? — спросил Алешка. — Он что, сказал тебе? — Кешка был Аниным попу-гаем.

— Он на него ни разу не сел, — ответила она. — Даже близко не подлетает.

Обычно Кешка летал по всей комнате и очень любил садиться на всякие картины, зеркала и вообще всюду, за что только мог уцепиться.

— Мой Маркиз тоже портрет не любит, — сказал Алеша. — Даже шипит на него иногда.

— Значит, у тебя тоже? — Аня как будто даже обрадовалась этому факту. — Ну а сам ты как?

— Я тоже не очень-то его люблю, — признался Алешка.

— Ну, слава богу! — воскликнула девочка. — А то я уже думала, что это у меня крыша едет! Заклинило меня на этом фото.

— Значит, у нас обоих крыша поехала, — не-весело пошутил Алешка.

— Может, это из-за рамки? — подумала вслух Аня. — Уж больно она какая-то тяжелая и неприятная. В такой только портреты покойников вешать!

— А животным-то что от рамки! — возразил Алешка. — Разве что каким-то составом специальным все это обрабатывалось, вот звери и чуют.

— Ага, ядовитым! — продолжила Аня. — Вот мы и заболели.

— А я от этого ногу сломал? — рассмеялся Алешка.

— Да, точно! — согласилась Аня. — Вообще, у нас получается какая-то беседа двух психов: рамки, портреты, животные...

— Тут действительно спиштишь скоро! — решил наконец Алеша перейти к той теме, ради которой первоначально и затевался этот разговор.

— Да? А что такое? — насторожилась Аня, и мальчик по интонации одноклассницы понял, что она тоже что-то держит при себе и недоговаривает.

— Да мерещится тут всякое, — уклончиво начал Алеша, но постепенно разговорился.

— Сначала мне казалось, что кто-то меня толкнул, когда я падал, — начал он. — И потом еще раз на том же месте едва не свалился. И опять то же самое чувство. И еще: как будто холод какой-то...

Мальчик прервался, опасаясь услышать смех и ехидные замечания, но Аня слушала очень серьезно и его не прерывала. Это ободрило Алешку, и он продолжил.

— А еще сны какие-то дурацкие снятся! — смущенно проговорил он, словно оправдываясь за то, что рассказывает такие глупости. — Все какие-то кошмары, а потом просыпаюсь, и как будто что-то остается... — Алешка прервался, ожидая реакции.

— Со снами у меня тоже не все в порядке, — тихо сказала Аня после долгой паузы. — Я думала, что это от болезни...

— А что происходит? — спросил Алеша, когда молчание сделалось слишком долгим.

— Да нет, ерунда, наверное, — ответила Аня. — Просто снятся такие ситуации, из которых не могу выбраться. А утром просыпаюсь совсем без сил, как будто все это на самом деле произошло. И мерзну, как будто не июнь, а январь.

— А что все-таки снится? — настаивал Алешка. Он понимал, что сам едва ли бы стал рассказывать про всякие кошмары. Мало ли что кому городится! Но ему почему-то казалось, что девочке это сделать гораздо легче; ведь принято считать, что женщины придают снам куда большее значение, чем мужчины. И все-таки он не очень-то рассчитывал на Анино согласие. Тем не менее она вдруг начала рассказ.

— Ты понимаешь, — говорила она, — снится все время, что я то ли связана, то ли прикована где-то, то ли просто непонятно почему пошевелиться не могу. Пытаюсь вырваться, закричать, но ничего не выходит. А иногда только большее становится.

— А это место на пещеру не похоже? — прервал Алешка.

— А ты откуда знаешь? — спросила Аня с некоторым недоверием. Она даже подумала на мгновение, что кто-то рассказал мальчику ее сон, но тут же поняла, что она о нем не только никому не рассказывала, но даже и не записывала в дневник, который иногда вела.

— Это я там во сне оказываюсь, — мрачно пояснил Алешка.

— Тогда понятно, — ответила Аня, хотя на самом деле это ничего не проясняло, а скорее, наоборот, запутывало. С чего бы это им видеть во сне одно и то же место, да еще такое, где, по-видимому, никто из них не только не бывал, но и в глаза не видел?!

— Так вот, — продолжала она, собравшись с мыслями. — У меня такое ощущение, будто я в этой пещере или норе не одна.

— А еще там вещает какой-то отвратительный голос! — воскликнул Алешка.

— Ты, похоже, мои сны не хуже меня знаешь! — заметила Аня.

— Конечно, если снится почти одно и то же! — согласился Алеша.

— А голос и вправду отвратительный! — продолжила девочка. — И причем такое ощущение, будто я его где-то когда-то уже слышала. Вот только никак не могу вспомнить, где и когда.

— И у меня то же самое! — почти кричал в трубку Алеша. — Ну что же это за голос такой!

— Я уже всех знакомых перебрала, — подхватила Аня. — Ну, ни на кого не похоже! Я уж даже артистов стала в памяти перебирать. Может, в каком фильме слышала...

— А это мысль! — воскликнул Алешка. — Точно! Надо бы всякие ужастики пересмотреть. И фантастику. Там такие противные голоса и могут встречаться!

— Мало тебе в жизни ужастиков! — возмутилась Аня. — Вот смотри свои сны, и никаких ужастиков не

нужно будет! — она сильно не любила этот жанр. — К тому же я их и не смотрю никогда.

— Значит, тут что-то другое, — не стал спорить Алешка, решив про себя, что ужастики надо будет все-таки пересмотреть. Все равно дома делать нечего!

— Так вот, этот голос говорит, что мы попались и нас отсюда не выпустят, — продолжила Аня. — И так страшно становится, что начинаешь верить, что это действительно так!

— Не понимаю, как нам может сниться почти одно и то же, — сказал Алешка.

— Знаешь, а я рада, что у тебя то же самое! — неожиданно заявила Аня. — А то я уж думала, что с ума сходить начинаю! А вместе с ума не сходят, только поодиночке, — добавила она, вспомнив мультик про Простоквашино.

Они договорились созваниваться и обмениваться новостями. Правда, про дядю Семена Алешка так ничего и не сказал. Но ведь это, похоже, и не относилось к делу. А зачем зря расстраивать человека?! Тем не менее, несмотря на все неприятности, Алешка после этого разговора почувствовал какой-то подъем сил. Он был уверен, что следующий звонок совершит очень скоро, вне зависимости от того, будут новости или нет.

Этот день получился таким выматывающим, что Алешка заснул, едва коснувшись подушки. Но, как это и бывало в последние дни, сон не принес ему никакой радости. То, что он увидел, оказалось еще худшей картиной, чем в предыдущие ночи.

Конечно, тут могли сказаться переживания последнего времени, как он и объяснял себе утром, но осадок получился очень неприятным.

Итак, во сне он вновь оказался в той же самой пещере и вновь ничего не мог поделать с собой. Только на этот раз там был ярко освещенный участок, что-то вроде сцены в зрительном зале или арены в цирке. И в самом центре этого пятна света находился покойный дядя Семен. Он был очень бледен. Казалось, он силится что-то сказать, но во рту у него был кляп, поэтому оттуда не доносилось ни звука. Его руки и ноги уходили во тьму, но Алешке казалось, что они там прикованы или привязаны.

— Ты очень меня огорчил, помощник, — прозвучал все тот же отвратительный глуховатый голос, от которого мурашки бежали по коже. Только на этот раз в холодном тоне слышалась некоторая издевка. — Ты был настолько глуп, что посмел ввязаться не в свое дело. Да еще ты, червяк, вообразил, будто можешь справиться со мной! Если бы не это, я, быть может, и не тронул бы тебя. А так, прощай!

С этими словами из тьмы появилась рука в перчатке. Она держала какое-то оружие. Какое, Алешке не удалось рассмотреть, уж очень быстро все произошло. Последовал короткий удар по голове дяди Семена, и его тело бессильно поникло, а на виске показалась кровь. Черная рука исчезла столь же мгновенно, как и появилась. А дядя Семен начал медленно погружаться в землю.

— Ты хотел докопаться до меня? — раздался голос, прерываемый глухим замогильным смехом. — Так покопайся же в земле, падаль!

По пещере пронесся стон, и в то же мгновение все погрузилось во тьму. Алешка проснулся весь в поту, настолько все было реально. Он дотянулся до торшера и включил свет. Знакомая обстановка комнаты по идее должна была его успокоить, но его взгляд первым делом упал на фотографию на стене, отчего Алешку вдруг резко пробил озноб. На секунду ему показалось, что он вновь оказался в той же самой пещере. Это ощущение тут же пропало, но на душе стало еще неприятнее. Мальчик погасил свет и опустил на подушку с твердым намерением не спать до утра, но едва он закрыл глаза, как снова провалился в тяжелый сон.

Он вновь оказался в том же самом месте. И на этот раз в центре светового пятна стоял не дядя Семен, а Антон. Приятель был в полном сознании и беспокойно озирался по сторонам, силясь разглядеть что-то во тьме и понять, где находится. Антон не был связан, но создавалось впечатление, что он не в силах выйти из этого пятна света или же боится вступить в тень.

Алешка захотел позвать одноклассника, но он был не в силах произнести ни звука и мог только с ужасом наблюдать за происходящим. В круг света молниеносно влетел какой-то предмет. Он был направлен прямо в голову Антона. Мальчик едва-едва успел увернуться. Предмет этот раскололся на части, и один из маленьких кусочков угодил

жертве в руку. Антон слегка поморщился, но на такую мелочь обращать внимание, как видно, не стал. Он теперь оглядывался испуганно и еще более напряженно, ожидая новых подвохов.

— Подумай, что лучше: быть пленным или мертвым? — раздался голос, и свет после этого погас.

— И ты подумай! — произнес голос повторно, и Алешка почувствовал на себе сверлящий, холодный взгляд.

Проснулся он с криком. Сердце бешено колотилось, за окном начало рассветать. Мальчик совершенно не выспался, но сейчас он не согласился бы заснуть ни за что на свете. Чтобы этого не случилось, Алешка доковылял до стола и стал тщательно записывать сон. Он надеялся, что это как-нибудь поможет ему понять, что же все-таки происходит. А еще он чувствовал, что Антону угрожает какая-то опасность. Если он не может помочь ее предотвратить, то должен хотя бы предупредить друга. Алеша даже с трудом удержался от немедленного звонка, переполошить всех рассветным звонком было неважной идеей, и он от нее отказался.

Антон с утра прибежал к нему сам. Как обычно, слегка взъерошенный и полный энергии.

— Тебе ничего не снилось? — первым делом спросил Алешка.

— Что это за вопросы с утра? — вытаращил глаза Антон. — Когда это ты снами интересовался? Может, тебе на день рождения сонник подарить?

Алешка рассказал ему, в чем дело.

— Вот это да! — присвистнул Антон. — Ты, значит, теперь вроде Нострадамуса.

— Мне не до смеха, — мрачно сказал Алешка. — Я же за тебя, дурак, переживаю!

— Чего тут переживать! — ответил Антон, не обидевшийся на дурака. — Ты же видишь прошлое. Ну, как бы то, что случилось вчера. Только в виде какой-то пещеры.

— Но ведь и Ане то же самое снится! — возразил Алешка.

— Значит, вы с Анькой родственные души! — беспечно заявил Антон. — Кстати, снилось ли ей и сегодня то же, что тебе, это еще вопрос! Давай звони ей!

Алешка набрал номер, но к трубке подошла не Аня, а ее мама. Мрачным голосом она сказала, что дочь еще спит, что сегодня они ждут врача, и, вообще, Аню пока что лучше не беспокоить.

— Ничего, потом сама позвонит! — успокоил Антон, видя Алешкино расстройство. — Девчонки, они любопытные! Обязательно захочет узнать, что там дальше.

— Так, значит, с тобой больше пока ничего не случилось? — уточнил Алеша.

— Нет, все в порядке! — ответил Антон. — И вообще я теперь очень внимательный: под ноги смотрю, под домами не хожу, даже через дорогу только на зеленый иду...

— Ну-ну! — скептически произнес Алешка. — Только и вверх, и вниз сразу смотреть не будешь... Ты лучше скажи, что вчера узнал.

— Говорил я с тем братом Петровым, что просто купанием отделался, — посерьезнел Антон. — Сначала он все отнекивался; думал, что я его подкалываю. Но потом ничего, разговорился. Уж больно ему не хотелось признавать, что они с лодкой управиться не смогли; я на это и бил.

Алешка представил себе эту картину: Антон, начинающий насмехаться за то, что ребята в тихую погоду умудрились перевернуться на лодке! Он не позавидовал бы человеку, оказавшемуся в таком положении.

— Так вот: он говорит, что как-то вдруг очень холодно стало, — продолжил Антон. — Хотя вокруг жара была. А потом словно кто-то начал лодку раскачивать. Говорит, качается, как на море, а никакой волны нет. Ну и потом перевернулась. Димке веслом по башке попало, а Мишка говорит, что он от другого весла еле увернулся!

— Вот это да! — воскликнул в волнении Алешка. — Выходит, это все-таки не случайно! Уж больно много несчастных случаев!

— Да погоди ты! — оборвал его Антон. — Я еще не дорассказал. Он говорит, что выплыть долго не мог: словно давило что-то. А плавает он будь здоров, лучше меня!

— Ну а про сны ты не расспрашивал?

— Я не спрашивал, а он ничего не рассказывал! Вот если бы я раньше знал, что надо спро-

силь! — ответил Антон. — Да, кстати, он кашляет жутко, даже из дома не выходит. Говорит, нагло-тался какой-то гадости, а врачи ничего понять не могут. Говорят, что в легких все чисто...

— Да что они вообще понять могут! — взорвался Алешка. — Может, когда все вокруг перемрут, тогда поймут!

— Ну, ты как хочешь, а я пока помирать не собираюсь! — заявил Антон. — Меня вот даже кирпичом не возьмешь! — И тут он поморщился.

Только сейчас Алешка заметил, что рука у Антона густо намазана зеленкой, а кое-где даже заклеена пластырем.

— Это ты вчера, на кладбище? — спросил Алешка.

— Да, — ответил Антон. — Но это ерунда, пройдет! — И снова поморщился.

— Ничего себе ерунда! — возразил Алешка. — Раз до сих пор болит, значит, не ерунда. Мало ли на кладбище какая зараза!

— Да я уже зеленкой весь перемазался.

— Зеленки мало, — рассудительно заметил Алеша. — Тебе прививку от столбняка делали? А то порежется человек, начнет копать в земле, заразится столбняком, а потом так и помрет. Если упустить, то ничего потом не сделаешь. — Тетя Алешки была медсестрой и любила рассказывать такие медицинские истории с летальным исходом.

— Ладно, ладно! — сказал Антон. — Если будет болеть, пойду к врачу. А прививки какие-то делали, только кто же их помнит, какие!

— А у тебя-то как кашель? — вспомнил Алешка.

— Видишь, не кашляю! — гордо сказал Антон. — Прекратился со вчерашнего дня!

В подъезде раздался какой-то шум.

— Пошли, что ли, выглянем! Чего здесь сидеть! — предложил Антон.

Алешка сильно сомневался, что ему стоит опять выходить на лестницу, но рассудил, что если идти рядом с Антоном, то ничего не случится (если что, приятель поддержит), поэтому согласился.

Глава VII

Новые находки и новые несчастья

Шум и суета в подъезде происходили по печальному поводу. Домой привезли тело дяди Семена. Как оказалось, у него были какие-то родственники, которые и взяли на себя заботу о похоронах, а также хотели присмотреть за освободившейся квартирой. Из других квартир высунулось множество любопытных пенсионеров, которые жалели бедного пьяницу и вполголоса обсуждали случившееся. Некоторые бабульки крестились. Никто не плакал, хотя настроение у всех было подавленное.

Получилось так, что, движимые любопытством и сочувствием, ребята протолкались поближе и оказались совсем рядом с дверью квартиры покой-

ного. Дядя Семен выглядел в гробу очень торжественно и солидно. На его виске была видна крошечная ранка. Казалось невероятным, что она могла послужить причиной смерти здорового, крепкого мужчины.

И тут перед глазами Алешки всплыл сегодняшний сон. Он еле удержался от того, чтобы вскрикнуть. Ранка находилась на том самом месте, куда во сне пришелся удар черной руки. На мгновение мальчику показалось, что на него снова повеяло холодом и он слышит тот самый мрачный, зловещий смех. Алешка крепче ухватился за костыль, чтобы не упасть.

— Ты чего? — шепотом спросил Антон, заметивший состояние друга и решивший, что тот испугался покойника.

— Ничего, все в порядке. Потом расскажу, — шепнул в ответ Алешка.

Внутри квартиры дяди Семена царил полнейший беспорядок. Очевидно, что покойный не так уж часто утруждал себя уборкой. На столе до сих пор стояла недопитая бутылка и лежала недоеденная колбаса. Тут же валялись инструменты. Наверное, мастер и обедал, и работал за одним столом. Внимание привлекла и куча старых, пожелтевших газет. Непонятно для чего они были заботливо сохранены и выглядели при этом так, словно их совсем недавно читали. Но скорее всего дядя Семен просто-напросто стелил их на стол, чтобы его не пачкать.

А в углу валялись какие-то заготовки, недоделанная работа. Алешка сперва уловил в них что-то

знакомое, а потом так и впился глазами. Ему показалось, что это заготовки для портретных рамок, причем из того самого материала, из которого сделаны были рамки для фотографий их класса!

Гроб с телом внесли в квартиру, и дверь закрылась. Народ начал расходиться. Алешка, сопровождаемый Антоном, захромал вверх по лестнице. К счастью, на этот раз подъем прошел без приключений.

— Ну, рассказывай, чего ты так побледнел! — набросился с расспросами Антон, едва они вернулись в квартиру Алешки.

— Сначала рана, — пробормотал Алешка и рассказал о том, как реальное ранение совпало со сном.

— Да уж! — Антон озадаченно почесал затылок. — А ты уверен, что тебе не сейчас это показалось? Может, ты просто додумал сон.

Но в этом Алешка был абсолютно уверен.

— В конце концов, смертельные раны чаще всего и бывают в висок, — сказал Антон, но без особой убежденности в голосе.

— А еще рамки, — добавил Алешка.

— Какие рамки? — не понял Антон.

— Рамки для фотографий. Такие же, как у меня и у других.

— Ах, вон оно что! — воскликнул Антон. — Ну, значит, он их и делал. А что: весь город знает, какой он хороший мастер. Вот фотограф ему и заказал. Если бы кто-то знал, то можно было бы и фотографа отыскать.

— Откуда фотографу его знать? — мрачно сказал Алешка. — Он в нашем городе только появился и сразу исчез.

— Дядя Семен был хорошим мастером, — возразил Антон, но не слишком уверенно. — Он мог и быстро заказ выполнить. Особенно, если деньги кончились.

— Чего теперь гадать! — вздохнул Алешка.

— Да и фотограф тут ни при чем! — добавил Антон. — Мало ли какие чудаки бывают!

Алешка не стал возражать, но рамки не шли у него из головы. Уж больно необычными они были, а он сталкивался с ними во второй раз. И опять при странных обстоятельствах. Мальчик подошел к портрету и стал вглядываться в него. Эх, проникнуть бы в квартиру дяди Семена и посмотреть еще раз: те же это рамки или нет. Вот только кто его туда пустит?

— Знаешь, это не проблема! — сказал Антон, когда Алешка поделился с ним своими сомнениями. — Скажем, что нам надо какую-то вещь отдать, которую мы у дяди Семена забирали. Или, наоборот, взять.

— А это идея! — обрадовался Алешка. — Только лучше все-таки отдать. Так подозрений меньше будет. Надо только теперь придумать что.

— Ну, не знаю. Скажем, что деньги занимали. Или что надо отдать деньги за то, что он нам починил что-нибудь. Предоставь это мне. А то тебе самому уверенности не хватает! Будешь в дверях мямлить!

Проблем с родственниками, как ни странно, не возникло. Дверь открыла женщина в черном платье, не выглядевшая, однако, особо огорченной — она была скорее усталой. Даже не дослушав рассказ Антона о каких-то деньгах, а также о том, что дядя Семен брал у них в починку что-то из посуды, женщина кивнула и пропустила ребят в дом. Со стола уже было все убрано, а на нем стоял гроб с покойником.

— То, что он брал, можете поискать, — сказала женщина, кивнув на кучу разного хлама, валявшегося в углу. — А на деньги лучше цветы ему на могилу купите.

После этого женщина ушла на кухню заниматься какими-то своими делами, оставив ребят одних. Быть может, это было и не слишком разумно с ее стороны, но красть у дяди Семена, похоже, было действительно просто нечего. Разве что инструменты.

Стараясь поменьше смотреть на дядю Семена, который словно бы наблюдал за ними, но уже не мог ничего подсказать, ребята бросились к углу. Покойный мастер брал в починку немало предметов, и ясно было, что родственникам придется с этим разбираться. Возможно даже, что ребята были уже не первыми такими визитерами. Но Антона с Алешкой привлекали только дощечки. Взяв в руки одну из них, Алешка уже был уверен, что это то же самое дерево с чудным узором. Воровато оглядываясь, мальчик сунул одну из дощечек за пазуху. Конечно, ему было немного стыдно, но

он хотел до конца убедиться, что дерево на ней то же самое, что и на рамках. К тому же было понятно, что ни дяде Семену, ни родственникам это уже не понадобится.

Антон тем временем смотрел на кучу газет.

— Ух ты! — шепотом произнес он. — Сколько же лет этим газетам? Они, наверное, его ровесники, если не старше. И зачем это старье ему понадобилось?

— Да брось ты! — шикнул на него Алешка, которому не терпелось скорее выбраться из дома, где находился покойник.

В это время в дверь раздался новый звонок. Ребята, собиравшиеся было уходить, тоже направились к двери. На пороге стоял чудаковатый старичок, живший на соседней улице. Его знал весь город. Вечно неопрятный, в старом плаще, который носился в любую погоду, в очках на веревочке, старичок обычно, если было достаточно тепло, просиживал целыми днями на какой-нибудь скамеечке с целой кипой газет. Газетам этим, зачастую, было несколько десятков лет. Над этим старичком любили посмеиваться. Говорили, что дома у него не протолкнуться из-за старых газет и журналов. Зачем он читает старую прессу, старичок никому не объяснял. Скорее всего он просто вспоминал времена своей молодости, а до современной жизни ему не было ровно никакого дела. Вот и на этот раз этот дедушка держал в руках увесистую кипу.

— Здравствуйте, Семен Иванович дома? — спросил он надтреснутым старческим голосом.

Ребята только сейчас поняли, что никогда раньше не слышали отчества дяди Семена. Как и голоса старичка с газетами.

Женщина в черном объяснила гостю, что Семен Иванович умер, и сказала, что если в доме есть какие-то его вещи, то старичок может их забрать.

— Ай-ай-ай! — сокрушался старичок. — Как жаль! Как жаль! Нет, я пришел не за вещами. Я пришел отдать Семену Ивановичу газеты, которые он хотел прочитать. Я еще вчера его ждал... — И он с виноватым видом указал на свой сверток.

После этого старичок попрощался и засеменял прочь из дома. Ребята тоже вышли из квартиры, недоуменно переглядываясь.

— Ну, этот-то понятно! — пожал плечами Антон. — Весь город знает, что он псих, помешанный на всяком старье. Но дяде Семену-то зачем старые газеты? Я вообще никогда не видел, чтобы он что-нибудь читал.

— Я тоже! — задумчиво проговорил Алешка. И тут его осенило. — Так вот откуда у дяди Семена была эта пачка газет! Старичок приносил.

— Ну, приносил! А для чего? — спросил Антон. — Что его, тоже к старым газетам потянуло? Он-то был нормальным!

— Может, разговорился с этим дедом, — неуверенно предположил Алешка. — Сделал вид, будто ему интересно, а старичок обрадовался и прицепился к нему. Тот и не отказывался из вежливости.

— Из вежливости! — рассмеялся Антон. Уж в чем, в чем, а в излишней вежливости дядю Семена заподозрить было трудно!

— А все-таки я бы эти газеты посмотрел, — задумчиво произнес Алешка, медленно поднимаясь к себе.

Дома Алешка первым делом достал из-за пазухи дощечку. Она была на удивление тяжелой, как будто даже сделана не из дерева, а из какого-то металла, хотя, несомненно, была деревянной. Мальчик долго рассматривал этот предмет и даже приложил его к рамке своего портрета. Сомнений не оставалось: эта дощечка была точно такой же. Она даже по размеру идеально подходила. Алешка вспомнил, что размеры всех портретов были одинаковыми. Значит, это еще одна заготовка. Значит, рамки делал дядя Семен. Вот только что толку от того, что он теперь это узнал. Ведь расспросить-то некого!

Алеше даже стало стыдно за такие мысли. Человек умер, а он думает только о том, что не может теперь у него чего-то узнать! Да и чего он так привязался к этому портрету! И все-таки мальчика не покидало ощущение, что где-то он уже видел такие дощечки.

— Слышал, что с твоей Аней случилось? — спросила мама, вернувшись вечером с работы.

— С какой Аней? — спросил Алешка, весь день напрасно прождавший звонка. При этих словах сердце у него в груди бешено застучало.

— Как с какой? Которая с тобой в одном классе учится, — пояснила мама.

— Слышал, — ответил Алеша. — Болеет, а врачи понять ничего не могут!

— Болеет она уже давно, — сказала мама. — А теперь она проснуться не может.

— Как не может? — воскликнул Алешка. — Она что?.. Умерла? — Последнее слово мальчик выговорил с огромным трудом, через силу, судорожно сглотнув.

— К счастью, нет пока, — ответила мама, и это слово «пока» прозвучало очень тревожно. — Просто заснула и не просыпается.

— Как это заснула? — продолжал допытываться Алеша. — Почему ее разбудить не могут?

— Не могут, и все тут! — сказала мама несколько раздраженно. — Знаешь, такое бывает, только редко. Некоторые люди так могут годами спать. Наверное, так и сказка о спящей красавице появилась.

— А потом что? — спросил Алешка, судорожно сглотнув.

— А потом кто-то так и умирает, а кто-то потом просыпается внезапно, — ответила мама. — Только после такого сна эти люди очень быстро стареют. Как будто наверстывают пропущенные годы.

От таких перспектив у Алешки все похолодело внутри. Весь вечер он не мог сосредоточиться ни на чем другом. Все мысли возвращались к тому, как разбудить Аню. Он даже залез в медицинскую энциклопедию, но так и не нашел там ничего полезного. Только голова заболела ото всех ученых

терминов, которыми там описывались разные болезни и способы их лечения.

Правда, папа, вернувшись с работы и услышав о том, что случилось, говорил, что не всегда все заканчивается так трагично. Он даже припомнил легенду о каком-то древнегреческом мудреце, который в юности пас коз, укрылся от жары в какой-то пещере и заснул. А когда проснулся и вернулся в свое село, то о нем помнил только один дряхлый старик, которого этот самый мудрец знал еще мальчиком. И ничего: после этого мудрец прожил долгую жизнь и сильно прославился. Но Алешку не радовала даже такая перспектива. Ему казалось ужасным проснуться через много лет, когда все вокруг изменилось и не осталось ни одного знакомого человека.

Потом он позвонил Антону. Тот тоже терялся в догадках, но пытался убедить Алешку, что все должно пройти, что врачи обязательно разберутся. Правда, его слова звучали не слишком убедительно.

— А у тебя-то как рука? — спросил Алешка.

— Болит, зараза! — признался Антон. — Наверное, точно какая-то инфекция попала. Но про столбняк я узнавал, мне прививку делали. Так что поболит и перестанет... Зато кашля нет!

— Ты бы к врачу ходил все-таки, — посоветовал Алешка.

— Придется, наверное, — согласился Антон, который вообще-то ходить по врачам терпеть не мог.

Этот день выдался едва ли не утомительнее предыдущего. Уже поздно вечером Алешка понял, что просто боится засыпать. Мало того что ему совершенно не хотелось видеть продолжение вчерашних кошмаров, теперь он еще опасался заснуть и не проснуться, как Аня. Как мальчик не убеждал себя, что это ерунда, что это у Ани такая болезнь, которой у него и в помине нет, ощущение тревоги не только не покидало, но и нарастало с каждой минутой. В конце концов Алешка так и не лег в постель, но бодрствовать всю ночь не получилось, и он просто задремал, сидя в кресле.

Сна он опасался не зря. Сначала ему показалось, что на этот раз он оказался в каком-то другом месте; уж больно там было светло. И только потом Алеша сообразил, что в круге света оказался он сам. Несмотря на то, что дело происходило во сне, внутри у Алешки все похолодело. Он помнил то, что происходило вчера. Но с ним-то днем ничего не случилось! Неужели сон теперь показывает не только прошлое, но и будущее? Мальчик со страхом вглядывался в темноту. Он чувствовал, что на него сейчас устремлено множество глаз тех, кто ждет своей очереди оказаться в этом световом пятне.

— Воришка! — произнес глуховатый голос. В гнетущей тишине эти слова прозвучали так громко, как будто говорящий кричал, хотя на самом деле говорил он довольно тихо и равнодушно.казалось, будто голос доносится со всех сторон сразу.

Следом за этим в воздухе мелькнуло нечто вроде кнута или хлыста, и Алешка почувствовал рез-

кий удар по груди. От боли и неожиданности он вскрикнул и стал затравленно озираться по сторонам, ожидая новых ударов. Но ничего такого не последовало. Пятно света моментально ушло в сторону, словно интерес к нему был потерян.

Некоторое время Алешка в своем сне просто ничего не видел. После слепящего света глаза очень долго привыкали к тьме, в которой он теперь находился. Он видел только неясное световое пятно, внутри которого угадывались контуры человека. Алешка стал приглядываться, глаза постепенно привыкли к темноте, и тут он понял, кто теперь находится в световом круге.

— Анька! — закричал он во сне.

В световом круге действительно была Аня. Она выглядела совершенно растерянной, очень испуганной и ничего не понимающей. Впрочем, как мельком подумал Алешка, и сам он едва ли выглядел лучше! Аня вздрогнула и повернулась в его сторону. Значит, она все-таки слышала! Алешка пытался еще что-то сказать, но не сумел произнести ни звука. Как, впрочем, и в этом, и в предыдущих кошмарах.

— Совсем слабенькая! — произнес все тот же отвратительный голос с деланным сочувствием, а на самом деле с насмешкой. — Придется тебе отдохнуть.

С этими словами глаза у Ани медленно закрылись, а сама она как-то обмякла. Алешке хотелось крикнуть, разбудить ее, броситься вперед, но сломанная нога была крепко чем-то зажата, а язык

как будто налил^{сь} свинцом. Мальчик вынужден был оставаться просто зрителем этот кошмара. Но ничего ужасного больше не случилось. Свет погас, и Алешка наконец проснулся.

Несколько секунд он сидел неподвижно и тяжело дышал. А потом почувствовал, что грудь что-то жжет. Алеша опустил глаза и увидел у себя на груди красную полосу. Именно туда и пришелся удар, который он получил во сне. А еще Алешка вспомнил, как днем он прятал за пазухой дощечку. Разумеется, точное место, где она была, он не помнил, но при этом был почти уверен, что дощечка была именно здесь.

— Ты ночью так кричал, что нам с папой через стену было слышно, — заметила мама за завтраком. — Мы уж тебя будить хотели.

— И что же я кричал? — спросил Алешка, хотя и сам прекрасно догадывался, что скажет мама.

— Сначала Аню звал, — сказала мама. — А потом просто закричал. Что же это тебе такое приснилось?

— Не помню, — соврал Алешка. Он не захотел пугать маму. Скорее всего, она вызвала бы врача или просто стала бы отпаивать его какой-нибудь валерьянкой. Лучше бы Маркизу валерьянку давала; тот от нее в восторге!

— Не надо так беспокоиться, — сказал папа. — Думаю, Аня должна поправиться. В конце концов, молодой, крепкий организм... — Он не закончил фразу, а в его голосе совсем не было уверенности.

Глава VIII

Похороны

Дядю Семена хоронили в этот же день. Ребята никогда не испытывали тяги к похоронным процессиям. Уж очень неприятный осадок после них всегда остается: вид плачущих близких кому угодно надолго испортит настроение. Но в этот раз они чувствовали, что просто обязаны проститься с покойным. Сначала Антон думал идти один, но Алешка неожиданно для самого себя настоял на том, что небольшая прогулка, пусть и на костылях, ему не повредит.

Увидев Антона, Алешка чуть не ахнул. Рука у него была замотана так, словно была сломана. Даже через бинты было видно, как она распухла.

— Инфекция какая-то, черт бы ее побрал! — заявил Антон, предвосхищая расспросы. — Ну, ничего. Мне чего-то вкололи, так что скоро буду как новенький.

— Может, тебе надо в больницу лечь? — участливо спросил Алешка.

— Говорят, что пока просто будут держать под наблюдением, — заявил Антон, который с трудом отбился от попыток положить его в больницу. Может быть, ему это удалось еще и потому, что больница оказалась просто переполненной.

Об Ане по-прежнему не было никаких известий. Звонить ее измученным родителям ребята не

решились и заключили, что, раз нет новостей, значит, все остается по-прежнему. Действительно, и хорошая, и плохая вестъ при столь необычном случае должны были бы облететь друзей и соседей мгновенно.

Хоронить дядю Семена собралось совсем немного народу. Несколько родственников, в том числе вчерашняя женщина в черном, и несколько соседей. Четверо его приятелей несли гроб. Венок был всего один, да еще несколько букетов цветов. Один из них успел купить Антон. Процессию сопровождала стая дворовых собак. Очевидно, они чувствовали уход своего защитника. Слез и рыданий, к облегчению собравшихся, не было, хотя и было несколько обидно за то, что дядю Семена провожают так буднично.

Впереди какой-то хмурый человек нес портрет дяди Семена. Просто удивительно, как быстро его успели сделать. Алеша глянул на снимок и обомлел. Он едва не выпустил костыли от изумления. Фотопортрет был сделан действительно мастерски. И мальчику даже показалось, что он узнал, кто именно сделал этот портрет. Фотография была точно такого же размера, что и фото, которые странный фотограф делал для их класса. И вокруг нее была точно такая же рамка!

Алешка толкнул Антона в бок. Тот сначала не понял, в чем дело, потом посмотрел на портрет с некоторым удивлением, но затем его лицо приняло обычное выражение.

— А что тут удивляться? — шепнул он Алешке. — Дядя Семен эти рамки делал? Делал. Вот фотограф и снял заодно и его портрет.

Возразить было нечего, но Алешке по-прежнему это очень не нравилось. Фото было сделано прекрасно, но тем не менее мальчика оно чем-то раздражало. К тому же, зная дядю Семёна, он не мог себе представить, что тот станет вешать на стенку собственный портрет. Да и когда ребята заходили к нему в дом, ничего подобного там заметно не было. Алешка подумал, что хорошо бы узнать, как появился этот самый фотоснимок.

Узнать это помог ему случай. Две родственницы вполголоса переговаривались о похоронах.

— У Сени даже снимка приличного не было. Разве что двадцатилетней давности, — вздохнула одна из женщин.

— Почему же, этот очень даже приличный! — возразила другая.

— Спасибо, какой-то его знакомый помог, — ответила первая. — Пришел вчера почти ночью, занес вот этот портрет и ушел. Говорил, что должен отблагодарить Семёна за помощь. Обещал и с памятником помочь. Он еще какие-то дощечки взял. Кажется, они ему для фоторамок нужны. А одну никак не мог найти и даже расстроился. Странный какой-то! На похороны не пришел... Его здесь нет почему-то.

— Точно нет? — переспросила вторая женщина. — Может, оделся по-другому.

— Такого не перепутаешь! — уверенно сказала первая. — Такой высокий, худой, весь в черном. Наверное, где-нибудь в похоронной конторе работает. От него даже холодом веет! Я, честно скажу, сперва даже струхнула немного.

Подслушав эти слова, Алешка едва не вскрикнул. Выходит, что таинственный фотограф никуда и не уезжал из города, а скрывается где-то здесь! Только почему же его никто не видит? От кого он прячется? В том, что это тот самый человек, мальчик был уверен. Ну, не может по городу ходить несколько человек с такой странной внешностью, да еще имеющих отношение к фотографии! Эх, подумать только! Он вчера был в их доме! Если бы знать! Правда, Алеша даже не представлял себе, что бы сказал, встретив того человека, но ему казалось, что завеса тайны, опустившаяся в последнее время, тогда каким-то образом приоткрылась бы.

Случилось так, что дядю Семена хоронили совсем неподалеку от того места, где он принял свою нелепую смерть. Антон шепотом объяснял Алешке, где лежало тело и где оступился он сам. Ничего необычного на месте смерти уже не было: дождь смыл все следы. И все-таки Алешку не покидало ощущение, что он чего-то не замечает.

«Интересно, куда же все-таки дядя Семен направлялся в тот злополучный день», — думал мальчик, оглядываясь по сторонам.

Казалось, что вокруг не было совершенно ничего примечательного: невзрачные памятники и кресты, а то и просто безымянные холмики. Конечно, в дру-

гое время можно было бы подумать, что покойный отправился красить какую-нибудь ограду или восстанавливать покосившийся памятник. Но ведь он был без инструментов, а с каким-то дурацким кирпичом. Алешка пожалел, что не может сейчас как следует все здесь осмотреть, и решил, что стоит попросить об этом Антона. Хотя, с другой стороны, что здесь надо искать, он и сам совершенно не представлял. К тому же, если учесть, что случилось здесь с Антоном недавно, он едва ли будет гореть желанием отправиться сюда, да еще и в одиночку.

Глава IX

Старые газеты

Родственники дяди Семена не стали церемониться с его старыми вещами. Многие из них моментально оказались на помойке. Когда Алеша и Антон возвращались домой, в них уже копались два бомжа в надежде поживиться чем-нибудь ценным.

— Погоди-ка! — вдруг сказал Антон и направился в ту сторону.

— Ты что, с ними покопаться хочешь? — удивился Алешка.

Но Антон не удостоил приятеля ответом, действительно подошел к помойке, наклонился и уже через пару минут довольный вернулся назад.

— Вот! — торжественно произнес он, показывая пачку старых газет, считая, очевидно, что это не требует других пояснений.

— Что «вот»? — передразнил его Алешка.

— Это же те старые газеты, что были у него в квартире! — удивился Антон такой непонятливости друга.

— Думаешь, их стоит тому старичку отдать? — спросил Алешка.

— Отдать потом, может, стоит, я об этом и не подумал сразу, — согласился Антон. — Только сначала мы их почитаем.

— Делать тебе нечего! Если хочешь почитать, дойди до киоска и свежую газету купи!

— Зачем мне свежая! — возмутился Антон. — Там все равно ничего интересного нет.

— А в старой есть! — иронически сказал Алешка.

— Раз дядя Семен там что-то нашел, значит, есть! — убежденно заявил Антон. — Может, это к нам отношение имеет.

— Ага, имеет! Разве что к бабушкам и дедушкам!

— А я все-таки посмотрю! — упрямо заявил Антон. — Если не хочешь, я к себе пойду их читать. Только тебя до квартиры доведу.

— Сам дойду! — огрызнулся Алешка. Хотя он страшно устал и помощь принял бы с удовольствием. Да и по лестнице идти одному было страшновато. — Чего уж там! Пойдем ко мне! — добавил он. — Может, там действительно что-то интересное найдем. В конце концов, любопытно же, о чем в то время писали!

Газеты были пятидесятилетней давности, причем в основном местные. Очевидно, дядю Семена интересовали события, происходившие когда-то давно именно в их городе.

Смотреть на старые газеты было непривычно. В них совсем не было обычной теперь рекламы, а статьи были написаны довольно-таки сухо. На первых страницах были напечатаны или речи каких-то руководителей, имена которых с трудом теперь вспоминали даже старики, или же красовались бодрые сообщения о каких-нибудь трудовых успехах.

Прочитав первые несколько фраз какой-то речи, Алешка неудержимо раззевался. У Антона реакция оказалась примерно такой же.

— Ты что, думаешь, что дядя Семен читал всю эту ерунду? — спросил Алешка.

— Не знаю, — ответил Антон, энтузиазма у которого поубавилось. — Разве что вместо сносного. Но что-то же он в них нашел!

— Это теперь обо всяких происшествиях печатают на первых страницах и крупным шрифтом! — догадался вдруг Алешка. — А раньше об этом были только маленькие заметки где-нибудь в конце!

— А ты откуда знаешь? — недоверчиво спросил Антон.

— Знаю, дедушка рассказывал, — ответил Алешка.

— Ну, давай читать с конца! — согласился Антон. — Если найдешь что-нибудь, сразу говори. Тогда, может, и не заснем.

Последние страницы было читать немного веселее. Но все равно едва ли кого-нибудь, кроме разве что завзятых краеведов или людей, о чьих родственниках тут было написано, могли заинтересовать старые новости.

Антон чувствовал, что глаза его сами собой слипаются, как вдруг он заметил среди текста знакомое словосочетание.

— Смотри-ка! — толкнул он в бок Алешку. — Тут про нашу школу что-то написано.

— Интересно, — отозвался Алешка. — Ну и что же там пишут?

Школа эта была старейшей в городе, и ей было уже больше сотни лет. Так что история у нее была богатая, а из ее стен вышло немало достаточно известных в городе людей и даже один знаменитый на всю страну артист.

— А там тогда тоже была какая-то эпидемия! — заметил Антон, пробегая глазами заметку.

Ребята вдвоем склонились над газетой, пытаясь пробраться сквозь частокол казенных фраз и понять, что же все-таки произошло в их школе много лет назад. «Массовое заболевание учащихся», «проводится расследование причин», «выявлены нарушения в работе столовой». Эти фразы вроде бы не оставляли сомнений в том, что случилось.

— Ничего интересного! — разочарованно произнес Антон, первым дочитавший до конца. — Накормили ребят какой-то тухлятиной, вот они и заболели. А столовая тут до сих пор такая!

— Да, в нашей столовой лучше не есть, — рассеянно произнес Алешка, дочитывая статью. — Только вот в столовой ли там было дело?

— А в чем же еще? — недоуменно спросил Антон. — Тут же ясно написано.

— Ну, должны же были объявить какую-то причину! — ответил Алешка. От своего дедушки он слышал, что в те времена виновников любых происшествий старались найти обязательно, причем ими запросто могли объявить и совершенно не виноватых людей.

— Давай лучше другие номера посмотрим! — продолжил он. — Может, там продолжение. А может, это и вообще случайность, и газеты понадобились дяде Семену совсем по другому поводу!

Информация в те времена в газетах давалась довольно-таки скупо. Так что ребятам пришлось изучить множество статей, прежде чем они нашли то, что искали. И тем не менее о многом они все равно могли только догадываться.

В газете сообщалось, что школа была на некоторое время закрыта на карантин. Мальчишки решили даже, что это не так уж и плохо: когда зимой был карантин по случаю очередной эпидемии гриппа, никто, даже отличники, не был сильно огорчен. Мальчишки подумали, что, может быть, и сейчас в школе объявили бы карантин, если бы не начались каникулы.

В другом номере, который датировался несколькими неделями позже, сообщалось, что несколько работников школьной столовой были

посажены в тюрьму за «халатность и нарушение санитарно-гигиенических норм, повлекших тяжкие последствия». О том, что это за последствия, разумеется, не было сказано ни слова. Но сроки несчастные работники столовой получили большие.

Еще в одной газете было напечатано объявление о розыске. В отличие от большинства объявлений такого рода, оно было без фотографии и даже без имени разыскиваемого. Там говорилось только, что ищут высокого человека пожилого возраста, худощавого телосложения, который был одет в черный костюм, черную шляпу и перчатки. Далее сообщалось, где его в последний раз видели, и давались телефоны и адреса, куда должны были обращаться граждане, знавшие о его местонахождении.

— Долго же им пришлось искать! — приснул Антон. — Под такие приметы каждый десятый подойдет!

— А то, что он был весь в черном? — спросил Алешка. — Таких людей не очень-то много!

— Ну, ты лопух! — рассмеялся Антон. — При чём здесь одежда! Ее поменял, вот ты и не в черном костюме! Некоторые преступники специально необычную одежду надевают, чтобы свидетели на нее смотрели, а их примет не запомнили!

— Да, с приметами тут негусто! — согласился Алешка. — Хоть бы написали, какие глаза, какой нос, какие волосы...

— Да и вообще непонятно, с чего это его разыскивают, — подхватил Антон. — Обычно же

всегда пишут: «Разыскивается опасный преступник» или «Ушел из дома и не вернулся», или еще что-нибудь вроде этого...

Судя по тому, что это объявление появлялось еще в нескольких последующих номерах, поиски проходили без особого успеха.

— А я знаю только одного человека, который подходит под эти приметы! — вдруг заявил Алешка.

— Интересно, кто это? — спросил Антон.

— Фотограф, который нас снимал! — ответил Алешка.

— Ну, ты даешь! — Антон так смеялся, что у него даже слезы полились из глаз. — Он тогда разве что в пеленках лежал, а то и вообще не родился!

— Я и не говорю, что это он! — смутился Алешка. — Просто говорю, что очень похож. Может, это какой-нибудь его дед.

— Сам же видишь, что примет почти никаких! — продолжал смеяться Антон. — Ты нашего директора школы в такой костюм наряди, и он вполне подойдет!

— Ладно, проехали! — Алеша уткнулся в очередной номер газеты, но через минуту торжественно воскликнул. — Ну, а теперь что скажешь?! — И показал другу очередное объявление о розыске.

— «Может выдавать себя за фотографа», — прочитал Антон. — Что значит «может выдавать»? Или он фотограф, или нет. А может, и действительно какой-то родственник, — продолжил он после некоторого раздумья. — Тогда фотографов

совсем мало было... Неужели дядю Семена интересовали эти объявления?!

— Не знаю, — честно признался Алешка. — Только мне кажется, что его интересовало именно это. Если не это, то что еще?

— Да, — согласился Антон. — В остальных статьях тут вообще читать нечего! Давай лучше посмотрим другие газеты, — продолжил он.

На последних страницах газет тех времен помимо новостей спорта и прогноза погоды печаталась радиопрограмма (телевидения тогда еще не было), шахматные задачи, а также поздравления и некрологи. Антон очень скоро увлекся описанием какого-то футбольного матча, а Алешка с трудом оторвался от шахматной задачи: в школе он был одним из лучших шахматистов. Мальчик твердо решил прочитать газету целиком, от корки до корки, и выяснить, что же в ней было такого особенного.

— Что-то много народу в то время помирало, — заметил Алешка, просматривая коротенькие сообщения о смерти и соболезнования. И вдруг замер на полуслове. Потом он выхватил газету у Антона и внимательно прочитал скорбную колонку.

— Ты чего? — не понял Антон, увлекшийся перипетиями давнего спортивного состязания. — Нашел что-то?

— Смотри! — Алешка ткнул пальцем в колонку.

— «...выражают соболезнование по поводу безвременной смерти сына...» — читал Антон одно

из сообщений. В другом говорилось о безвременной смерти чьей-то дочери... — Так вот что значит «тяжкие последствия»! — воскликнул он.

Алешка только молча кивнул в ответ. Он представил себе, что такие же «тяжкие последствия» могут случиться и в этот раз.

— Но все-таки это было очень давно, — сказал Антон, немного подумав. — И при чем тут дядя Семен? Он что, знал кого-то из этих людей?..

— Как при чем?! — почти закричал в запальчивости Алешка. — Разве ты не понимаешь, что это значит?!

— И что же это значит?

— Да то, что много лет назад происходило то же самое! — крикнул Алешка.

— Происходило, конечно, — согласился Антон. — Но тогда время было тяжелое, с лекарствами плохо. Тогда люди и от тифа умирали, и от этой, как ее, холеры, и от чахотки...

— От чахотки! — передразнил Алешка, немного успокаиваясь. — Просто дядя Семен заметил, что тогда и сейчас было одно и то же! Вот и стал раскапывать! Наверное, его за это убили!

— Ну, ты хватил, убили! — озадаченно произнес Антон. — Тут доказательства нужны. Там милиция работала: если бы его убили, они бы какие-то следы нашли. К тому же кто его будет убивать за то, что тот узнал что-то о том, что было так давно! Об этом все уже давным-давно позабыли!

— А если сейчас та же причина? — не сдавался Алешка.

— Уже и преступника давно в живых нет! — сказал Антон.

— Ну, значит, это кто-то другой, кто действует таким же способом! — не сдавался Алешка.

— Ага, семейка маньяков. Это у них по наследству передается! — издевался над версией друга Антон.

— Все равно надо того старичка найти и с ним поговорить! — решил Алешка.

— Чего его искать! Я знаю, где он живет! — заявил Антон. — Все равно ему газеты надо отдать. Заодно и поспрашиваю.

— Эх, жаль, не могу с тобой пойти! — произнес Алешка, глядя на загипсованную ногу. После сегодняшних похорон он так устал, что его ужасала сама мысль, что опять придется спускаться и подниматься по лестнице.

— Ничего, я все выясню и тебе расскажу, — успокоил его Антон. — Ну, ладно, мне, пожалуй, пора. А после обеда я к этому старичку заскочу!

Глава X

Разговор с чудаком

Когда Антон подходил к квартире странного старичка, любителя газет, он не знал, как приступить к расспросам. К тому же он так и не смог узнать, как же зовут этого старичка. А как тогда к нему обращаться? «Товарищ»? «Господин»? Назовешь не так, еще обидится. Пенсионеры — они такие!..

Звонка у двери не было. Антон подумал-подумал и постучал. Никто не открывал, поэтому пришлось постучать гораздо сильнее. Потом Антон подумал, что старичок, может быть, глуховат, поэтому забарабанил что есть сил.

— Вы ко мне, молодой человек? — послышался сзади слегка насмешливый голос. — Тогда не зачем так стучать. Я, слава богу, и без того прекрасно слышу.

— Я? Да, то есть к вам, — нескладно пробормотал растерявшийся Антон. Почему-то ему и в голову не пришло, что старичка может не оказаться дома. — Вот! — добавил он, протягивая старичку пачку газет, оставшихся после дяди Семена.

— А! Принесли? Это хорошо! — забормотал старичок, просматривая газеты и, как видно, проверяя, все ли на месте. — А то, знаете ли, архив неполным будет. А таких газет теперь не найти! Да-с!

Антону было очень непривычно, что его называют на «вы». До сих пор на «вы» его называл только школьный историк, и то лишь когда был сильно рассержен или собирался поставить очередную двойку, на которые был щедр.

Сейчас Антон в первый раз смог рассмотреть этого любителя старых газет вблизи. Старичок этот был небольшого роста, не выше Антона, хотя, быть может, так казалось потому, что он сильно горбился. Одет он был очень неопрятно: его неизменный серый плащ вблизи выглядел еще более потрепанным; немногим лучше той одежды, которую можно видеть на бомжах. Очки на

веревочке придавали старичку еще более непрезентабельный вид. Но глаза из-за стекол смотрели на удивление умно и живо, можно даже сказать озорно. Они совсем не походили на глаза человека, живущего исключительно прошлым, а уж тем более на глаза сумасшедшего.

— Проходите, молодой человек! Что же вы стоите? — Старичок тем временем справился с замком, и дверь в квартиру отворилась. — Вы же, как я понимаю, пришли не только за тем, чтобы газеты отдать?

Антону показалось, что этот человек знает о нем очень много и что он ждал его визита. Робя, мальчик переступил порог квартиры. Ему тут же неудержимо захотелось чихнуть, столько в воздухе висело пыли. В квартире все было в общем-то так, как он и предполагал. Вдоль стен стояли книжные стеллажи, на которых лежали стопки пожелтевших от времени газет. Полки были снабжены какими-то неразборчивыми надписями с цифрами. Очевидно, хозяин квартиры старался содержать свои сокровища в порядке. Из-за этих стеллажей в небольшой однокомнатной квартирке почти не оставалось места. Помимо этого, в углу стояла старая, продавленная кровать, а на кухне — стол и два стула, один из которых, видимо, предназначался для редких посетителей.

— Проходите, садитесь! — суетился хозяин квартиры. Как видно, гости к нему заходили нечасто.

Антон опасливо присел на краешек стула. Старичок тем временем ставил на плиту сильно замызганный чайник.

— Сейчас мы с вами попьем чайку и побеседуем, — приговаривал он.

Пока кипятился чайник, хозяин квартиры ни словом не обмолвился о деле. Он возился с заваркой, достал откуда-то засохший кекс и порезал его. Старичок предложил мальчику пока почитать что-нибудь, указав рукой на свои сокровища, но Антон вежливо отказался. С него на сегодня уже хватило старых газет, тем более что он и новые-то читать не любил!

— Ну-с, молодой человек! — сказал наконец хозяин, потирая руки, когда чай был разлит в огромные чашки. — Что вас заинтересовало в прочитанном? — И он посмотрел на мальчика из-под очков словно строгий, но доброжелательный экзаменатор.

— К нам эти газеты, в общем-то, случайно попали, — заговорил Антон, сильно волнуясь и словно оправдываясь. Чтобы скрыть смущение, он сделал большой глоток из чашки, но чай еще не остыл и мальчик обжег себе язык.

— И все-таки, — старичок подул на свой чай и сделал маленький, осторожный глоток. На лице его при этом читалось такое блаженство, словно он впервые в жизни попробовал какой-то божественный нектар.

— Заинтересовало вот это, — Антон молча показал на статьи об отравлении в школе, маленькие некрологи и объявления о розыске.

— Bravo! Bravo! — Старичок от удовольствия потер руки. — Это просто замечательно! Вас заинтересовали те же статьи, что и покойного Семена Ивановича! Умный был человек, царство ему небесное!

Антону почему-то очень не понравилось, что эти же статьи интересовали покойника. А еще он подумал, что при жизни никогда не назвал бы дядю Семена умным.

— Так в чем же тут смысл? Что произошло? — спросил он напрямик.

— Хороший вопрос! — Старичок снова отхлебнул немного чая. — Вы пейте, пейте, молодой человек! Уже должен был остыть!

— Так, значит, вы тоже ничего не знаете? — переспросил Антон, машинально отхлебнув из чашки.

— Почему же, кое-что знаю! — сказал старичок и довольно хихикнул. — Я на память пока что не жалуясь!

Антон подумал, что с такими длинными предисловиями чай ему здесь придется пить до следующего утра. Но хозяина он понимал: сидит здесь, должно быть, один целыми днями со своими газетами, даже словом перекинуться не с кем. Вот он и обрадовался, что к нему хоть кто-то зашел!

— Я тогда в другом городе жил, — продолжил старичок, собравшись с мыслями. — В институте учился. Но незадолго до этих событий некоторое время провел в вашем городе, знакомые у меня тут, конечно, остались, так что кое-какие

слухи до меня дошли. А кое-что из газет потом восстановил. Из них, знаете ли, тоже много чего узнать можно. Особенно, если между строк уметь читать... В школе, да-да, в вашей школе, в той самой, случилась эпидемия. — Он сделал большой глоток, чтобы собраться с мыслями. — Только какая-то странная. Очень многие болели, но все по-разному. А с кем-то просто несчастные случаи были. И, что интересно, все из одного класса!

Услышав это, Антон даже поперхнулся чаем, настолько все было похоже на нынешнюю ситуацию. Теперь он слушал рассказ хозяина квартиры с удвоенным вниманием, понимая, что это отнюдь не пустая болтовня и не просто рассказ о давно минувших временах.

— Ну, разумеется, все тут с ног сбились. Работники столовой под горячую руку попали: их чуть было отравителями не объявили! Врачам тоже досталось: почему вылечить не могут. Пошумели, пошумели, но на этом все и кончилось.

— А с детьми что? — не выдержал Антон.

— С детьми? — переспросил старичок, подливая ему еще чая. — С ними по-разному. Кто-то долго поболел и выздоровел. Кто-то инвалидом на всю жизнь остался. Ну а несколько человек и вообще умерли. — Старичок тяжело вздохнул.

— Их даже похоронили на кладбище на одном участке, — продолжил он после некоторой паузы. — Можете пойти посмотреть, если желаете.

— Можно и посмотреть, — машинально повторил задумавшийся Антон. После случившегося он вовсе не горел желанием посещать кладбище.

— Кстати, Семен Иванович этим участком очень заинтересовался, — как бы между прочим проговорил старичок. — Он после этого на меня и вышел! Он, как тот участок кладбища посмотрел, задумчивый стал, нервный. Все угрожал кому-то...

— А кому? — спросил Антон, вновь глотнув чая.

— Вот этого он мне так и не сказал, — сокрушенно покачал головой хозяин квартиры. — Ох, опасно это было... Любое расследование вообще дело опасное! — назидательно сказал старичок. — Особенно когда нашел что-то и всюду об этом говоришь!

Антон вспомнил, как дядя Семен кричал, угрожая кому-то, на лестнице, и ему стало еще неприятнее. Ведь они с Алешкой занимаются сейчас фактически тем же самым, что и покойный!

— Но ведь дядю Семена... Семен Ивановича... Его же не убили, он сам упал, — сказал мальчик для собственного успокоения.

— Как знать, как знать... — скороговоркой пробормотал старичок. — Что же вы чай не пьете?

— А что это за человек, которого разыскивали? — спросил Антон после некоторой паузы, машинально отпивая из чашки. Чаем он был уже сыт по горло.

— А вот этого никто не знает, — развел руками старичок. — Газеты об этом молчат, так что скорее всего его так и не нашли. Семен Иванович тоже очень им интересовался. Он почему-то ду-

мал, что этого человека как раз и разыскивали по подозрению в каком-то преступлении, а скорее всего в отравлении детей. Он даже обещал его поймать, — добавил старичок. — Вот это совсем уже непостижимо! Что можно найти через столько лет!.. Ведь Семен Иванович попросил меня отыскать и совсем старые издания.

— Какие еще совсем старые? — не понял Антон. По его мнению, и те газеты, которые он недавно держал в руках, были древнее некуда!

— Те, что вышли более ста лет назад! — произнес старичок благоговейным шепотом.

— И они у вас есть? — спросил Антон, тоже почему-то перейдя на шепот и прикидывая, сколько же лет может быть его собеседнику. До ста тот явно не дотягивал.

— Конечно, — старичок сделал несколько глотков. — Когда-то их списали из одной библиотеки... Вот я и подобрал...

— И что же вы там нашли? — спросил Антон.

— В том-то и дело, что практически то же самое! — торжествующе воскликнул старичок и так взмахнул рукой, что едва не опрокинул чашку.

— То есть как то же самое?! — не понял Антон.

— Сейчас я вам покажу. — Хозяин квартиры поднялся со стула, прошел вдоль стеллажей и вынул несколько газет. Ориентировался он в своем бумажном хозяйстве совершенно безошибочно.

— Вот, извольте! — он положил перед мальчиком несколько газет, предварительно смахнув со стола оставшиеся крошки.

Антон приглядывался к старинным изданиям, не решаясь даже сразу взять их в руки. Они выглядели настолько ветхими, что, казалось, должны были рассыпаться от одного только прикосновения. Газеты были еще со старой орфографией: обилием твердых знаков, всякими ятями и прочими вышедшими из употребления буквами, которые Антон совсем не знал. Тем не менее основной смысл написанного был понятен с первого взгляда.

Мальчик наконец взял газеты в руки и стал вчитываться в текст столетней давности.

В статьях действительно сообщалось практически то же самое. Говорилось о загадочной вспышке заболеваемости среди учащихся гимназии, журналисты требовали разобраться и найти виновных, власти отделялись какими-то общими, бессодержательными заявлениями... В одном из номеров сообщалось о прибытии медицинского светила из Санкт-Петербурга и даже помещалась фотография важного толстяка в пенсне, но, судя по всему, знаменитый врач так и не смог ничем помочь. Был здесь также и репортаж о молебне за здоровье, который проводил сам митрополит, но священники помогли не больше врачей. Дальше читать было тяжелее: промелькнуло несколько сообщений о смертях. А потом, по прошествии времени, шумиха как-то сама собой стала стихать.

Антон уже хотел отложить газеты в сторону, но старичок молча указал ему пальцем на колонку объявлений. Среди обычных строчек типа «куплю — продам» промелькнуло сообщение с прось-

бой сообщить о местонахождении фотографа, производившего такого-то числа съемки в гимназии. Через несколько номеров объявление уже обещало вознаграждение тому, кто предоставит такую информацию, и сообщались приметы разыскиваемого: они почти слово в слово повторяли те, что были опубликованы полвека спустя!

— Мистика какая-то! — только и сумел промолвить Антон.

— Мистика или нет, но совпадение, безусловно, любопытное, — пробормотал старичок, снова подливая гостю чая.

— И как же вы смогли это разыскать в старой газете? — восхищенно спросил Антон. — А в газетах за другие годы ничего подобного нет? — поинтересовался он.

— Увы! — хозяин квартиры развел руками. — Это все, что есть! — Хозяин квартиры даже немного расстроился. — А в более старых газетах искать что-либо бесполезно — ведь фотография тогда только начиналась! Да и с местными газетами в нашем городке было плохо...

— И что же нам теперь делать? — задумался Антон. Перспективы вырисовывались безрадостные: ведь тогда больным так ничем помочь и не могли. — И при чем тут дядя Семен?

— Значит, он что-то обнаружил, о чем-то догадался... — задумчиво проговорил старичок. — Если он догадался, то и вы можете! Так что дерзайте! Я бы на вашем месте все-таки посетил тот участок кладбища. Может, и в школе что-нибудь

удастся обнаружить... Ну а если я смогу чем-то помочь, то, как говорится, всегда готов!

Антон вежливо распрощался с хозяином квартиры и вышел на улицу. Голова у него шла кругом от обилия полученных сведений. Только когда за ним закрылась дверь, он сообразил, что даже не знает имени человека, с которым только что так долго проговорил! И еще он чувствовал, что выпил столько чая, что не сможет к нему прикоснуться как минимум неделю!

Алешка с нетерпением ждал возвращения друга. Он сразу же набросился на Антона с расспросами. Так что тому пришлось подробно пересказывать весь разговор.

Когда Антон наконец закончил свой рассказ, повисло долгое молчание.

— Так, значит, выжили не все? — переспросил Алешка. Он подумал о тех, кто чувствовал себя хуже всех; в первую очередь об Ане. Да и самому вовсе не хотелось хромать всю жизнь.

— Наверное, те, кто послабей, не выдержали, — подтвердил Антон.

— Делать нечего: придется на кладбище идти, — вздохнул Алешка.

— Придется! — еще более тяжело вздохнул Антон, которому очень не хотелось идти туда одному. Но Алешка едва ли в теперешнем состоянии мог составить ему компанию. Ведь это не просто прогулка туда-сюда. Наверняка нужно будет рыскать по старым, заброшенным участкам, где все давно заросло сорняками. — Может, сначала со школы начать?

— Можно! — согласился Антон. — Там по крайней мере есть у кого спросить. Да и не чужие мы там, в конце концов!

Алешка уже смирился со своими снами, поэтому вечером отнесся к ним как к неизбежному злу. После сегодняшних переживаний ничего хорошего сниться по идее было и не должно. Да и пытаться не спать всю ночь было бы глупо. Он и так-то здорово утомился из-за сегодняшнего похода, а если не выспаться, то будешь вообще никакой!

Впрочем, увидеть во сне пещеру он ожидал, был готов к этому и даже удивился бы, если бы этого не было. К своему скованному положению он тоже привык. Но в этот раз он почувствовал не тьму, а ослепительный свет; он снова был в круге. У него жутко разболелась нога, словно кто-то сжимал ее тисками. «Не будешь ходить куда не следует!» — звучал у него в ушах отвратительно холодный голос. «Не будешь! Не будешь!» — раздавалось эхо. Боль все нарастала, и Алешка, казалось, готов был уже на что угодно, чтобы ее прекратить, вплоть до того, чтобы каяться, плакать и говорить, как маленький ребенок, что больше так не будет.

Но вдруг мальчик почувствовал, как в груди у него нарастает чувство протеста и какое-то упрямство. «Буду!» — вдруг крикнул он во весь голос. «Буду ходить, куда захочу!» Как ни странно, после этого он снова оказался в темноте, а боль почему-то успокоилась. «Он приговорен!» Голос прозвучал спокойно, но в то же время злобно. Это был как бы комментарий для кого-то, кто тоже на все это смотрел.

После этого в круте света показался какой-то юноша в круглых очках. Алешка его не знал, но в то же время в его облике ощущалось нечто очень знакомое. Одет он был довольно старомодно. Создавалось впечатление, что он вглядывается в темноту достаточно вызывающе. «Тебе все нейдет, старик!» — раздался тот же голос. Алешка поразился и даже стал повнимательнее вглядываться вперед, пытаясь увидеть здесь еще и какого-то старика. Но никого другого в световом круге не было. «Ну, погоди! На этот раз я с тобой рассчитаюсь!» — зло и угрожающе произнес тот же голос. После этого в круте вдруг вспыхнул огонь, все заволокло дымом и больше ничего разглядеть не получилось.

Проснувшись, Алешка долго не мог успокоиться. Значит, бороться можно, пусть даже во сне! Он даже гордился собой за это «Буду!». Правда, слова «Он приговорен» врезались в память. Мальчик понимал, что эти слова относятся к нему, и он обязательно должен быть теперь еще осторожнее. А еще ему не давало покоя, кто же этот юноша, которого голос называл стариком. Алешка долго припоминал его лицо, но на кого тот похож, понять так и не смог. Бросив ломать голову над этой проблемой, мальчик скорчил рожу собственному портрету и отправился завтракать.

Мама настаивала, чтобы Алеша все-таки выпил валерьянки. Оказывается, он кричал не только во сне, но и наяву, причем делал это с таким азартом, что наверняка разбудил не только родителей, но и некоторых соседей. Алешка не стал спорить с мамой, решив, что не грех действительно попро-

бовать это лекарство ради спокойного сна. Не зря же Маркиз так любит его!

На этот раз Алешка решил обсудить свой сон с Антоном. Тот был очень удивлен и даже жалел, что ему самому ничего подобного не снится. Уж очень хотелось ему разобраться во всем самому! Ребята долго перебирали своих знакомых подходящего возраста: родственников, соседей, известных людей, но ни один из них не был похож на того, кого видел во сне Алешка и которого почему-то называли стариком. Так ничего и не придумав, мальчики отправились в школу в надежде, что хотя бы там что-нибудь прояснится...

Глава XI

Школьная история

В школе было непривычно тихо. Ребятам нечасто приходилось оказываться там во время каникул. Экзамены у выпускников уже закончились, и в некоторых классах полным ходом шел ремонт. У порога мальчиков встретила уборщица, баба Груня, которая работала в школе с тех времен, когда большая часть нынешних учителей еще была детьми. Уборщица придирчиво посмотрела на обувь мальчиков, не очень ли она грязная, почувствовала сломавшему ногу Алешке, а потом неожиданно скороговоркой прошептала:

— Ой, не к добру все это, не к добру! — и украдкой перекрестила ребят.

— А что не к добру? — спросил Алешка, тоже от неожиданности перешедший на шепот.

— Опять мор приходит, — сокрушенно прошептала баба Груня.

Мимо проходил завуч, и уборщица, не желая говорить при нем, торопливо отошла в сторону и стала возиться с ведром и тряпкой. Завуч, который выглядел расстроенным, поздоровался с ребятами, спросил про здоровье и рассеянно пошел дальше. Атмосфера подавленности чувствовалась даже в этом.

— Добром это не кончится! — вернулась к прерванному разговору баба Груня. — Так и раньше бывало!

— А вы это помните? — спросил пораженный Алешка.

— Как не помнить, когда племянница почитай год хворала, а у соседки мальчик помер! — ответила уборщица.

— А от чего? — спросил Антон.

— Да кто ж его знает, от чего! — всплеснула руками баба Груня. — Это и врачи не знают! Даром что учились! И теперь то же самое начинается. — И она перекрестилась. — Нечего в школу кого попало пускать! — продолжила она.

— Кого пускать? — осторожно спросил Алешка, уже догадывавшийся, кого уборщица имеет в виду.

— Да ходят тут всякие... — уклончиво ответила баба Груня. — Тогда вот тоже такой приходил. Чудной весь! Я бы его на порог не пустила!

— Фотограф, что ли? — не выдержал Антон.

— Он самый! — с облегчением сказала уборщица. Очевидно, она боялась, что ребята примут ее за выжившую из ума старуху.

— И что, тогда был точно такой же? — не поверил Алешка.

— Вроде как такой же. Хотя, кто его разберет, давно это было! — ответила баба Груня. А потом неожиданно добавила: — Что дьяволу пятьдесят годков! — И снова перекрестилась и почему-то осмотрелась по сторонам, как будто ожидая, что тот, о ком она говорит, внезапно может появиться из-за угла.

— А что же тогда, так виноватых и не нашли? — решил подыграть ей Антон, а заодно и проверить информацию, полученную от любителя старых газет.

— Нашли, да не тех! — насупилась баба Груня. — Разве ж столовая виновата?! Ну, мыли плохо посуду. Так живот поболит и перестанет. Нет, тут дело позакovskyристее!

— Эх, а что же теперь-то делать! — вздохнул Алешка.

— Чую сердцем, пока не отыщут того гада, ничего не выйдет! — вздохнула уборщица. — Только где ж его искать-то теперь! Может, он теперь только через пятьдесят годков явится! — сокрушенно покачала она головой и заковыляла в свою каморку.

Ребята молча переглянулись и направились к школьной библиотекарше Веронике Андреевне. Она по совместительству заведовала школьным музеем, где в том числе хранились старые фотографии. Да и историю школы она знала назубок, по

большей части тщетно пытаясь заинтересовать ей нынешних учеников.

Вероника Андреевна очень обрадовалась, что мальчики пришли к ней с вопросами об истории школы. Ради такого дела она даже прекратила разбирать учебники. Вот только услышав, какая тема интересует ребят, библиотекарьша несколько помрачнела.

— Да ведь это как сейчас! — вдруг ахнула она, словно спохватившись.

— Да, мы тоже заметили! — мрачно сказал Алешка.

— Пойдите, пойдите! Сейчас разберемся! — взволнованно пробормотала она и пригласила ребят в небольшой кабинет, который директор выделил под будущий музей истории школы. Здесь по стенам уже были развешаны разные старые снимки и газетные вырезки о школе, но основная масса экспонатов: выпускные фотографии, старые дневники, журналы и тетради все еще дожидались, сваленные на столах, когда ими займутся и разложат по полочкам.

— Все руки не доходят как следует это разобрать! Уж больно в библиотеке дел много! — извиняющимся голосом сказала Вероника Андреевна. — Ну, ничего, думаю, к первому сентябрю музей будет!

Ребятам от этого стало как-то даже неловко. А Алешка даже пообещал себе, что как-нибудь этим летом обязательно придет помочь Веронике Андреевне разобраться в бумагах. Библиотекарьша довольно быстро и уверенно выудила из одной стопки несколько папок и положила их на сво-

бодную парту, приглашая мальчиков сесть рядом и посмотреть документы.

— Вот это самые первые выпуски, — показывала фотографии Вероника Андреевна. Со снимков смотрели серьезные гимназисты, тогда в школе учились только мальчики. Все ученики были в странной, по теперешней моде, но красивой форме. Рядом с ними были учителя: важные господа в очках или пенсне, обычно с бородкой; один из них вообще заставлял вспомнить фотографии Чехова. Тут же был дородный поп с большим крестом. Вообще же эти фото выглядели солидней нынешних школьных карточек. Рассматривать их оказалось весьма занимательным делом, и Антон с Алешей даже на некоторое время забыли, зачем они сюда пришли.

— Вас должен заинтересовать этот выпуск, — сказала Вероника Андреевна, и голос ее почему-то слегка подрагивал. — Обратите внимание: между этими снимками всего год.

Алеша с Антоном склонились над пожелтевшими фотокарточками, заботливо вклеенными в альбом. На первый взгляд они показались совершенно обычными, но потом... Просто не верилось, что это одни и те же люди, да еще через такое непродолжительное время! На первой фотографии все были здоровыми и довольно жизнерадостными, хотя и изо всех сил старались выглядеть серьезными. А вот на второй... Казалось, будто эти ребята тяжело болеют или их долго морили голодом. Худые, изможденные, какие-то испуганные лица, которые даже на черно-белой фотографии казались очень бледными. Учителя

выглядели какими-то растерянными, а не спокойно-уверенными, как обычно... Присмотревшись, Алешка с Антоном поняли, что на снимке к тому же не хватает нескольких человек. Конечно, семьи этих ребят могли просто переехать в другие города, но мальчики понимали, что скорее всего это, увы, не так, и на втором фото нет тех, кто не смог пережить страшной и странной напасти.

Впечатление от этого прикосновения к истории было очень тяжелым. Ребята совсем притихли, а у чувствительной Вероники Андреевны глаза и вовсе были полны слез. Впрочем, она могла всплакнуть и над жалостливой книгой, и над какой-нибудь киномелодрамой, от которой другой человек просто уснул бы.

— Фотографий пятидесятилетней давности гораздо больше, — сказала наконец библиотекаряша и достала целую стопку материалов.

Картина на этих снимках, в общем-то, повторяла то, что было на более старых. Только фотография к этому времени уже перестала быть редкостью, поэтому, естественно, и кадров было побольше. Ребята на них казались уже почему-то больше похожи на тех, кого можно встретить и сегодня.

Мальчики снова увидели уже знакомые газеты с некрологами. Тех же, в которых говорилось о розысках, здесь не было. Они, разумеется, ничего не стали говорить Веронике Андреевне. Поверить в какого-то «черного фотографа» было непросто даже им самим. Чего уж говорить о ней, которая его, похоже, и в глаза-то не видела!

Тут были даже какие-то любительские снимки с похорон. Лица, разумеется, на них были еще более растерянные и частью заплаканные. Алешка хотел было побыстрее перейти к следующим экспонатам: уж больно неприятно было на все это смотреть. Но тут он впился в фото глазами. Он смотрел в одну точку. Качество снимка было неважное, изображение складывалось из довольно-таки крупных зерен, но какие-то детали разглядеть все-таки было возможно. Мальчик пожалел, что под рукой нет какого-нибудь увеличительного стекла. Антон сначала с недоумением смотрел на друга, а потом тоже стал вглядываться в ту же точку. Конечно, при таком качестве поручиться ни за что было нельзя, но на фотографии была видна другая фотография, в цветах и с траурной лентой. Так вот: ее рамка и сам стиль казались чрезвычайно, до боли знакомыми...

— Пять человек тогда умерли! — всхлипнула Вероника Андреевна, тоже вглядывавшаяся в снимок. — Таких юных! Им бы еще жить и жить!

Алешка вдруг с испугом подумал о том, сколько жизней может унести нынешняя эпидемия. Он знал даже, кто является первым кандидатом в покойники, и от этого ему едва не сделалось дурно...

— Их даже на нашем кладбище похоронили в одном месте, на одной аллейке, — продолжила Вероника Андреевна. — В северной части, ближе к стене.

Антон быстро сообразил, что в том же направлении двигался и дядя Семен, когда его настигла смерть. Конечно, это было не более чем совпаде-

нием. Просто теперь он более-менее представлял себе, где же находится это место.

Послушав еще некоторое время рассказы Вероники Андреевны, ребята вышли из школы. Настроение, разумеется, от услышанного у них не улучшилось ни капельки.

— Надо все-таки идти на кладбище! — вздохнул Антон.

— Я с тобой! — решительно заявил Алешка.

— Да куда тебе с костылем! — попробовал возражать Антон. — Ты и до школы-то еле доковылял! Сиди уж! Я сам!

— Мне тоже надо пойти! — упрямо сжал губы Алешка. — Ничего, дойду! Только сейчас передохнем немного... Там по пути лавочек много. Так что не спеша дойду!

— Ну, как хочешь! — С одной стороны, Антон был, конечно, рад, что у него будет компания, но, с другой, опасался, что назад друга придется тащить на себе. — Только вот что мы там можем найти?

— Сам не знаю! — нахмурился Алешка. — Но что-то должно быть! Недаром и дядю Семена туда тянуло, и старичок туда наведаться советовал...

Глава XII

После пожара

— А вон и его дом виднеется, — показал рукой Антон и вдруг нахмурился. — Что это там стряслось?

Вокруг дома собралась небольшая толпа. Тут же рядом стояли пожарная машина и «Скорая помощь».

— Я побегу посмотреть! Я быстро! — воскликнул Антон и направился к месту происшествия. Алешка изо всех сил заковылял следом.

Рядом с машиной «Скорой помощи» врач перевязывала знакомому старичку руку. Судя по состоянию его одежды и закопченному лицу, он только что вышел из пожара. Неподалеку стоял пожарный с сигаретой в зубах и заполнял какие-то бумаги. Старичок был в очень возбужденном состоянии. Он жестикулировал свободной рукой и что-то выкрикивал. Когда ребята приблизились, они смогли наконец разобрать его слова.

— Никогда не надо скупиться на противопожарную систему! Да-с! — выступал пострадавший. — И пару-тройку огнетушителей дома держать не вредно!

Пожарный, слушая эти слова, одобрительно кивал. Очевидно, его ведомство не возражало бы, если б все так относились к пожарной безопасности. Остальные слушатели посмеивались. Огнетушители дома никто не держал.

— Если бы у меня всего этого не было, пропали бы уникальные документы! — продолжал говорить старик. При этих словах многих слушателей просто разобрал хохот; они неоднократно видели старика с этими самыми документами — газетами многолетней давности. — Теперь же архив практически не пострадал!

— А, молодой человек! Добрый день! — воскликнул старичок, увидев Антона. — Не волнуйтесь, все в порядке! Маленький пожар уже ликвидирован! И все цело! Так что можете заходить, читать! Милости просим!

Многие стали оглядываться на покрасневшего Антона. Когда старые газеты читает пожилой человек, то это еще куда ни шло! Но когда этим же занимается школьник, то, значит, у него не все дома. Поэтому Антон, вежливо поздоровавшись, постарался затеряться в толпе.

К пожарному подошел его коллега, очевидно, старший по званию.

— Ну, что тут? — начальственным голосом спросил он.

— Произошло возгорание, — начал докладывать писавший протокол, бросив и загасив свою сигарету. — Причина не установлена.

— Как не установлена? — строго переспросил начальник.

— Не установлена, — растерянно повторил пожарный. — Никаких сигарет, кипятильников, газовых баллонов. На короткое замыкание тоже не похоже. Как будто на ровном месте вспыхнуло!

— Разобраться и доложить! — сурово сказал начальник. — На ровном месте ничего не загорается!

— Огонь потушен силами жильца, — продолжал рапортовать пожарный.

— Его, что ли? — начальник недоверчиво покосился на старичка.

— Так точно! — ответил пожарный. — В доме была установлена противопожарная система, был огнетушитель. В общем, он сам быстро справился.

— Что же он там хранил? — пробормотал озадаченный начальник.

— Кучу старых газет! — полупшепотом ответил пожарный, очевидно, чтобы хозяин квартиры его не услышал.

— Да-да! — подтвердил старичок, который действительно обладал отличным слухом. — Только не кучу, а архив! И я его спас! Я знаю, как надо хранить документы! Если бы я две тысячи лет назад был в Александрийской библиотеке¹, все бы уцелело!

— А как вы думаете, почему произошел пожар? — вежливо спросил начальник у погорельца. Об Александрийской библиотеке он никогда раньше не слышал, поэтому решил, что хозяин квартиры, человек преклонного возраста, слегка тронулся от переживаний и теперь бредит.

— Думаю, кое-кому не нравился мой архив! — многозначительно заявил старичок. — Не нравилась помощь, которую я оказал нескольким молодым людям в расследовании одного загадочного

¹ В Александрийской библиотеке хранилось множество античных рукописей. Многие из них погибли в пожаре, случившемся во время военных действий, которые вел в городе Юлий Цезарь. Позже большую часть уцелевших книг уничтожили христианские и мусульманские фанатики.

происшествия. Уверен, что это дело рук того, кого мы ищем!

— А кого вы ищете? Какого дела? Какие молодые люди? — Начальник был совершенно сбит с толку.

— Это дело началось сто лет назад! — важно заявил старичок. — А продолжилось спустя полвека! А вот теперь возрождается вновь! Но кое-кому правда не нужна! — И он многозначительно поднял палец необожженной руки.

Пожарный начальник на это только покачал головой и вскоре уехал. Правда, предварительно он проконсультировался с врачами, можно ли оставлять жильца одного и не наделает ли он какой-нибудь беды, но врач его успокоил и сказал, что шок скоро пройдет.

Вскоре врач закончил перевязку, и «Скорая» уехала. Толпа тоже постепенно разошлась. Но ребята решили остаться. Они чувствовали, что старичок в своей странной речи имел в виду именно их. Да и потом, после вчерашнего визита Антон чувствовал себя обязанным хотя бы поинтересоваться здоровьем гостеприимного любителя газет, да и помочь ему разобраться с последствиями пожара. К тому же намек старичка на то, что он пострадал из-за этой истории, его задел и заставил почувствовать себя едва ли не виноватым в случившемся. Алешка, которому он шепотом сказал об этом, с ним согласился и тоже решил задержаться.

— А, молодые люди! Остались? Так я и думал! — радостно заявил старичок. — Конечно, у

меня сейчас, по понятным причинам, некоторый беспорядок, но не стоять же на улице! Так что проходите, не стесняйтесь!

Ребята несмело отправились следом за ним. В квартире очень сильно воняло гарью, как будто здесь кто-то долго и упорно жег костры. А на полу хлюпали остатки воды и пены, оставшиеся после тушения пожара.

— Сейчас я здесь уберусь, и все будет как раньше! — заявил хозяин, распахивая настежь все окна, чтобы запах хоть немного выветрился. Разумеется, Антон вызвался ему помогать.

— Мы с вами двое одноруких! — весело заметил старичок. Действительно, у Антона была перевязана распухшая левая рука, а у него самого — обожженная правая. — А одноногие могут пока что передохнуть! — Старик озорно взглянул на Алешку. — Впрочем, если у вас есть некоторые способности Сильвера¹, можете поставить чай!

Вскоре квартира приобрела более-менее приличный вид.

— Так что же здесь все-таки случилось? — поинтересовался Антон, разглядывая стеллажи с газетами. Ему казалось, что от вспыхнувшего огня все это должно было моментально загореться. После этого было бы не только нереально спасти хоть что-нибудь из архива, но и выйти отсюда живым

¹ Сильвер, герой романа Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ», был одноногим и при этом служил на корабле поваром.

самому. Но тем не менее все газеты были на месте и даже вроде бы не обгорели.

— Пожар! — пожал плечами старичок. — Если бы я был не готов к чему-то подобному, плохо бы мне пришлось!

— А вы были готовы? — спросил Алешка, который уже справился с чайником и поставил его на плиту.

— А как же! — отозвался старичок. — Когда у тебя дома столько документов, надо обязательно принимать меры безопасности! Все бумаги у меня обработаны специальным составом! И храниться будут дольше, и сырость не страшна, и поджечь их трудно! Тут и противопожарная система есть! — И он указал на маленькие датчики на потолке. — Ну и огнетушители у меня имеются. На всякий случай!

— Я и не знал, что у вас все так серьезно поставлено! — честно признался Антон. — И все-таки, что случилось? Вы говорили, будто знаете о том, кто мог устроить пожар...

— Пожар начался совершенно внезапно, — ответил старик. — И, что характерно, в двух местах сразу. Как раз рядом с теми полками, где хранятся документы, которыми мы с вами вчера интересовались!

— А вы что-нибудь видели? — спросил Антон.

— Нет. Признаться, мне стало вдруг очень зябко, и я захотел надеть что-нибудь потеплее и выпить горячего чая, — ответил старичок.

— Точно, зябко!!! — выкрикнул Алешка, неожиданно даже для самого себя. — Мне тоже было жутко холодно, когда я падал!

— И мне! — воскликнул Антон. — Просто мистика какая-то!

— А еще мы все замерзли, как на Северном полюсе, когда фотографировались! — продолжал вспоминать и сопоставлять факты Алешка.

— Очень, очень любопытные совпадения! — забормотал старичок. — Я и сам подозревал, что пожар как-то связан со вчерашним разговором...

— Ну и что, что холодно! — заявил Антон, немного поразмыслив. — Ведь рядом-то все равно никого не было!

— Да, это проблема! — согласился хозяин квартиры. — Но связь несомненна! Кому-то не нравится интерес к этому делу. И у этого кого-то большие возможности...

— Все-таки я не понимаю! — не сдавался Антон. — При чем тут какой-то старый чудак-фотограф? Что он может сделать? Прийти и поджечь квартиру, сбросить с крыши кирпич, толкнуть с лестницы? И при этом остаться незамеченным? А с другими что? Заражает он их, что ли, на расстоянии? И всех разными болезнями?

— Если бы мы знали! — вздохнул Алешка. — Но, в любом случае, следовало бы его найти! Раз он или похожий человек постоянно появляется во время этих дурацких эпидемий, должен же он что-то знать!

— Фотография, быть может, вообще не такая простая вещь, как нам кажется! — неожиданно сказал старичок.

— А что тут сложного? — спросил Антон. — Бери аппарат и щелкай!

— И все равно, как ни говорите, а процесс таинственный! — покачал головой старичок. — Когда фотографию изобрели, это вообще был шок! Кое-кто посчитал это каким-то дьявольским наваждением!

— Некоторые люди готовы объявить дьявольщиной хоть Интернет, хоть жвачку, — махнул здоровой рукой Антон. — Что с такими спорить!

— А вы знаете, что многие племена жутко боятся фотографироваться, — сказал хозяин квартиры. — Они считают, что со снимком может уйти душа. Таким образом, тот, кто владеет фотографией, в каком-то смысле становится хозяином их души. И колдуны для своих обрядов стараются завладеть фотографией человека, на которого они что-то наколдовывают...

— Ну, колдуны! — рассмеялся Антон. — Выходит, мы имеем дело с колдуном! Как там с ними надо бороться? У меня, между прочим, крестик на шее висит. А у тебя? — он обратился к Алешке.

— Ничего у меня не висит! — как-то раздраженно ответил Алешка. — А что до фотографий, то, может, не зря многие к ним так относятся?

— И ты туда же! — удивился Антон.

— В нашем мире много таинственного, скрытого от человеческих глаз... — неожиданно заявил старичок.

Ребята переглянулись. Антон окончательно решил, что пожар плохо повлиял на хозяина квартиры.

— Мы же с вами не знаем, что произошло! — пояснил старичок. — Пока что единственная связь

между всеми этими событиями — фотограф и его снимки. Жаль, что мы так теперь и не узнаем, к каким же выводам пришел Семен Иванович!

Наконец уборка была завершена, и все сели пить чай. В квартире было только два стула, так что Антон во время чаепития примостился на подоконнике и пару раз украдкой выливал чай из своей чашки в распахнутое окно — за последние дни он его обпился. Ребята рассказали старичку обо всем, что узнали от Вероники Андреевны, и он от этого внезапно помрачнел.

— Сведения, конечно, интересные! — пробормотал старичок. — И они подтверждают наши предположения. Вот только зря вы подключили ее к этому делу!

— Это почему же! — не понял Антон.

— Как видите, у тех, кто интересуется этими фотографиями, этими событиями, случаются разные неприятности, — тихо сказал старичок. — Так что будем надеяться, что эта женщина, показав вам снимки, уже забыла об этом и занимается другими делами.

— Об этом мы и не подумали! — виновато сказал Алешка.

— Ничего страшного! — подбодрил его хозяин квартиры. — Я все-таки думаю, что все обойдется!

После этого он поблагодарил ребят за помощь и попросил держать его в курсе событий. Сам же пообещал хорошенько подумать над этим делом и попробовать поискать в старых газетах чего-нибудь еще.

— У него случился пожар! — воскликнул вдруг Алешка, когда ребята, задумавшись, возвращались назад.

— Ну и что? Ты только сейчас понял? — Антон посмотрел на него как на сумасшедшего.

— Во сне тоже был огонь! — торопливо говорил Алешка. — Так вот на кого похож тот самый юноша из сна! — Теперь он уже понял, почему черты лица казались ему знакомыми.

— Ты хочешь сказать, что это наш старичок? — недоверчиво спросил Антон.

— Да! Теперь я уверен! Это он пятьдесят лет назад! — твердо сказал Алешка. — Значит, старик и тогда пытался что-то сделать, — продолжил он размышления вслух. — Эх, надо бы его еще порасспросить!

Возвращаясь домой, Алешка замешкался перед лестницей. Он даже пожалел на мгновение, что Антон уже пошел к себе, но тут же сам устыдился своей трусости. Во-первых, нельзя же всего бояться в собственном доме! Ну, а во-вторых, Антону тоже лучше поменьше одному ходить по всяким лестницам. И все же в этот раз Алеша воспринял с большим облегчением, что одновременно с ним домой возвращался сосед.

Дома мальчик с трудом удержался от звонка Аниным родителям, но все-таки решил, что в такой ситуации их лучше не беспокоить. А новость, плохая или хорошая, быстро облетела бы город. Мальчик чувствовал, что из всех заболевших именно Аня самое слабое звено, и если он хочет ее спасти, то должен спешить сделать хоть что-ни-

будь! Конечно, медицина за последние годы шагнула далеко вперед, но Алешка был почему-то уверен, что никакие, даже самые лучшие, врачи помочь здесь не смогут...

На спокойные сны Алешка, разумеется, рассчитывать перестал уже давно. Но какие-то надежды у него всегда оставались. К тому же после вчерашнего сна мальчик ощутил, что может сопротивляться, и это прибавило ему сил. И все-таки он даже выпил валерьянку по маминому совету, но это ему, увы, не помогло.

Сначала Алеше приснилась Вероника Андреевна. Близоруко шурясь, она, похоже, никак не могла понять, что же, собственно, происходит и где она находится. Внезапно налетевший сильный порыв ветра просто сбил ее с ног. Никаких комментариев не последовало, а разглядеть, не пострадала ли библиотечарша, Алешка не смог.

В продолжении сна Алешка опять оказался главным героем. В круге света теперь снова был он сам. А рядом с ним — Антон. Они находились там вместе очень долгое время, но ничего не происходило. Ребята постоянно ждали удара с любой из сторон, и эта пауза все увеличивала и увеличивала и без того огромное нервное напряжение. «Они приговорены! — зло и холодно прозвучал голос. — Придется нарушить очередь. Они первые». Больше не было сказано ни слова, и свет моментально исчез, но Алешка понимал, что и без того сказано достаточно. Даже больше чем достаточно.

Когда мальчик проснулся, сердце у него бешено колотилось. А в ушах все звучали те же самые слова. Алешка понимал, что сегодняшний день может оказаться решающим, что сегодня должно произойти нечто важное, но вот что — это оставалось загадкой. Разве что на кладбище что-то обнаружится... А еще он твердо знал, что надо будет смотреть в оба, и опасность им обоим может угрожать нешуточная.

— Да ладно тебе! — сказал Антон, когда Алешка поделился с ним своими тревогами и сомнениями. — Может, это вообще просто блеф, запугивание. Руки у него короткие, чтобы что-то сделать, вот и пугает!

— На пожар у него рук хватило, — возразил Алешка. — А у меня, например, никакого огнетушителя нет. И у тебя, по-моему, тоже.

Мальчики решили попытаться узнать, все ли в порядке с Вероникой Андреевной. Изменив голос, Антон позвонил в школу и попросил позвать ее к телефону. В учительской ответили, что Вероники Андреевны сегодня на работе не будет. Антон так и не понял, кто из учителей отвечал (очевидно, тот не вел у них никакого предмета), но создавалось впечатление, что тот тщательно подбирал слова.

Потом ребята нашли в справочнике домашний номер Вероники Андреевны, но там в трубке были только гудки. Движимые предчувствием, что произошло нечто очень нехорошее, ребята набрали номер ближайшей больницы. Тут инициативу снова взял на себя более решительный Ан-

тон; Алешка же почему-то всегда стеснялся звонить в какие-нибудь учреждения и просто мало-знакомым людям.

— Вы не подскажете, в каком состоянии Копылова Вероника Андреевна? — спросил он у дежурной медсестры как можно увереннее. — Это вас из третьей школы беспокоят.

— Минуточку, — медсестра зашелестела бумагами. — Не волнуйтесь: ей гораздо лучше. Она уже пришла в себя; серьезных травм нет.

Антон машинально поблагодарил медсестру за информацию и повесил трубку. Выходит, с Вероникой Андреевной все-таки что-то случилось, и они невольно были тому причиной. Если бы только знать, они бы вчера ни за что бы не пошли в школу. Хотя в этом случае не узнали бы многое из того, что было много лет назад.

Алешка вдруг вспомнил, что его тетя работает в той же больнице, и позвонил ей, чтобы узнать, что же произошло.

Оказалось, что тетя как раз дежурила, когда в больницу доставили Веронику Андреевну, а потому рассказать смогла достаточно много. Она ничуть не удивилась, почему это племянник интересуется происшествием, так как считала такое любопытство абсолютно естественным.

Монолог тети сопровождался многочисленными восклицаниями, междометиями и выражениями типа «какой ужас!», но суть удалось уяснить достаточно быстро. Оказалось, что библиотекарьша полезла за чем-то на верхнюю полку, а стремянка, на которой она стояла, почему-то опрокинулась.

Вероника Андреевна получила небольшое сотрясение мозга, но, к счастью, ничего не сломала и поправиться должна была быстро.

Когда Алешка наконец смог повесить трубку, от болтовни тети Маши у него разболелась голова. К тому же тетя заодно попыталась рассказать племяннику еще о нескольких происшествиях. Но, главное, ребята смогли выяснить, что теперь Веронике Андреевне ничего не угрожает, и это радовало. Конечно, еще беспокоил старичок, но тот, судя по всему, был человеком предусмотрительным и мог в случае чего за себя постоять.

Глава XIII

Происшествия на кладбище

Путь на кладбище показался Алешке долгим. Нога ныла нестерпимо, и он уже пожалел, что решился на эту затею. Но мысль о том, что нельзя терять время, что Аня никак не может пробудиться, что они в опасности, придавала сил. Ребята всю дорогу молчали, что для разговорчивого Антона было совсем не характерно. Но сейчас момент был настолько ответственным, что его и самого не тянуло на разговор.

Войдя на территорию старого кладбища, ребята остановились у ворот в нерешительности. План, висящий у входа, показывал только номера участ-

ков, да еще места захоронения известного писателя и одного декабриста, сосланного в их город.

— Пойдем по пути дяди Семена, — предложил Антон. — Мне кажется, он знал, куда идти, и Алешка с ним согласился.

Вначале идти было легко: аллейки у входа содержались в порядке. Но вскоре в более старой части кладбища аллейки превратились в узкие проходы, а потом и вовсе пришлось протискиваться между оградами. Впрочем, Алешке это было даже на руку: можно было хвататься за ограды, которые порой с успехом заменяли костыли.

— Вот здесь лежал дядя Семен, — мрачно сказал Антон.

Алешка долго смотрел на это место, представляя, что же случилось здесь несколько дней назад. Сейчас о трагедии уже ничего не напоминало. Только неподалеку валялся кусочек кирпича, с которым дядя Семен, очевидно, и шел в свой последний прижизненный путь.

Ребята растерянно озирались по сторонам. Дальше шли довольно-таки заброшенные участки. На некоторых памятниках надписи уже стерлись, другие памятники и кресты и вовсе завалились. Многие участки заросли бурьяном. Но кое-где родственники содержали старые могилы в порядке, а на некоторых участках встречались и свежие захоронения. Народу здесь всегда было мало, а в этот час почему-то и вовсе не встретилось ни одного человека.

— Вот и пришли, — произнес Антон. — Куда же теперь? Эх, старичка бы сюда! Он наверняка знает что и где!

— Знает-то он в основном то, что в газетах, — проворчал Алешка. — Если много лет назад об этом писали, то тогда, может, и знает. — Но, на самом деле, и он не возражал бы, чтобы вместе с ними был кто-то еще.

— Ну, что? Постоишь здесь, а я пока поищу? — предложил Антон. Он испытывал некоторые угрызения совести, что потащил Алешку с собой.

— Я с тобой пойду. Вот только передохну немного, — ответил тот. — Думаю, по одному нам ходить не стоит.

Внезапно мальчишки почувствовали, что вокруг резко похолодало. Это было тем более странно, что светило яркое солнце, и Алешка так вообще весь вспотел, управляясь со своими костылями. Сейчас нога у него нестерпимо заныла, да так, что от этой боли хотелось плакать. Антон тоже вдруг схватился за забинтованную руку, и видно было, как он стиснул зубы.

— Похоже, начинается, — сказал Алешка, прерывающимся от волнения голосом.

— Да уж! — поежился Антон. — Надо было какую-нибудь куртку захватить!

Вполне возможно, что каждый из них по отдельности не выдержал бы и повернул назад, но сейчас они были вместе, и сдаваться было стыдно.

Алешка заметил, что левый бок у него почему-то мерзнет сильнее, чем правый. Когда он сказал об этом другу, тот признался, что ощущает то же самое.

— Значит, нам и надо налево! — решил Алешка.

— Точно! Я как-то не подумал! — согласился Антон.

На самом деле, почему им надо было идти в ту сторону, откуда шел холод, ребята объяснить не смогли бы. Тут скорее действовала интуиция.

По мере продвижения мороз все крепчал. Казалось, что неподалеку находится какая-то огромная морозилка. На боль мальчишки старались внимания не обращать, хотя с каждым шагом идти было все труднее и труднее. Наконец впереди замаячили несколько одинаковых памятников, поставленных в ряд. Холод, как ни странно, значительно ослаб. Как будто кто-то решил, что раз уж упрямы добрались до цели, то теперь и незачем им мешать, а лучше поберечь силы.

Когда ребята подошли поближе, то они разглядели на каждом из памятников детскую фотографию. Даты смерти, выбитые на камнях, различались буквально на несколько дней. Стало очевидно, что они пришли именно туда, куда нужно. Фотографии детских лиц на памятниках, очевидно, были сделаны рукой мастера. Каждый из снимков был индивидуален, и мальчишки и девочки на них выглядели как живые. Фотографии эти отличались от обычной фотокерамики на памятниках. Снимки смотрели из до боли знакомых рамок. Несмотря на долгий промежуток времени, они выглядели совсем свежими, как будто сделанными только что. Казалось, что время над ними абсолютно не властно. Очевидно, здесь применялся какой-то особый состав, способствующий долгому сохранению и устойчивости к непогоде.

Алешка и Антон долго молча смотрели на лица своих ровесников, читали их имена и фамилии, предполагали, какими они были и какими могли бы стать. Лица на снимках были настолько живыми, что, казалось, еще чуть-чуть, и они заговорят. Могилы тут выглядели ухоженными. Очевидно, еще оставались родственники, помнившие детей.

— Посмотри на даты смерти! — сказал Алешка.

— Ух ты! — в смятении воскликнул Антон. — Выходит, самая первая смерть датируется сегодняшним днем, только полсотни лет назад.

— Если мы ничего не предпримем, — взволнованно произнес Алешка. — То, быть может, сегодняшний день станет таким же.

— А что мы можем сделать? — спросил расстроенный Антон, прикидывая, кто же должен стать первой жертвой. — Ну, нашли мы эти памятники, убедились. И чего теперь?

Алешка и сам не знал, что они могут сделать. Он растерянно смотрел на памятники и как раз пытался это понять. Ему казалось, что уходить еще рано, что еще можно что-то узнать, что еще должно произойти хоть что-нибудь, что подтолкнет их к разгадке.

Ребята вдруг заметили, что в их сторону направляется довольно большая группа людей, человек пятнадцать. На этом старом кладбищенском участке такая большая делегация выглядела странновато. На всякий случай мальчишки отошли в сторону и принялись наблюдать.

Когда эти люди подошли поближе, стало заметно, что все они довольно пожилые, а в руках у

многих цветы. Они молча положили цветы к памятникам. Кто-то из них достал бутылку, разлил спиртное по пластиковым стаканчикам, и собравшиеся так же молча выпили, очевидно, поминая покойных. Теперь они заговорили, и до ребят доносились обрывки фраз, имен. Только тут мальчишки поняли, что это пришли бывшие одноклассники умерших, не забывшие тех страшных событий.

— Может, надо бы их расспросить? — произнес Антон, готовый уже подойти поближе.

— Не надо пока! — удержал его за рукав Алешка. — Дай людям спокойно повспоминать! И потом: ты же помнишь, что с Вероникой Андреевной случилось! Того и гляди мы на них беду накличем!

— Это верно! Но как иначе мы можем что-то узнать? — спросил Антон.

Тем временем ветер переменялся, и теперь разговор был слышен более отчетливо, почти целиком. В основном он не представлял для ребят никакого интереса: шли какие-то воспоминания, назывались имена людей, о которых ни Алешка, ни Антон не имели ни малейшего представления. Но потом разговор зашел о более современных делах, и тут уж они навестили уши.

— Говорят, и сейчас это снова началось, — сказал высокий бородатый мужчина.

— Да ну, ерунда! — ответил другой, нервно куривший чуть в стороне. — Теперь и условия лучше, и врачи другие...

— Началось, началось! — подтвердила одна из женщин. — У моей соседки внук сильно болеет. И она говорит, что в классе многие так же...

— Если разоб́раться, то никто так и не знает причин того, что было, — сказал дядька в очках, похожий на профессора.

— Ну, приехали! — воскликнул курильщик. — Ведь было расследование, виновных установили! Плюс еще несколько совпадений с несчастными случаями... Вот и пошли слухи! А сейчас медицина развалена! Вот и опять диагноз поставить толком не могут!

Спорщики говорили как-то лениво. Очевидно, подобные препирательства случались у них регулярно, и все аргументы они уже давно друг другу высказали. Только сейчас новые заболевания слегка подогрели интерес к этой теме.

— А какие все-таки фотографии замечательные! — сказала одна из женщин, стремясь, как видно, увести разговор от набившей оскомину темы. — Они там как живые! — Она аккуратно, чтобы не размазать косметику, вытерла в уголках глаз появившиеся слезы. У меня тоже такой снимок дома до сих пор хранится! Посмотришь, и вспомнишь молодость...

— А почему тогда фотографа разыскивали? — спросил бородач. — Наверное, с ним тоже было что-то нечисто.

— Почему разыскивали, понятно, — раздраженно ответил курильщик, отбрасывая в сторону окурок. — Надо было собирать свидетельские показания! К тому же он нигде зарегистрирован не был, снимал на свой страх и риск, подрабатывал, а по тем временам это, считай, преступление...

Еще немного поговорив, бывшие школьники направились обратно. Ребята решили их не догонять и ничего не спрашивать. Они только получили бы новые подтверждения тому, что уже и так знали.

— Ну, что, пойдём назад, что ли? — прервал молчание Антон.

— Скоро и наши памятники вот так же будут стоять... — словно не слыша его, пробормотал Алешка. Он был очень расстроен тем, что услышал. Если люди за много лет так ничего и не узнали, то как же им самим разобраться всего за день?!

Ветер тем временем усиливался. Неожиданно резкий порыв чуть не сбил мальчиков с ног. Алешке так вообще пришлось всем телом навалиться на костыли, чтобы удержать. Вновь стало очень холодно. И тут сзади раздался сильнейший треск. Ребята стали оборачиваться и с ужасом увидели, что старая огромная кладбищенская липа надломилась и падает прямо на них. Антон хотел было отскочить в сторону, но, поняв, что Алешка на костылях никак не сможет убежать от падающего дерева схватил его здоровой рукой и потащил в сторону.

Огромный толстый ствол неумолимо нависал над ними и вот-вот должен был обрушиться на головы. Все происходило как в замедленной съемке. Мальчишкам казалось, что еще мгновение, и от них останется только мокрое место. И вдруг падающее дерево как будто замерло на месте и, слегка изменив направление падения, рухнуло рядом с ними, только слегка хлестнув своими ветками. Казалось,

что свершилось какое-то чудо. И только потом ребята заметили, что один длинный и толстый сук уперся в крайний из памятников, который и сам устоял, и изменил направление падения этой махины. Мальчишкам показалось, что они услышали какой-то вздох. После этого ветер моментально прекратился, внезапно потеплело и вокруг установилась полнейшая тишина.

— Вот тебе и дата! — только и смог воскликнуть ошеломленный Алешка.

— За деревьями надо следить! Подпиливать их вовремя! — возмущенно крикнул Антон неизвестно кому.

— Тут подпиливай — не подпиливай... — мрачно сказал Алешка, но так и не закончил фразу. Он увидел, что к ним бежит запыхавшийся старичок с очередными газетами под мышкой.

— Слава богу! Вы живы! — воскликнул он, тяжело дыша.

— Да уж, еще чуть-чуть, и крышка! — вместо приветствия произнес Антон, тяжело присаживаясь на поваленное дерево.

— Я спешил, чтобы пойти с вами! — пояснил старичок, присаживаясь рядом. — Я понял, что вы сюда придете, и решил вас предупредить, что это опасно!

— И что же вам помешало? — Сейчас Антон был в таком настроении, что готов был подозревать всех и каждого. — Мы вышли совсем не рано.

— Вышли-то вы не рано, но у меня в двери сломался замок, — пояснил старичок. — Так что

я сидел дома и дожидался, пока меня вызволят. Даже опоздал на встречу со своими знакомыми.

— Так это ваши знакомые! — воскликнул Алешка. — Вы случайно не учились в том же классе?

— Нет, что вы! — замахал руками любитель газет. — Вы мне льстите! Я не настолько молод. Просто незадолго до прискорбных событий я проходил в этом классе практику; я учился тогда в педагогическом институте.

— Так вы были свидетелем всего этого? — спросил Антон. — Что же вы сразу не сказали!

— Увы, свидетелем я не был, — ответил старичок. — Учился я в другом городе и обо всем узнал уже после смертей. Я пытался понять, в чем же тут дело, но, увы...

— А что потом? — спросил Алешка. — Неужели вы не пришли ни к каким выводам?!

— Видите ли, когда я попытался высказать свои догадки, — старичок замялся, — меня посчитали сумасшедшим... Так что следующие несколько лет мне пришлось провести в психиатрической лечебнице. Разумеется, после этого свои предположения я держал при себе, тем более что ничего подобного больше не случилось. Конечно, с мечтами о карьере учителя после этого пришлось распрощаться, и я всю жизнь проработал в местном архиве. — Старик снял очки и устало протер глаза.

— А почему же вы не рассказали обо всем нам?! — воскликнул Антон.

— Видите ли, мои выводы могли показаться вам фантастичными, — смущенно сказал стари-

чок. — Я дал вам информацию и хотел проверить, не подтвердите ли вы мои догадки. Ну и сегодня хотел поговорить на эту тему с моими старыми учениками...

— Но сейчас-то вы нам расскажете? — спросил Антон.

— Да, теперь пора! — ответил он. — Не могли бы вы догнать моих знакомых и попросить их вернуться? А то я совсем устал.

Антон с готовностью вскочил с места и побежал к выходу с кладбища. Он был заинтригован и хотел как можно быстрее услышать, в чем же тут дело. Старичок же и Алешка остались наедине.

— Надо было мне поговорить с вами раньше. Теперь же вам придется спешить. Конечно, ключ в том самом фотографе, это ясно... Какие они живые! — Старичок подошел к одному из памятников, вглядываясь в снимок и шепча что-то неслышное.

И тут Алешке показалось, что снова стало холодно. Он тревожно принялся оглядываться по сторонам. А когда повернулся назад, то увидел, как его собеседник, схватившись одной рукой за сердце, а другой ухватившись за памятник, медленно оседает на землю. Мальчик так быстро, насколько у него хватало сил, заковылял к нему, стал звать на помощь. К ним уже спешили Антон и самые резвые из бывших учеников.

Среди них, к счастью, оказался один врач. Он сунул старичку под язык какую-то таблетку, стал раздавать указания окружающим. Кто-то звонил по

сотовому, вызывая «Скорую». Самые сильные из собравшихся подхватили пострадавшего на руки и понесли к выходу с кладбища на его же плаще...

Ребята во всей этой суете остались не у дел. Они медленно, насколько хватало сил у Алешки, побрели за процессией. Уже у ворот они увидели, как старичка погрузили в «Скорую помощь», и машина, сверкая и завывая сиренами, рванула с места. Мальчишки опять почувствовали себя лишними в этой группе пожилых людей, поэтому они отправились к Алешке домой, чтобы обсудить случившееся и просто отдохнуть, отойти от переживаний.

Глава XIV

Испорченные портреты

— Эх, каких-то нескольких секунд не хватило! Еще чуть-чуть, и мы бы все узнали! — Алешка был безутешен.

— И чего бы ему сначала нам не сказать! — поддержал его Антон. — Второй раз так получается: сначала дядя Семен, а потом этот старичок. Надеюсь, он-то выкарабкается... Так он тебе ничего сказать не успел?

— Ничего, — горестно подтвердил Алешка. — Сказал только, что все дело в фотографии, а потом ему вдруг плохо стало...

— Значит, фотограф... — задумался Антон. — Но что он мог сделать?

Ребята прошли в Алешкину комнату и стали опять разглядывать фотографию. Снимок был до того похож на кладбищенские, особенно на один из них, что мальчикам стало еще более не по себе.

— Выкинуть бы его к чертовой матери! — рассердился Алешка.

— Так кто тебе мешает? Давай! — поддержал Антон.

— Мама точно не поймет! — ответил Алешка. — И чего он так всем нравится?!

— А ты сделай вид, будто случайно его разбил! — посоветовал Антон.

— А это идея! — оживился вдруг Алешка. Врать он, по правде говоря, терпеть не мог, но чтобы избавиться от этого проклятого портрета, был готов практически на все.

— А эта дощечка, которую я нашел у дяди Семена, до сих пор у меня, — вдруг вспомнил он. — Давай ее, что ли, рассмотрим получше.

— Давай! — согласился Антон. — Все-таки она странная какая-то! Да и делать-то нам все равно больше нечего!

Алешка достал дощечку из ящика. Ребята долго разглядывали непривычно тяжелое дерево. Алешка даже достал лупу, но испещрявшие значки не стали от этого выглядеть понятнее. То ли это были какие-то загадочные символы, то ли буквы на неизвестном языке, то ли просто причудливые плоды деятельности жучков-короедов.

Кот Маркиз, который до этого сидел рядом с ребятами и довольно урчал, когда кто-то из них машинально чесал ему за ухом, обиженно фыркнул, потом зашипел и убежал на кухню: то ли погреться, то ли проверить, не положили ли ему в кормушку чего-нибудь вкусенького.

— Даже Маркиз недоволен! — вздохнул Алешка. — А животные в этом понимают. Они всякую гадость гораздо лучше людей чуют.

— Мало ли чего ему не нравится! — возразил Антон. — Может, просто запах не понравился или вообще проголодался.

— Он и на портрет так же реагирует, — сообщил Алешка.

Антон достал перочинный ножик, с которым почти никогда не расставался, и попробовал соскрести чуть-чуть лака, которым была покрыта досочка. Это удалось с большим трудом: ножик сделал только маленькую царапину, но при этом так завяз, что Антон еле сумел его выдернуть. На ножике же после этого образовался налет, который никак не желал счищаться.

— Тьфу, черт! Так только нож испорчу! — досадливо сказал Антон, тщетно стараясь справиться с налетом. — И охота тебе держать дома такую гадость!

— А может, он вообще ядовитый? — предположил Алешка. — Идут, к примеру, от этой рамки какие-то испарения, вот народ и болеет! И сны дурные в голову лезут...

— Нет, — подумав, решил Антон. — Тогда бы все болели, целыми семьями.

— Ну, не знаю тогда, — сказал Алешка. — Только эта дрянь мне не нравится. Показать бы какому-нибудь химику! Да и вообще, — продолжил он после некоторой паузы, — не хочу я это держать дома! Выкинуть ее, что ли...

— Тогда уж лучше на мелкие кусочки изрубить. Или вообще сжечь, — предложил Антон. — А то кто-нибудь еще поднимет эту гадость, потравится...

Почему-то эта идея показалась Алешке очень здравой. Ему захотелось посмотреть, что же будет с этим странным материалом, если попробовать его уничтожить.

— Рубить здесь негде, — сказал он. — Только всю мебель изрубим. Разве что в подвал это отнести.

— А жечь есть где? — спросил Антон. — У тебя что, печка поблизости?

Не говоря ни слова, Алешка отправился с дощечкой на кухню. Там он включил на полную мощность газовую конфорку и, держа дощечку за один конец, поднес ее к огню.

Ребята внимательно смотрели на деревяшку. Сначала ничего не происходило. Затем непонятные значки стали слегка светиться. А потом у мальчишек вдруг сильно начали слезиться глаза, словно рядом начали резать сотни луковиц. Алешка закашлялся и выронил дощечку. Кухню стало заволакивать едким дымом. Истошно заорал Маркиз. Неизвестно, к чему бы это приве-

ло, если бы Антон не догадался выключить газ. Потом он открыл все окна. Они с Алешкой перебрались в комнату, но еще долго кашляли и терли глаза.

— Мы, как Холмс с Ватсоном, — пробормотал Алешка, вспомнив рассказ «Дьяволова нога», где сыщик с помощником едва не погибли во время подобного эксперимента.

С Маркизом творилось нечто невообразимое. Он носился по всем комнатам, не находя себе места, и дико мяукал. Для такого спокойного и миролюбивого кота это было чем-то из ряда вон выходящим. Такого он себе не позволял, даже будучи совсем несмышленным котенком. На столике стояла валерьянка, которой Алешка пользовался вчера по маминому совету и которую он забыл убрать в шкафчик с лекарствами. Маркиз во время очередного своего прыжка умудрился задеть пузырек, который упал на пол и разбился. Учувь столь привлекательный запах, кот остановился и, решив, очевидно, что такое лакомство должно быть компенсацией за его сегодняшние страдания, стал жадно лакать жидкость. После этого он стал кататься по полу и громко урчать. Ребята, несмотря на все переживания, не могли, глядя на него, удержаться от смеха.

— Надо показать маме эту дощечку, — сказал Алешка, немного отсмеявшись. — Теперь-то она не будет возражать, чтобы убрать этот чертов портрет!

— А я пока его сниму, — поддержал Антон.

Он встал на стул и осторожно полез за фотографией. Когда рамку наконец удалось снять с

плотнó прилегающего гвоздика, Антон, держа тяжелый предмет здоровой рукой, стал слезать со стула. Случилось так, что совершенно ошалелый Маркиз как раз в этот момент кинулся мальчику под ноги. Антон не удержал равновесие и стал падать, выпустив портрет из рук. Алешка, увидев это, кинулся было на помощь, не зная, то ли пытаться поддержать друга, то ли ловить фотопортрет.

В результате он не успел ни туда, ни туда. Антон, выругав взбесившегося кота и снимок, приземлился на пятую точку. Фотография же тяжело, со стуком рухнула на пол, лицом вниз, а спешивший Алешка нечаянно ткнул в нее костылем и, не успев переместить центр тяжести, навалился на него всей своей массой. Раздался сильный треск, и задняя стенка портрета пошла трещинами. Алешка тяжело сел на пол.

— Вот и конец твоему снимку! — проворчал Антон, поднимаясь и потирая ушибленное место. — И я в нокдауне. Ты сам-то как?

— Ничего, в порядке! — ответил Алешка. Он проклинал себя за неловкость, представляя, как расстроится мама. Но в то же время он был рад тому, что въехал костылем в портрет, втайне надеясь, что починить его уже не удастся.

— Тяжелый, гад! — сказал Антон, морщась от боли. — Такой на голову свалится, и все, капут! Давай, что ли, посмотрим, что там внутри. Все равно заднюю стенку теперь менять надо.

— Давай! — ответил Алешка, которому тоже было любопытно. С такой поломкой едва ли

справился бы даже покойный дядя Семен. — Трещины-то какие ровные получились!

— Ага! Как будто несколько крестиков переплетенных! — присмотревшись, согласился с ним Антон. — А ты в самый центр костылем попал. Точно, меткий, как Сильвер. Помнишь, как он костыль метал?

— Да ладно тебе! — Алешка подозревал, что если он проходит со своими костылями еще некоторое время, то прозвище «Сильвер» вполне может за ним закрепиться, а большой симпатии к этому персонажу он не испытывал.

— Давай-ка попробуем поддеть!.. — Антон снова достал свой знаменитый ножик, досадливо покопался на налет, от которого пока что не удалось избавиться, и поддел материал задней стенки портрета. Материал был похож на закопченное стекло, только чрезвычайно крепкое. Мальчик напрягся, и кусочек материала отлетел в сторону, едва не попав в глаз внимательно наблюдавшему за всем этим Алешке. Лезвие ножика при этом слегка погнулось, что вызвало у Антона всплеск бурных эмоций по адресу того, кто все это придумал. Теперь-то стало ясно, что ножик, увы, придется покупать новый.

Ребята склонились над портретом. Между изображением и задней стенкой был приличный зазор, куда спокойно поместилась бы средних размеров книга. Больше всего это напоминало тайник. Недаром же до него было так трудно добраться! В зазоре явно что-то было. Антон перевернул портрет, слегка его потряс, и на пол посыпались странные предметы.

Прежде всего там было немного земли. Алешка подумал, что совершенно напрасно не подстелил газету, потому что ковер теперь явно будет нуждаться в чистке. Следом за землей из тайника выпали несколько искусственных цветов и несколько засохших живых, а также кусочек черной ленточки. А еще там была какая-то небольшая кость. Она явно принадлежала какому-то живому существу, но какому — ребята, естественно, не знали.

— И все? — разочарованно произнес Антон. — И стоило ради этого огород городить? Не иначе как какой-то псих сюда все это напихал!

В этот момент Алешкину больную ногу пронзила резкая боль, так, что он даже застонал, но боль тут же стихла, и мальчик почувствовал, что нога теперь беспокоит его гораздо меньше, чем все последнее время.

— Ты чего? — спросил Антон.

— Ничего, уже прошло! — Алешка даже облегченно улыбнулся. — Давай-ка лучше повнимательнее рассмотрим весь этот идиотский набор.

— А чего тут рассматривать! — пожал плечами Антон, который теперь был явно не в духе. — Кость какая-то, цветочки, как будто с венка...

— Вот именно с венка! — вдруг осенило Алешку.

— Ну с венка, и что с того? — не понял Антон.

— Смотри: искусственные цветы с венка. Ленточка, наверное, оттуда же. По крайней мере, очень похожая, — от возбуждения Алешка говорил

так быстро, что едва не проглатывал слова. — Живые цветы... Они, наверное, тоже с какой-то могилы! А еще кладбищенская земля и кость. Думаю, что она человеческая! Еще и рамка, наверное, из какого-нибудь креста с кладбища или из гроба сделана! — Он остановился, чтобы перевести дух.

— Ты хочешь сказать, что кто-то нарочно воровал все это с кладбища, чтобы сюда засунуть? Да еще кость где-то откапывал... — не поверил Антон. — Но зачем? Кому это надо?

— Наверное, это какой-то колдовской ритуал! — сказал Алешка. Он понимал, что сам бы еще совсем недавно только посмеялся над этим предположением, но теперь другого объяснения просто не было. — Мне и старичок на это намекал! А делал это тот самый фотограф!

— Вот тебе раз! — Антон озадаченно почесал в затылке. — Неужели все это может подействовать?!

— А то сам не видишь! — воскликнул Алешка.

— Надо бы проверить еще другие портреты. А то вдруг там ничего нет! — решил Антон. — Ты тут подожди, а я пойду свой раскурочивать!

— Нет уж, я с тобой! — заявил Алешка. Сейчас, когда тайна начала проясняться, он чувствовал огромный прилив энергии. Усталость как рукой сняло. Он понимал, что теперь победа близка, и надо только ни в коем случае не останавливаться на полпути!

— Ну, пошли! — согласился Антон, видя, что друга не остановить.

— Дядя Семен, наверное, делал для него рамки с тайниками, — рассуждал в пути Алешка, немного задыхаясь от быстрой ходьбы. — Очевидно, они где-нибудь на кладбище и познакомились. А потом дядя Семен что-то заподозрил; понял, зачем это нужно. Тут его и убили!

— Только вот как? — сказал Антон. — Неужели дядя Семен не справился бы с этим типом?

— Тут, наверное, тоже без магии не обошлось. Ты же видел фотографию на похоронах? — ответил Алешка. — Он дядю Семена тоже сфотографировал, так что тот был у него на крючке! А потом убрал как опасного свидетеля.

— А почему же он нас тогда не убил? — спросил Антон, которому все еще очень не хотелось верить, что они стали жертвами каких-то колдовских ритуалов.

— Так он и старался! Только случай помешал! — убежденно говорил Алешка. — То дерево нас бы как комаров прихлопнуло! Тебя только реакция спасла. Да и я с лестницы чуть повторно не полетел!

— Попадись мне этот гад!.. — Антон сжал кулаки. — Я бы ему хук справа, а потом апперкотом... — Он так увлекся, что показывал эти движения в воздухе, и какой-то прохожий испуганно шарахнулся от мальчика в сторону.

— Ты бы пока поосторожней! — посоветовал ему Алешка. — Мне он теперь, думаю, ничего не сделает. А вот твой портрет пока что цел...

— Это правда, — согласился Антон. — Но вскоре я с этим разберусь. А рука у меня сейчас

здорово разболелась! Ничего, скоро пройдет... А пока я буду осторожен...

Не успел он это договорить, как поскользнулся на валявшейся на асфальте банановой кожуре и упал. Реакция не подвела Антона и в этот раз. Он успел выставить руку и приземлился на нее, взыв от боли. Бордюр находился в опасной близости от его головы.

— Вот видишь! — воскликнул Алешка. — Ты как, в порядке?

— В порядке! — отозвался Антон, поднимаясь. — За год столько не падал, как сегодня! Но сейчас-то это случайно получилось.

— А почему ты так уверен?

— Холода не было, — ответил Антон. — Значит, это обычная кожа, которую бросил тут какой-то недоумок!

Дома Антон подошел к вскрытию рамки очень ответственно. Он приволок ящик со столярными инструментами и, действуя молотком и долотом, сделал все быстро и аккуратно. Перед этим он не забыл подстелить газетку, чтобы не засыпать ковер землей; уборка в его сегодняшние планы не входила. Ребята с волнением смотрели на открывающийся тайник. Ведь если бы здесь ничего не оказалось, то тогда их версия потерпела бы крах и они снова остались бы перед полной неизвестностью.

Но все прошло нормально. Между изображением и задней стенкой лежал практически тот же набор. Разве что цветы были чуть другие, а на ку-

сочке ленточки даже сохранился обрывок надписи с буквами «пам», очевидно, от слова память. Кость тоже выглядела несколько по-другому. Антон снял с полки энциклопедию, где был нарисован человеческий скелет. Ребятам показалось, что они нашли там такую же кость, но, разумеется, поручиться за это они не могли: тут нужен был опытный анатом.

— Похоже, этот извращенец все-таки могилы раскапывал, — сказал Антон.

— И с венком пожадничал, — добавил Алешка. — Ленточка явно одна и та же. Просто разрезал ее и пораспихал по разным портретам.

— А рука-то много лучше! — вдруг заметил Антон. — То так дергала, что просто сил не было, а теперь вроде как успокоилась.

— А скоро и вообще пройдет, — уверенно сказал Алешка. — Даже я надеюсь, что каникулы не до конца испорчены. Может, в августе уже и хромать перестану...

В это время к соседнему подъезду подъехала машина «Скорой помощи».

— Там же Анька живет! — ахнул Антон.

— Чего же мы тут сидим! Надо срочно туда! — разволновался Алешка, хватая костыли и ставя рекорд скорости по передвижению на них.

— А нас туда пустят? — с сомнением в голосе говорил Антон на ходу. — У нее мать знаешь какая! А тут еще человек так болеет...

— Мать ты берешь на себя! — решительно сказал Алешка. — А я портретом займусь!

— Как же, возьмешь ее на себя! — почесал затылок Антон. — Может, лучше наоборот?

— Удерживай ее как хочешь, хоть просто за руки, — говорил Алешка. — Тут и нужно-то не больше минуты! Я с портретом быстрее справлюсь! Ты же инструменты не захватил, а у меня костыль!

-- Ладно, черт с тобой! Уговорил! — пробормотал Антон. — Может, все-таки лучше ей объяснить?

— Долго! — отрезал Алешка, сам удивляясь собственной, невесть откуда взявшейся решительности. — А у нас и так времени не осталось. Сегодня самый опасный день! Ты вспомни даты на памятниках. — Только бы не опоздать!

Дверь Аниной квартиры была открыта, и это, безусловно, облегчало задачу. Как выяснилось, врачи все-таки решили перевести девочку в больницу, а потом, если понадобится, и в Москву, в специализированную клинику. Они уже договаривались о перевозке в специальном самолете, который использовался обычно для того, чтобы возить тяжелораненых. Пока же Анина мама хлопотала, собирая что-то с собой.

Ребята проникли в квартиру беспрепятственно. В первый момент на них попросту не обратили внимания. Врач и медсестра решили, что раз они зашли сюда, то, значит, так и должно быть, и это скорее всего какие-то родственники. Анина же мама была сейчас слишком занята. Но когда она в очередной раз пробежала мимо мальчишек, то

вдруг сообразила, что делать им тут абсолютно нечего и остановилась.

— Что вы тут делаете? — возмущенно сказала она. — Разве не видите, что не до вас сейчас! Потом придете, когда Анечка выздоровеет! — На глазах у нее показались слезы.

— Елена Петровна! Вы только не волнуйтесь! Тут такое дело! — начал играть свою роль Антон, медленно отступая к двери и увлекая ее за собой.

— Какое еще дело? — мать Ани уже почти кричала. Очевидно, нервы у нее были на пределе. — Что вам тут надо?!

Путь для Алешки был свободен. Он решительно двинулся в Анину комнату мимо слегка опешившего врача, который не знал, что ему делать. Аня лежала на кровати, очень бледная, почти прозрачная. Рядом с ней стояла капельница, но сейчас она не была подсоединена к девочке. Алешка только мельком взглянул на Аню и двинулся к портрету, висевшему на противоположной стене. Из прихожей по-прежнему слышались звуки препирательств. Антону, как видно, пришлось напрягать всю свою фантазию, чтобы отвлекать внимание Аниной мамы, а заодно и медперсонала. У Алешки мелькнула мысль, что, если дело окончится неудачей, то им долго придется выпутываться и объяснять, что они никакие не сумасшедшие. Но он почему-то был теперь совершенно уверен в успехе.

Фотопортрет висел высоко, и до него можно было достать не иначе, как подставив стул. Но у Алешки не было на это времени; к тому же с за-

гипсованной ногой он едва ли был способен на такой выдающийся трюк. На мгновение он залюбовался прекрасно выполненным портретом: трогать его было просто жалко. Но с этой секундной слабостью мальчику удалось быстро справиться.

Алешка подошел к стене вплотную, поднял руку с костылем, как следует размахнулся и ударил по портрету. Удар получился мастерский, и портрет слетел на пол с первого раза. Шум в прихожей сразу прекратился, и в комнату влетели врач с медсестрой, Анина мама, а за ней Антон, все еще пытавшийся что-то объяснить. Времени теперь совсем не было, и Алешка принялся за дело. Наверное, посторонний, увидев эту картину, решил бы, что мальчишка исполняет какой-то диковинный ритуальный туземный танец. Только вместо копий были костыли. Да и одет он был для этого уж слишком по-европейски. Алешка, прыгая на одной ноге, изо всех сил колотил костылем по валявшемуся на полу портрету. Несколько секунд собравшиеся, пораженные этим зрелищем буйного помешательства, не двигались с места.

— Ты что делаешь, хулиган! — вскрикнула, опомнившись, Анина мама и кинулась к нему. Врач, решив, очевидно, что тут потребуется психиатрическая помощь, ринулся за ней. Медсестра, с испуганным и удивленным лицом, осталась в сторонке с медицинским чемоданчиком в руках.

— Не волнуйтесь! Все в порядке! Сейчас мы все объясним! — суетился Антон, готовый продолжить Лешкино дело. Но сейчас его успокаивающие

фразы казались каким-то бредом и звучали бы даже смешно, если бы не напряженность ситуации.

В последний момент перед тем, как его схватили за руки, Алешке удалось-таки расколотить заднюю стенку портрета на мелкие кусочки. После этого он успокоился и прекратил вырываться из цепких рук врача.

— Ты что же наделал! — расплакалась Анина мама и подняла истерзанный портрет. Тут же на ковер из него посыпался тот же самый набор, что и из других тайников.

— Что это? Что это значит? — Женщина была совсем сбита с толку. — Что это за гадость? Откуда?

В этот момент Аня внезапно открыла глаза и села на кровати. Представшая ее глазам картина выглядела настолько удивительной, что девочка принялась протирать глаза, думая, что она, возможно, видит странный сон. Ее мама и врач, оставив Алешку в покое, бросились к ней.

— Пойдем отсюда! Им сейчас не до нас! — шепнул Антон, и ребята тихо вышли из квартиры.

Глава XV

Все кончено?

Новость о колдовских рамках распространилась в городе молниеносно. Люди были настолько возмущены, что у здания городской администрации

возник даже маленький стихийный митинг, на котором от властей требовали найти и наказать загадочного фотографа. Хотя, даже если бы его и поймали, предъявить какие-то обвинения было бы трудно. Ну, нет закона, запрещающего класть в фоторамки цветочки и ленточки!

Родители пострадавших, объединившись, разогли из остатков рамок костер прямо перед зданием школы. Фотографии они решили все-таки оставить. Дело в том, что в связи с последними событиями в городе приобрели огромную популярность различные суеверия, и некоторые вспомнили, что жечь фотографию — это тоже плохая примета, и можно таким образом наслать порчу на того, кто на ней снят. На церемонию сожжения явился и поп из ближайшей церкви, который с торжественным видом побрызгал на рамки святой водой и прочитал какую-то длинную молитву.

Дощечки долго не хотели загораться, а когда они все-таки запылали, поднялась такая вонь, что, несмотря на то, что дело происходило на улице, ближе чем на несколько десятков метров к костру лучше было не приближаться. Дерево это горело почему-то очень долго и догорело уже только глубокой ночью. Все время, пока горел костер, некоторым из собравшихся казалось, что они слышат какой-то вой, хотя более здравомыслящие горожане уверяли, что это всего лишь ветер и треск горящего дерева. Но вот знаки на дощечках все это время ярко светились, заставляя священника постоянно читать молитвы и крестить-

ся. Он вынужден был находиться к костру ближе всех и на следующий день попал в больницу с каким-то отравлением.

Следователь, которому поручили расследовать это странное дело, а также химики очень сокрушались, что им не дали провести химический анализ вещества, которым были пропитаны рамки. К тому же многие считали, что дощечки лучше было предварительно показать лингвистам, чтобы узнать, имели какой-либо смысл вырезанные на них значки, или же это просто игра природы.

Врачи заметили, что у всех больных наступило резкое и быстрое улучшение. Теперь-то, по крайней мере, они не опасались ни за чью жизнь. Когда врачей спрашивали о причинах, они только разводили руками, но связь с портретами отрицали напрочь и ругали суеверия.

Алешка и Антон ходили героями. То, что двое мальчишек обнаружили тайник в портретах, казалось всем просто невероятным.

Через несколько дней мальчики решили навесить старичка, который, к счастью, выжил и быстро шел на поправку. С ними пошла и Аня. Она была единственной, кому они рассказали обо всем, что происходило, без утайки, и теперь девочка горела желанием познакомиться с чудакватым любителем старых газет.

Тот уже сидел на лавочке в больничном скверике и, как обычно, листал какую-то старую прессу, поблескивая своими круглыми очками. Выглядел он уже довольно неплохо, и видно было, что

за его здоровье можно не опасаться. Старичок очень обрадовался ребятам и очень внимательно выслушал их рассказ о произошедшем.

— Я предполагал нечто подобное! — сокрушался старичок. — Но вот добраться до какого-нибудь портрета и вскрыть рамку не догадался! Эх, если бы я тогда, много лет назад, сообразил в чем дело! Если бы мне в то время дали довести это до конца!

— Ну, теперь-то все позади! — успокаивала его Аня. — И вы очень помогли ребятам узнать истину!

— Вы так думаете? — хитро прищурился любитель газет.

— Конечно, помогли! О чем речь! — воскликнул Алешка.

— Я не о том! — грустно улыбнулся старичок. — Вы действительно думаете, что все уже позади?

— А как же! — уверенно сказал Антон. — Рамки уничтожили, все выздоравливают...

— Уничтожены рамки, а фотограф-то остался! — тихо сказал больной.

С минуту все молчали. Ребятам как-то не приходило это в голову. Как, впрочем, и всем остальным. Конечно, раздавались призывы найти загадочного фотографа, но это было скорее делом возмездия. О том, что он опять может приняться за старое, никто так и не подумал.

— Так кто же он, наконец, такой?! И как все это действует? — прервал молчание Алешка.

— Если бы я знал! — развел руками старичок. — Я могу рассказать вам о своих предположениях, которые, впрочем, могут оказаться довольно далеки от истины.

— Расскажите! — хором попросили ребята.

— Итак, если мы признаем, что случившееся не плод галлюцинаций и не серия невероятных случайных совпадений, то нам следует признать также и то, что магия существует, какие-то из ее обрядов действительны и некоторые из них мы с вами даже испытали на себе, — он обвел слушателей внимательным взглядом, словно проверяя их реакцию, и Алешка в этот момент подумал, что, если бы судьба повернулась иначе, этот человек стал бы прекрасным учителем.

— Магия... — недоверчиво протянул Антон.

— В принципе, что такое чудо? — пояснил любитель газет. — Это всего лишь действие какого-то закона природы, механизма которого мы не понимаем. Среди так называемых магов полно шарлатанов, но какие-то знания у некоторых из них, очевидно, все же имеются.

— Думаю, что кто-то из них, проживавший в этом городе сто лет назад, — продолжил старик свои рассуждения, — нашел способ, как использовать для своих целей новое для того времени изобретение, фотографию. Не спрашивайте меня как. Об этом я, как и вы, не имею ни малейшего представления. Думаю, каким-то образом он забирал жизненные силы тех, кого фотографировал, для поддержания собственных сил. Подростки,

уже достаточно выросшие и набравшиеся сил, но в то же время совсем юные, подходили для этих целей идеально.

— А почему у всех были разные болезни, а у кого-то вообще несчастные случаи? — задала резонный вопрос Аня.

— Тут я вряд ли смогу помочь! — несколько виновато сказал несостоявшийся учитель. — Быть может, первым делом страдал именно тот орган, который у человека самый слабый, и без того подверженный болезням или ранее травмированный. А может, все зависело от того, какая именно кость использовалась в портрете?

— Не знаю... — протянул Антон. — Вот я сначала кашлял, а потом рука разболелась...

— Значит, удар шел по самому ослабленному органу, — решил старичок. — Вы поранили руку, и она стала уязвимее, чем легкие.

— А зачем же он фото нам отдавал? — недоумевал Алешка. — Сохранил бы у себя; ведь так надежнее!

— Могу только предположить, что это своеобразная гордость за свои творения, — ответил больной. — Иначе, кто бы их увидел? Впрочем, быть может, в непосредственной близости к жертве его смесь лучше действует.

— Но почему именно наша школа? — не выдержал Антон. — Что его сюда-то тянуло!

— На этот вопрос я тоже не могу дать точного ответа, — развел руками старичок. — Возможно, тут имеют значение какие-то его личные при-

страстия, воспоминания. А возможно, удачное для его целей расположение школы...

— И где же его теперь искать, если за сто лет не нашли... — грустно произнес Алешка.

— Теперешняя затея ему не удалась, — продолжил рассуждения рассказчик. — Таким образом, я предполагаю, что время у него поджигает, и он должен вот-вот снова проявить себя, рисковать. А что касается того места, где его надо искать, у меня появились некоторые соображения...

— И где же?! — спросили ребята практически одновременно. Нетерпеливого Антона такая неспешная манера ведения рассказа и вовсе стала раздражать.

— Ваша школа — ближайшая к старому кладбищу, — тихо сказал старичок. — Да и болезни, как мне кажется, были сильнее всего именно у тех, кто жил ближе к кладбищу. И жертвы практически все из этого же района.

Ребята прикинули, кто из их класса пострадал сильнее, и пришли к выводу, что все так и есть.

— Значит, будем искать его там! — пробормотал Алешка.

— Только, ради бога, осторожнее! — попросил мальчика старик. — Сейчас он, конечно, ослаблен, но все равно очень опасен. Особенно возле своего логова, центра его силы... Жаль, что я пока не могу отправиться с вами. Так что, если время терпит, подождите меня.

Глава XVI

Конец зловещего фотографа

Ребята поначалу хотели последовать совету старичка и немного подождать. Присутствие этого чудака внушило бы им уверенность. Да и у Алешки бы нога зажила получше; легче бы дошел. Но время, как выяснилось, не терпело...

К вечеру в городе опять поднялась паника. Маленькие дети, лет 5–6, играли у себя во дворе, когда, как они объясняли, какой-то высокий дядька в черной одежде предложил им сфотографироваться. Конечно, им объясняли, что незнакомым доверять не следует, что нельзя идти с ними куда-нибудь, но насчет того, чтобы не фотографироваться, никто, разумеется, ничего не говорил. Поэтому дети с удовольствием дали себя снять; тем более что «дядька в черной одежде» позволил им даже посмотреть на свой большой фотоаппарат на трех ножках. Никто из взрослых в этот полуденный час ничего не заметил; к тому же детскую площадку прикрывали разросшиеся кусты. Надо ли говорить, что происходило все это в том же районе!

Когда довольные дети прибежали домой и рассказали обо всем, родители, бабушки и дедушки пришли в ужас. Они немедленно кинулись разыскивать фотографа, но тот как в воду канул. Немедленно известили милицию, и, хотя формально

в фотографировании детей не было никакого криминала, милиционеры активно принялись за поиски. Они даже развесили повсюду описание фотографа и принялись за составление его фоторобота, но все было безрезультатно.

Паникующие родители тут же повели детей к врачам, кто-то даже немедленно вызвал «Скорую», но никаких отклонений от нормы врачи не обнаруживали и только разводили руками. В конце концов первые признаки болезней и первые травмы начались у школьников тоже не сразу, а через несколько дней. В городе стало небезопасно появляться на улице с фотоаппаратом. Каждый фотолюбитель, особенно высокий и худощавый, немедленно подпадал под подозрение.

Ребята собрались на поиски на следующий день. Никакой особенной подготовки к этому походу они не делали. Разве что Антон захватил с собой новый ножик. Как мальчишки ни отговаривали Аню, она отправилась с ними, сказав, что и без того уже проспала все самое интересное и теперь ни за что не пропустит окончания этой истории.

Погода стояла ясная, тихая и жаркая. Перед походом все дружно съели по мороженому, хотя Антон с Алешкой и предполагали, что скоро придется померзнуть. Они даже взяли с собой по свитеру и уговорили то же сделать и Аню.

На кладбище по обыкновению было малоллюдно, а уж в той его части, куда они держали путь, и тем более. Очень скоро появились первые признаки, что ребята подходят к нужному месту: резко похолода-

ло. Аня была этому очень удивлена, а мальчишки ничего другого и не ожидали. Зато девочка заметила, что вокруг непривычно тихо и даже птицы как будто приумолкли. Уж на птичек-то ребята до этого внимания не обращали, поэтому не могли сказать, пели они во время прошлых походов или нет. Продвигались все очень медленно, внимательно глядя то под ноги, то по сторонам. Оказаться под каким-нибудь очередным падающим деревом или самому упасть на ограду никому не хотелось.

Скоро ребята подошли к тому месту, где были похоронены те, кто умер полвека назад. Упавшее дерево уже успели распилить, но его остатки еще не увезли, и ребята могли вновь оценить ту опасность, которая им угрожала. Аня с любопытством и жалостью осматривала памятники.

— Вот мы и дошли! — сказал Антон. — И куда же теперь? Разделимся или пойдем искать вместе?

— Лучше вместе, — ответил Алешка, натягивая свитер. Он уже успел здорово продрогнуть. — Так все же безопаснее! А искать, думаю, надо где-то поблизости.

— Это почему же? — спросил Антон.

— И место здесь более заброшенное, — пояснил Алешка. — И старик говорил, что все скорее всего идет из одного центра. А тут пока что холоднее всего. Откуда в тот раз дул ветер?

— Оттуда, конечно. Там, где дерево стояло.

— Значит, думаю, нам туда и надо.

— Здесь такие же фотографии, — подала голос Аня.

— Ну и что? Об этом мы тебе и говорили! — ответил Антон.

— Я к тому, что, может, с ними тоже следует поступить так же, как и с теми? — предложила девочка.

Ребята призадумались. Конечно, велико было искушение поступить именно так. Но, с другой стороны, что-то в них протестовало против порчи памятников, да еще таких. Получалось, что ради победы над неизвестным злодеем нужно было в какой-то степени оскорбить память его жертв. Мальчики опять пожалели, что с ними нет старичка, который мог бы подсказать, как поступить.

— У дяди Семена, когда он сюда шел, в руках был кирпич, — задумчиво произнес Алешка. — Значит, скорее всего он как раз хотел что-то разрушить, сломать...

— Но, может, он хотел разрушить что-то другое, — возразил Антон. — Давай-ка лучше сначала посмотрим, что же там дальше. А сюда, если что, вернуться всегда успеем.

На том и порешили. В этот момент подул сильный ветер, и в его шуме ребятам послышался какой-то шепот. Им даже показалось, что они почти разбирают слова, но, конечно, понять ничего не смогли. Ребята опасливо косились на деревья, но ни одно из них падать как будто не собиралось.

Идти становилось все труднее. Холод был такой, что у искателей зуб на зуб не попадал. Они уже успели порадоваться, что захватили свитера, и пожалеть, что это были не шубы или хотя бы

пальто. Зато усиливающийся холод четко указывал направление. Не будь его, среди старых памятников и крестов пришлось бы блуждать очень долго.

На одном из самых старых памятников ребята увидели фото гимназиста в точно такой же рамке. Надпись уже стерлась, и прочитать его имя и дату смерти они не могли, но трудно было усомниться в том, что это одна из первых жертв. Аня даже подумала, что неплохо бы здесь немного убратся и принести хоть какие-нибудь цветочки. Девочка очень живо представила, что еще чуть-чуть, и она сама могла бы так же лежать на этом кладбище.

Впереди показался участок, выгодно отличавшийся от соседних своей относительной ухоженностью. По крайней мере сорняков тут не было и в помине. Небольшой памятник тоже стоял очень крепко, но он так сильно зарос мхом, что разглядеть на нем какие-либо надписи было практически невозможно.

— Странно как-то, — заметил Алешка. — Участок убран, а памятник такой запущенный.

— Может, отыскиались какие-то дальние родственники и все убрали, чтобы похоронить рядом кого-нибудь еще? Участок-то большой! — предположил Антон.

— Ой, что это? — воскликнула Аня, указывая на землю.

— Как что? — не понял Антон. — Обрывок какой-то ленточки.

— Точно такой же, которая была внутри портретов! — понял Алешка.

— Значит, этот тип здесь проходил! — разволновался Антон, сжимая кулаки. — Эх, собаку бы сюда! Она бы быстро его след взяла!

— А может, и не надо ничего искать? Может, это здесь? — предположила Аня.

— Вы посмотрите на ограду! — ахнул Алешка.

Ограда этого участка была против обыкновения не металлической, а деревянной. Но дерево, несмотря на то, что много лет простояло здесь, выглядело совершенно как новенькое. Не было заметно ни малейшего признака подгнивания. Но это было не главное: она состояла из огромного количества досочек, точно таких же, что шли на рамки фотографий и сейчас, и пятьдесят, и сто лет назад. Если не приглядываться, то это был довольно-таки обычный заборчик, но, присмотревшись, можно было понять, что доски образуют замысловатые узоры, среди которых встречались и кресты, и свастики, и пентаграммы.

— Точно! Это здесь! — взволнованно сказала Аня, а Антон только молча кивнул.

— И что нам теперь сделать? — спросил он. — Может, разрушить эту ограду к чертовой матери?

— Думаю, дело тут не в ограде, — задумчиво произнес Алешка. — Да и как ты ее будешь рушить? Ее голыми руками не сломать! На совесть сделана!

— Так я могу и за инструментами сгонять! — откликнулся Антон, которому не терпелось начать действовать.

— А я думаю, что надо бы сначала памятник как следует рассмотреть, — сказала Аня. — Что там, под этим слоем мха, скрывается?

Памятник чистить никому не хотелось: мох был даже на вид какой-то склизкий и противный, а уж прикасаться к нему руками и вовсе было неприятно. Особенно брезгливому Алешке, для которого даже взять в руки простого червяка, не говоря уже о лягушке, было проблемой. Ребята опять пожалели, что не захватили с собой никаких инструментов. Какой-нибудь скребок здесь бы очень даже пригодился. Но возвращаться уже никто не хотел. Всем не терпелось узнать, что же там, под многолетним, а возможно, даже вековым наростом.

Счищать мох оказалось делом очень непростым. Он настолько прирос к надгробному камню, словно был приклеен. А холод от камня шел такой, что немели пальцы. Так можно было даже получить обморожение. Ребята обернули руки кто чем мог: у Ани нашелся какой-то платок, Алешка оторвал кусок бинта, которым все еще была замотана его нога, а Антон так вообще умудрился снять носки и утверждал, что очень удобно использовать их вместо перчаток, хотя и признавал, что это не слишком эстетично и гигиенично.

Мох, хотя и с трудом, но все-таки поддавался, обнажая черную, шероховатую поверхность памятника. Она была вся испещрена такими же значками, как и дощечки, и теперь уже становилось ясно, что никакие жучки тут ни при чем. Ребята уже утомились, а выполнена была едва ли половина работы. Но сдаваться они не собирались.

Неожиданно от памятника отлетел довольно большой кусок мха и тяжело упал на землю. То, что открылось взорам ребят, поразило их и в то же время было просто и логично. На памятнике, под слоем мха, красовалась такая же рамка с фотографией, только больших размеров. А со снимка на них глядело лицо того самого фотографа! Конечно, они не очень хорошо его разглядели во время съемок, но, видя этот холодный, пронзительный взгляд, ошибиться было невозможно. Эти глаза казались живыми, и они буквально сверлили своих несостоявшихся жертв, незваных гостей. Создавалось впечатление, что от них невозможно укрыться. Этот взгляд просто гипнотизировал. Все внимание концентрировалось на нем, и другие детали внешности из-за этого просто терялись, казались расплывчатыми.

На несколько секунд ребята замешкались, а потом вдруг почувствовали, что их руки буквально приросли к памятнику и нет никакой возможности их оторвать. Ужасный холод начинал распространяться по конечностям. В памяти невольно всплывали картины из различных фантастических фильмов, в которых показывалось, как человеческое тело под воздействием жидких газов превращается в ледышку, а потом рассыпается на мелкие осколки. Ребят начало трясти, и они чувствовали, что эта тряска вот-вот должна смениться вечной неподвижностью. Эх, если бы хоть один из них остался в стороне, не трогал бы в этот момент проклятый памятник!

— Упрись костылем! Может, отлипнешь! — крикнул Алешке Антон, стуча зубами.

Тот попробовал это сделать, но в результате костыль только хрустнул и переломился пополам.

— Мамочки! Как же холодно! — кричала Аня.

Антон попробовал ударить по памятнику свободной рукой, но поставленный боксерский удар не принес никакого результата, за исключением того, что другая рука тоже приросла к памятнику и процесс обморожения пошел быстрее.

— Нож! У тебя же есть нож! — вдруг вспомнил Алешка.

— В заднем кармане, — прохрипел Антон. — Только что с него толку!

Аня, которая находилась рядом с мальчиком, дотянулась до его кармана свободной рукой, вытащила нож и зубами раскрыла лезвие. Холодная сталь казалась просто грелкой по сравнению с ледяной поверхностью памятника. Размахнувшись так далеко, как только было возможно, и почему-то зажмурившись, девочка изо всех сил всадила нож в фотографию на памятнике, угодив изображению прямо в переносицу.

В этот момент ребятам послышался какой-то жуткий вой, а следом за ним что-то похожее на вздох облегчения, хотя в таком состоянии они не могли бы поручиться за то, что это не галлюцинации. Ребят буквально отшвырнуло от памятника, и они повалились на кладбищенскую землю...

Пролежали они, как видно, довольно долго. Когда Антон, Алешка и Аня очнулись, солнце давно уже перевалило зенит. Светило оно ярко, а

потому друзья успели уже более-менее отогреться. С трудом поднимаясь, ребята с недоумением оглядывались по сторонам. Могильная ограда выглядела далеко не так аккуратно: местами она покосилась, а многие доски прогнили. Вместо фотографии на памятнике висела пустая рамка, к тому же вся перекошенная. Рядом с ним валялась рукоятка Антонова ножика безо всяких признаков лезвия.

— Капут ножуку! — печально вздохнул Антон. — Второй за несколько дней.

— Он о ножике думает! — рассердилась Аня. — Мы тут чуть не погибли, а ему какого-то ножика жалко!

— А ведь мы, похоже, победили, — сказал Алешка, глядя вокруг. В его голосе сейчас не слышалось почему-то особой радости, а только усталость и некоторое облегчение.

Тут ребята посмотрели друг на друга и дружно расхохотались. Вид у них был как у каких-то побитушек, страдающих к тому же расстройством психики. Все были очень чумазыми, в грязной, а местами и порванной одежде. Один со сломанным костылем и грязным бинтом в руках. Другой — с носками вместо перчаток. Аня выглядела чуть получше, но все равно составляла Алешке и Антону достойную компанию.

— И где же все-таки лезвие... — сказал Антон, отсмеявшись. — Ну, ты и твердая рука! — С уважением говорил он Ане.

Ребята обследовали весь участок, но лезвия так и не нашли. Не было и никаких следов фотографии, которая недавно приковывала их взгляды.

— Долго теперь мороженого не захочется! — сказал Алешка, все еще дрожа от холода.

На обратном пути троица выглядела куда как странно! Алешка прыгал на одной ноге, опираясь на Антона. Аня шла чуть сзади, таща две половинки сломанного костыля. Лица при этом у всех были усталые и счастливые.

— Стойте! — вдруг сказал Алешка, когда они поравнялись с тем местом, где были похоронены жертвы предыдущей фотосессии кладбищенского фотографа. — Смотрите!

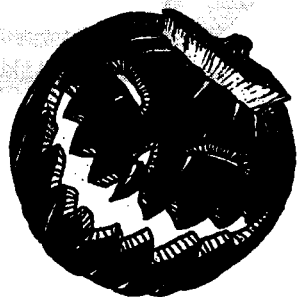
Ребята всмотрелись в фотографии на памятниках. Если раньше лица на снимках были выразительными и живыми, глаза, казалось, внимательно смотрели на ребят, а с губ готовы были сорваться какие-то слова, то сейчас лица застыли, взгляд погас, да и качество фотографий стало уже не тем; они пожелтели и поблекли, как и должны были за много лет. Алешка, Антон и Аня долго смотрели на эти снимки.

— Теперь, похоже, действительно всё, — тихо сказал Алешка, и его друзья кивнули в знак согласия.

После этого ребята так же медленно направились к выходу с кладбища, решая по пути, как объяснить свой странный вид родителям. Они знали, что даже если и расскажут всю правду о случившемся, никто, кроме старого чудака с газетами, им не поверит...

**Бунт
марионеток**

Глава I

Старый кукольник

Никто не мог сказать, как этот человек появился в городе. Более того, даже имени его никто не знал. Поэтому его и прозвали просто: кукольник. Личностью он был очень примечательной. Наверное, никто из тех, кто когда-либо его видел, не забыл бы об этой встрече. Больше всего он напоминал бесстрастного индейского вождя, какими их показывают в вестернах. Довольно высокий, худощавый, с длинными седыми волосами, доходившими едва ли не до пояса и выглядевшими так, словно их уже много лет не касалась расческа. Лицо у кукольника было настолько невозмутимым, что казалось бы маской, если бы не исключительно живые, черные, бездонные, блестящие глаза. Никто не замечал, чтобы этот человек когда-нибудь моргал. А его взгляд буравил любого встречного, словно рентгеновский аппарат. Эти глаза выделялись на матово-бледном лице без малейшего намека на румянец. Казалось, что солнце никогда не касалось его кожи. Одевался он ис-

ключительно небрежно, но его вещи, хоть и выглядели поношенными, зато на вид были чистенькими и крепкими.

В один прекрасный день горожане увидели, что давно пустующее полуподвальное помещение, где раньше располагался какой-то склад, а потом — небольшой продуктовый магазинчик, который вскоре нашел лучшее место, оказалось занято. На новой железной двери красовался массивный замок, что наводило на мысль о том, что обитателям есть что охранять. А вскоре над дверью появилась затейливая вывеска «Кукольная мастерская». Никаких других пояснений: ни об имени хозяина, ни о часах работы на ней не было. Да это и не требовалось: сам хозяин, когда мастерская была открыта, в любую погоду восседал перед дверью на старом стуле, скрестив руки на груди, с таким достоинством, словно это был королевский трон, и пристально оглядывал каждого прохожего. От его буравящего взгляда всем, за исключением людей с особо крепкими нервами, становилось не по себе.

Когда же мастерская была закрыта, то запиралась не только железная дверь, но и ставни на окнах-витринах, в которых были выставлены чудесные куклы. Считалось, что в это время кукольник работал и тревожить его бесполезно! Однажды один особо настойчивый и слегка пьяный посетитель, искавший для кого-то подарок, долго барабанил в дверь, но, когда та открылась, наткнулся на такой яростный взгляд, пусть и не сопровождав-

шийся никакими словами, что, пробормотав заикающимся голосом слова извинения, понесся, слома голову, прочь. Никто и никогда не видел, чтобы в течение дня загадочный кукольник покидал свой пост. Никто не видел, чтобы он ел, спал или отлучался в туалет. Особо впечатлительным горожанам он казался просто каким-то роботом!

В разговор первым кукольник никогда и ни с кем не вступал. Некоторое время горожане даже считали, что хозяин мастерской немой. Даже во время редких походов в магазин он молча выбирал нужные товары и протягивал кассиру деньги, подсчитанные им в уме с точностью до копейки. Но когда первый потенциальный покупатель заговорил с ним, то оказалось, что кукольник вовсе не немой. Только голос у него был глуховатый и столь же бесстрастный, как лицо. Он ограничивался несколькими необходимыми словами и тут же замолкал.

Окна мастерской, превращенные в витрины, выглядели грязными и закопченными. Похоже, новый хозяин даже не удосужился помыть их, когда въезжал в это помещение. Тем удивительнее смотрелись выставленные в них куклы. Казалось, место им не в грязном подвале, а в лучших магазинах, причем не в каком-нибудь универмаге, а там, где продают редкие, эксклюзивные вещи. Куклы, действительно, выглядели как живые и напоминали людей, но только в миниатюре. Как будто человек внезапно уменьшился и почему-то застыл в неподвижности. Те ребята и особенно

девочки, которых меньше других пугал тяжелый взгляд кукольника, могли простаивать у этих витрин часами. Было в них что-то такое, что заставляло приходить сюда вновь и вновь, чтобы полюбоваться искусной работой.

Внутри мастерской кукольник, разумеется, никогда никого не приглашал. Когда она была открыта, он просто перегораживал вход, сидя на своем неизменном стуле, а за его спиной была видна только узкая, темная лестница, уходившая в полуподвальное помещение. Так что о том, какие сокровища скрывались там, внизу, можно было только догадываться.

В первое время некоторые горожане, особенно достаточно состоятельные (ведь такие куклы не могли стоить дешево), пытались уговорить хозяина продать особо понравившуюся игрушку, но тот каждый раз отвечал отказом. «Эти куклы не продаются», — объявлял он равнодушным, безжизненным голосом. После чего предлагал сделать работу на заказ. Несколько человек действительно заказывали у него игрушки, стоившие баснословно дорого для такого маленького, небогатого городка. Заказ выполнялся быстро и точно, и игрушки полностью соответствовали описанию заказчика, так что тот оставался доволен. Но до шедевров, выставленных в витрине, они все-таки немного не дотягивали. Было в тех игрушках что-то, неуловимо отличавшее их от всех прочих.

Марина в числе других детей любила иногда останавливаться у этой грязной витрины. Не то чтобы ей особо хотелось получить какую-то из кукол: она считала себя достаточно взрослой, чтобы перестать интересоваться игрушками. Но вид этих кукол чем-то ее завораживал. Ведь они выглядели настолько живыми и привлекательными! Несколько раз девочка даже ловила себя на мысли, что относится к этим игрушкам как к живым и даже фантазирует себе их имена, характеры и судьбы. За это она неоднократно себя ругала, но со временем все равно возвращалась к своим фантазиям. Из услышанных обрывков разговоров девочка с удивлением узнала, что она в этом не одинока. Оставалось только удивляться, как какие-то куклы могли так воздействовать на фантазию.

Несколько раз Марина даже видела сны с участием этих кукол, разговаривала с ними, как с живыми людьми. Это уже ни в какие ворота не лезло! Девочка даже зарекалась подходить к этой витрине, но, к несчастью, кукольная мастерская находилась как раз на полпути между домом и школой, и обойти ее стороной получалось, только сделав приличный крюк. Это было бы уж совсем глупо! Конечно, можно было просто проходить мимо, но иногда Марина забывалась и останавливалась возле витрины, словно против собственной воли. Несколько раз она опаздывала в школу, задержавшись у витрины «на минутку», которая, од-

нако, выливалась в гораздо более продолжительное время.

Подружки не слишком понимали Маринино увлечение. Разумеется, они тоже восхищались куклами и смотрели на них, но ничего такого не фантазировали. Марина пару раз попыталась об этом заговорить, но, натолкнувшись на стену удивления и непонимания, прекратила свои робкие попытки.

Глава II

Щедрое предложение

— У тебя красивые волосы, — услышала Марина ровный, глуховатый голос. Он прозвучал настолько безжизненно, что, казалось, не принадлежал живому человеку, а просто откуда-то возник в ее мозгу.

В этот раз Марина пошла из школы одна и, несмотря на дождливую погоду, остановилась у витрины, как это случалось с ней уже не раз. Моросил мелкий, противный дождик, дул промозглый ветер, но девочка всего этого не замечала, вглядываясь в очередной раз в искусственные, но в то же время такие живые кукольные лица. Наверное, из-за плохой погоды рядом с ней в этот раз никого не было. И неизвестно, сколько она бы так простояла, если бы не этот голос.

Марина в недоумении оглянулась по сторонам и уже решила, что ей почудилось, как вдруг ее взгляд упал на кукольника, как обычно сидевшего на своем стуле и не сводившего с нее своих бездонных глаз. Его длинные волосы развевались на ветру, а капли дождя летели прямо в лицо, но его это, казалось, нисколько не беспокоило. Марина так привыкла к его безмолвному присутствию, что относилась к нему едва ли не как к памятнику. И то, что этот «памятник» заговорил сам, первый, казалось абсолютно невероятным!

— У тебя красивые волосы, — неторопливо, безо всяких эмоций проговорил кукольник, угадавший, очевидно, Мариного недоумение. Его губы едва шевелились, приоткрываясь ровно настолько, чтобы выпустить наружу глухие, безжизненные слова.

— Спасибо... — краснея, проговорила Марина неуверенным голосом и тут же смолкла. Она вдруг поняла, что эти слова не комплимент, а простая констатация факта. Точно так же этот загадочный человек мог бы сказать: «Идет дождь» или «Сегодня четверг». А волосы у Марины действительно были красивые: длинные, густые, темно-каштановые. Об этом ей говорили неоднократно. Да девочка и сама это знала и гордилась ими. Но теперь, услышав эти бесстрастные слова, она вдруг вся насторожилась. Они почему-то показались ей какими-то неприятными, если не сказать пугающими.

— Они хорошо будут смотреться на кукле, — развивал между тем свою мысль хозяин мастерской.

— На кукле... — эхом повторила Марина. И тут до нее дошло, что этот человек смотрит на них просто как на материал. То, насколько эти прекрасные волосы идут ей самой, было ему, похоже, абсолютно неинтересно.

— Нет уж! — решительно добавила она. — Они и на мне самой неплохо смотрятся!

Сказав это, Марина даже натянула на голову капюшон куртки, что делать очень не любила, и решительно зашагала в сторону дома. Когда она поравнялась с кукольником, тот все тем же равнодушным тоном произнес:

— Для куклы нужно совсем мало волос. Достаточно одной пряди. А такие волосы, как у тебя, стоят очень дорого. — И он назвал цену, услышав которую девочка даже сбилась с шага, решив, что ослышалась. Правда, переспрашивать она в любом случае не собиралась.

— Мои волосы — это мои волосы! — четко произнесла она, досадуя на себя, что разволновалась неизвестно от чего. Покупают же волосы в парикмахерских, и никто не считает это чем-то странным! — И ни с какими куклами я ими делиться не намерена!

— Как хочешь, — спокойно произнес кукольник, не выказывая ни раздражения, ни удивления. Даже плечами не пожал. — Если передумаешь, скажешь.

— Не передумаю! — Марина быстрым шагом пошла домой, заставляя себя не оглядываться. Но, несмотря на это, девочка буквально физически ощущала на себя пристальный немигающий взгляд...

— Ну, ты и дура! — в который раз говорила Катя, задыхаясь от возмущения. — Тебе предлагают ни за что такие деньги, а ты!.. Тут даже ничего делать не надо! Чиркнул раз ножницами, и порядок!

Марина, которую разговор с кукольником привел в непонятное волнение, очень хотела поделиться с кем-нибудь своими тревогами. И Катя, жившая по соседству и учившаяся с ней в одном классе, с которой она дружила едва ли не с пеленок, подвернулась как нельзя кстати. Можно было не сомневаться, что Катя даст самый рациональный и дельный совет. Правда, трудно было рассчитывать, что та будет держать язык за зубами, но, в конце концов, Марина и не собиралась делать из странного предложения тайны.

— Да погоди ты! — оправдывалась она. — Знаешь, как это неожиданно было! Ну, как если бы кукла заговорила! Я чуть со страха не умерла!

— Подумаешь, неожиданно! — напирала Катя. — Сразу видно, что этот кукольник — человек деловой! Зря не болтает! — Конечно, девочка понимала, что, окажись она в такой ситуации, наверное, тоже струхнула бы, но нельзя же так сразу отказываться. Можно было хотя бы все разузнать поподробней!

— Деловой! — усмехнулась Марина. — Сидит целыми днями перед своей мастерской и ничего не делает! Хоть бы книжку или газету читал!

— А зачем ему много работать? — не соглашалась Катя. — Денег и так хватает. Вот он и бе-

рется только за самые дорогие заказы. А для них нужен хороший материал!

— Вот еще! — сердилась Марина. — Не хочу я, чтобы мои волосы были каким-то материалом! — Своими волосами девочка по праву гордилась, но чтобы их оценивали вот так, отдельно от нее...

— Конечно, материал! — Катя явно встала на сторону щедрого кукольника. — Во всех парикмахерских из волос парики делают! Ты что, думаешь, вечно будешь с длинными волосами ходить? Потом их все равно все стригут! И будут они у тебя где-нибудь в тумбочке храниться, как коса у моей тети. Или вообще выбросятся! А тут — такая польза! Да чтобы такие деньги получить в парикмахерских, вся школа должна под ноль подстричься! Да еще и не хватит!

— Ну и пусть стрижется! А мне мои волосы самой нужны! — упрямилась Марина.

— Ну и сиди с ними, пока не поседеют! — Катя чуть не плюнула с досады. — От тебя же всего одна прядка требуется! При твоей шевелюре даже ничего не заметно будет! Все равно ведь кончики стричь собиралась!

— Ну, собиралась! — насупилась Марина. Катины аргументы казались ей весомыми и правильными. Ей даже толком возразить было нечего. Но какое-то нехорошее предчувствие засело глубоко в груди и изо всех сил противилось такому выгодному и простому делу.

— Ты только подумай, что на эти деньги можно купить! — продолжала Катя. — За год столько не насобираешь!

— Это верно! — вздохнула Марина. Перспективы и впрямь были заманчивые! — Но только... — Она запнулась, подбирая нужные слова.

— Что только? — поторопила Катя.

— Только не нравится мне все это! — выдохнула Марина, так и не сумев облечь свои смутные сомнения в словесную форму.

— Ей не нравится! — притворно закатила глаза Катя. — Ей, можно сказать, богатство на блюдечке подносят, а ей не нравится!

— А вдруг это какой-нибудь маньяк? — предположила Марина.

— Маньяк? — Катя на секунду задумалась. Она любила слушать разные криминальные истории и маньяков опасалась, хотя до конца и не верила, что какой-нибудь из них может объявиться в их маленьком городке. — Он что тебя, в свой подвал звал? Или еще что-то предлагал?

— Никуда он меня не звал! — возмутилась Марина. — Я что, дурочка какая-нибудь?! Но ты на него посмотри: он выглядит как нормальный человек?

— Не выглядит, — согласилась Катя, немного подумав. — Но что с того? Ему же просто твои волосы нужны. С тобой-то он ничего сделать не сможет!

— Я подумаю... — Марина очень устала от спора с подружкой, но свое решение менять пока что не собиралась.

— Тут и думать нечего! Беги скорей назад! А еще лучше небольшую прядь сначала отрежь!

Но, как она ни уговаривала, Марина никуда идти не собиралась, осталась дома и даже демонстративно открыла учебник, показывая тем самым, что больше болтать она не намерена и вообще у нее куча дел.

Катя пошла домой и тоже села за уроки, но Маринкина глупость не давала ей покоя. Более того, она страшно завидовала подруге, получившей такое щедрое предложение. Вот если бы ей такое предложили... Катя посмотрелась в зеркало. Конечно, ее волосам было далеко до Марининых, и она это прекрасно понимала. Но все-таки... Что, если попробовать?

Катя долго мыла голову, потом тщательно уложила волосы феном и отправилась на прогулку. Сначала она просто прошла мимо кукольного мастера, невозмутимо сидевшего на своем привычном месте. Тот внимательно на нее посмотрел (в его взгляде было нечто такое, что Катя сразу поняла, почему так разволновалась Марина), но ничего не сказал и даже не повернул головы, когда девочка пошла дальше.

Раздосадованная Катя остановилась у витрины, где вместе с другими девочками и ребятами, которые, впрочем, были значительно младше ее, принялась рассматривать изделия кукольника. В конце концов, Марина же тут бывала много раз, и на нее не сразу обратили внимание! Сама Катя не настолько увлекалась куклами и останавливалась тут раньше всего пару раз, за компанию. Сейчас же она имела возможность рассмотреть творения мастера во всех

подробностях. Куклы действительно выглядели замечательно. Причем становилось ясно, что на волосы их создатель обращал особое внимание: они были такими, что им могла бы позавидовать любая супермодель, а кукольные прически заставляли подумать о стилисте экстра-класса. Глаза тоже были сделаны с особой тщательностью и ничуть не напоминали простые стекляшки, какие бывают у обычных кукол. Они словно внимательно смотрели на окружающий мир и фиксировали его в мельчайших деталях. От этих взглядов действительно становилось немного не по себе. Невольно возникало ощущение, что непонятно еще: кто кого разглядывает.

Простояв так некоторое время и основательно замерзнув, Катя медленно направилась в обратную сторону. Кукольник снова посмотрел на нее, но не издал ни звука и не выразил своей заинтересованности ни одним движением. Конечно, следовало бы просто пойти домой, но Кате не давал покоя Маринин рассказ. Она еще замедлила шаг, потом совсем остановилась и, наконец, решилась.

— Мне сказали, что вы покупаете волосы... — сказала она непривычно неуверенно. Но, разговаривая с этим человеком, уверенно мог бы себя чувствовать разве что какой-нибудь супермен.

В ответ кукольник, не выразив никаких эмоций, только отрицательно покачал головой.

— Ну, как же так! — воскликнула Катя. В эту секунду она даже подумала о том, что Марина, должно быть, все сама выдумала и разыграла ее.

— Не у всех, — бесстрастно произнес кукольный мастер одними губами, и от этого голоса Кате внезапно стало зябко.

Густо покраснев, девочка едва ли не бегом отправилась домой. Ее душила обида. Еще бы: почему же ее волосы никто не оценил?! Конечно, они не такие, как у Марины, и она была готова получить за них значительно меньшую сумму, но чтобы вот так... Это было жутко унижительно! Катя была до чертиков зла на «этого истукана», на подругу, не понимающую своего счастья и только раздражившую ее, да и немного на весь мир, в котором все так несправедливо устроено...

* * *

Беспокойство не отпускало Марину ни на минуту. Она не могла сосредоточиться ни на уроках, ни на захватывающей книге, которую читала уже несколько дней и дело в которой двигалось к развязке, ни на телевизоре. Предложение кукольного мастера не покидало ее мысли. Она вновь и вновь возвращалась к его словам и каждый раз невольно вздрагивала, представляя этот бесстрастный, лишенный всякого намека на человечность голос и бездонные, непроницаемые глаза. Снова и снова девочка убеждала себя, что бояться совершенно нечего, что упускать такой шанс — просто безумие, но ничего не могла с собой поделать.

Даже сон не принес ожидаемого облегчения. Ее со всех сторон окружали куклы, то чинно рассаживавшиеся в ряд, то мелькавшие вокруг в безум-

ном хороводе. И каждый кукольный взгляд казался ей на удивление знакомым, за каждым чувствовался немигающий взор кукольного мастера. Хорошо еще, что куклы из сна оставались немые: если бы Марина и во сне услышала этот равнодушный ко всему голос, который казался хуже любых криков, она бы наверняка сама проснулась с воплями.

Так ничего и не надумав, Марина отправилась в школу. Но и на уроках ее мысли витали где-то далеко, из-за чего она даже получила неожиданную четверку по столь любимой истории, да и то только потому, что учительница не захотела ставить тройку своей лучшей ученице. Марина старательно избегала оставаться наедине с Катей, опасаясь повторения вчерашних уговоров, но, к удивлению девочки, ее общительная подруга и сама не горела желанием развивать эту тему. Более того, она держалась с Мариной подчеркнуто холодно, словно та ее чем-то обидела.

Домой Марина хотела пойти другой дорогой, но на улице в этот день было столь мерзко и сыро, что она передумала. «В конце концов, — убеждала она себя, — глупо делать крюк из-за какого-то чудака, пусть он и кажется тебе неприятным и даже страшным». Тем не менее, подходя к кукольной мастерской, девочка крепко стиснула зубы и ускорила шаг. На этот раз останавливаться у витрины она уж точно не собиралась!

Проходя мимо, Марина смотрела прямо перед собой, но все-таки в какой-то момент не удержалась и скосила взгляд в сторону кукольника, кото-

рый, казалось, со вчерашнего дня так и не поднимался со своего стула и даже не изменил позы. Непогода была ему нипочем, и девочке почему-то подумалось, что этот загадочный человек будет сидеть в той же одежде и в самый лютый мороз. Кукольный мастер равнодушно посмотрел на нее, как это делал всегда, но заговорить даже и не пытался. Словно и не было вчерашнего предложения!

На душе у Марины сразу стало легче. Она даже ощутила нечто вроде благодарности по отношению к кукольнику. По крайней мере, он не будет докучать ей со своими предложениями. Даже как-то неудобно перед человеком! Он всего-то и хотел сделать своей очередной кукле красивую прическу, а она уже навоображала невесть что! Чуть ли не маньяком ни за что объявила! Но наряду с этим девочке было несколько обидно: если бы этот странный человек продолжал настаивать, это бы польстило ее самолюбию.

Глава III

Непростое решение

Несколько дней протекли своим чередом. Но в мыслях девочка нет-нет да и возвращалась к предложению, сделанному кукольником. Особенно тогда, когда смотрела на себя в зеркало и причесывалась.

Отношения с Катей нормализовались. Обе подруги словно взяли на себя обет молчания по теме,

о которой еще недавно так горячо спорили, и говорили о чем угодно, но только не об этом. Правда, Катя порой бросала на Марину косые взгляды и при этом украдкой вздыхала. Против ожидания она никому ничего не разболтала, за что Марина была ей очень благодарна. Меньше всего ей хотелось, чтобы об этом случае судачил весь город, обсуждая стоимость ее волос.

В выходные Марина с мамой совершали свой традиционный поход по магазинам. Он продолжался, как правило, довольно долго, едва ли не целый день, вызывая недоумение и смех папы. Обычно Марина эти прогулки очень любила, но в этот раз прогулка не принесла ей никакого удовольствия. Раньше девочка особо и не смотрела на некоторые красивые вещи, зная, что они их небогатой семье не по карману. Разве что иногда можно было о них немного помечтать. Но вот теперь... Теперь Марина глядела на них совсем другими глазами. Она видела высокие цены и прикидывала: сколько красивых вещей она могла бы приобрести, если бы согласилась отдать всего лишь прядь волос! А если бы ее волосы понадобились для нескольких кукол? От таких перспектив просто дух захватывало!

Выходя из торгового центра, Марина даже отчаянно замотала головой, отгоняя от себя эти мысли. Ведь она уже все решила! И хватит об этом!.. Но черви сомнения неустанно продолжали подтачивать ее решимость.

Катя со времени своей неудачной попытки несколько дней обходила кукольную мастерскую стороной. Но в конце концов и ей надоело делать крюк. Поэтому она набралась решимости и пошла мимо с высоко поднятой головой. Ей казалось, что старый кукольник будет смеяться, по крайней мере в душе, но девочка убедила себя, что ей на него и его деньги абсолютно наплевать!

— Помощник получает половину, — раздался глуховатый голос в тот момент, когда она поравнялась с кукольным мастером.

От неожиданности девочка даже сбилась с шага. Катя резко обернулась, но быстро отвела взгляд. Выдерживать этот немигающий взор не было никакой возможности.

— То есть вы хотите сказать... — Катя запнулась. — Если я уговорю Маринку...

Ответом ей послужил едва заметный кивок, выглядевший столь многозначительно, словно его сделал король, милостиво разрешающий кому-то из подданных какую-то неслыханную вольность.

Постояв еще несколько секунд и поняв, что выглядит сейчас совсем глупо, Катя нервно кивнула в ответ и быстро направилась к дому. Теперь кукольник уже не казался ей таким противным типом, а перспективы вырисовывались самые радужные. Ей самой, в сущности, и жертвовать ничем не надо! А уж уговорить упрямую Маринку она сумеет!

За дело Катя взялась быстро. Теперь она действовала не так настырно и грубо, как в первый раз. Разговор о кукольнице она завела как бы невзначай. Увидев, что Марина слегка погрузнела, Катя продолжила развивать эту тему.

— Ты только подумай! — говорила она. — У человека такие деньги (сколько он там тебе за волосы предложил?), а он живет чуть ли не как нищий! Его стул давно на помойку просится, да и сам-то одет так, что иной бомж постесняется!

— Тут ты, наверное, не права, — возразила Марина. — Мне кажется, что это у него просто такой стиль! Некоторые богачи просто любят старые вещи; я читала, что бывают чудачки, которые, имея миллионы, питаются простой едой, курят дешевые сигареты, ходят в поношенной одежде...

— Ага, от жадности! — презрительно бросила Катя.

— Жадность тут ни при чем! — заступилась за чудаковатых миллионеров Марина.

— Конечно! Стал бы жадный человек давать столько за какую-то прядь волос! — Катя порадовалась, что разговор так удачно идет по нужному руслу.

— Не стал бы! — вздохнула Марина. — Знаешь, я думаю, что он кто-то вроде коллекционера. Они готовы выкладывать бешеные деньги за какую-нибудь картину или даже марку. А этот вот на куклах помешан! И захотелось ему, чтобы были на новой кукле именно мои волосы! Эти коллек-

ционеры вообще бывают с подвывертом. Одна вещь им нужна позарез, а на другую, почти такую же, даже и не посмотрят!

— Это точно! — согласилась Катя, вспомнив, как возмутительно были проигнорированы ее собственные волосы.

— И все-таки я бы на его месте приоделась! — продолжила она. — Одних тех денег, которые он тебе предложил, на несколько отличных костюмов хватило бы! Да еще и осталось бы!

— Угу, стул поменять! — невесело рассмеялась Марина. — Знаешь, я иногда тоже невольно подсчитываю, сколько всего хорошего можно было бы купить. Прямо чуть не облизываюсь!

— Ну и купила бы, чего мучиться! — воскликнула Катя.

— Не могу, — вздохнула Марина. — Прямо предчувствия какие-то нехорошие, что не надо этого делать! — И, подумав, добавила: — Хотя жалко, конечно.

— Ну, как хочешь! — Кате стоило большого труда сдерживать себя и не слишком наседавать на подругу. — Но, по-моему, это глупо! Предрассудки какие-то!

— Все-таки не буду! — Марина убеждала сама себя, но было заметно, что ее решимость уже слегка поколеблена.

Катя заставила себя на этот раз не продолжать спор и перевела разговор на другую тему. Но к теме кукольника она периодически как бы случайно возвращалась. Она действовала по принципу «вода

камень точит», и это постепенно приносило свои плоды. Частенько Катя заходила с Мариной в какой-нибудь магазин и начинала восхищаться одной из красивых, но заведомо недоступных (если только не согласиться на предложение кукольника) вещей. И подруга тогда надолго задумывалась.

Конечно, иногда Катю мучили угрызения совести. Ей начинало казаться, что она поступает с Мариной нечестно или даже предает подругу. Но голос рассудка заглушал голос совести: ведь с Мариной все равно ничего плохого не произойдет! И потом: она ведь старается для ее же блага! Конечно, и для своего тоже, но Катя за несколько дней уже успела привыкнуть к приятной мысли, что она трудится не для себя, и чувствовала себя настоящей альтруисткой!

* * *

Наконец Марина все-таки согласилась. А дело было так. Расчесывая в очередной раз свои густые волосы, девочка подумала, что, пожалуй, надо их все-таки несколько укоротить. К тому же ей очень понравилась прическа, которую она недавно видела по телевизору у одной знаменитой певицы, а сделать такую же или очень похожую, как поняла Марина, ей не составляло труда.

— И ты хочешь просто выбросить эти волосы?! — воскликнула Катя, когда услышала об этом. — Да это все равно что выбросить кошелек с деньгами!

— Знаешь, я тоже теперь так думаю. — Марина очень устала за последнее время, наполненное сомнениями и борьбой с самой собой. — Нельзя же быть такой душой!

— Ну и правильно! Давно бы так! — радовалась Катя. — Как соберешься идти, меня позови. Для моральной поддержки. — Ей хотелось своими глазами убедиться, что подруга дойдет куда надо. К тому же теперь она вдруг стала опасаться, что кукольник может не признать ее участия, и она тогда окажется ни с чем. А если она приведет Марину, что называется, за руку, то тут уж деваться ему будет некуда.

— Спасибо! — обрадовалась Марина. — А то мне одной было бы совсем страшно идти! Еще бы сбежала с полдороги!

Марина сначала даже хотела отрезать небольшую прядь дома, но Катя уговорила ее этого не делать. Кто знает, какой длины волосы требуются для куклы. Обидно будет, если придется резать вновь.

* * *

На лице кукольного мастера, сидевшего в своей привычной позе, не было заметно ни радости, ни удивления. Он окинул подошедших девочек равнодушным взглядом, но не сказал ни слова, ожидая, что они сами скажут, зачем пришли. Марина готова была уже повернуть назад (ее такое безразличие здорово задело), но Катя взяла инициативу в свои руки. Она даже подумала, что все

получилось очень удачно: теперь кукольник точно поймет, что без нее ничего бы не получилось!

— Вот, мы пришли... Мы согласны... — Катя с трудом подбирала слова, хотя обычно с этим у нее не возникало никаких проблем. Перед этим человеком она просто робела. Вот и сейчас она сказала «мы», несмотря на то, что соглашаться должна была одна Марина.

Несколько секунд кукольник молчал, и девочки (одна — с тревогой, а другая — с облегчением) уже решили, что ничего не получится. Но тут он, наконец, еле заметно кивнул и, почти не разжимая губ, произнес только одно слово: «Хорошо». После этого мастер достал из кармана маленькие ножницы, блестящие словно золото, щелкнул ими в воздухе и зачем-то посмотрел на свет. Похоже, у него все было приготовлено заранее. Или же этот предмет был у него с собой всегда, на всякий случай? Но сейчас не было времени думать над его странностями.

— Нет, не здесь! — Марина очень не хотела, чтобы кто-нибудь увидел эту простую процедуру. Потом ведь слухов не оберешься!

— Ты что! Смотри: на улице никого нет! — Катя и сама немного испугалась. Одно дело отрезать прядь волос, а совсем другое — идти в мастерскую к этому типу. Еще, чего доброго, действительно каким-нибудь маньяком окажется! Конечно, вдвоем не так страшно, но все-таки...

— Ладно, давайте! — Марина тоже посмотрела по сторонам. Улица в этот час оказалась действительно непривычно пустынной.

Кукольник поднялся со своего стула. Он и раньше казался высоким, а теперь возвышался над девочками, как телеграфный столб. Он внимательно осмотрел голову Марины, выбирая, очевидно, место, откуда можно срезать волосы, не попортив прическу, а потом протянул длинную, худую руку к ее голове. В его взгляде в этот момент промелькнула какая-то заинтересованность, сменившаяся через несколько мгновений привычным равнодушием.

Короткий взмах ножниц, и небольшая прядь волос оказалась в руке у мастера. Он даже не прикоснулся к девочке, но Марине вдруг показалось, что ее тронуло что-то холодное и склизкое, словно лягушка, пиявка или еще что-нибудь в этом роде. Марина даже пошатнулась и едва не упала в обморок. Так бы, наверное, и случилось, если бы мастер действовал чуть дольше, а Катя не держала ее за руку.

Марина, которая вдруг побледнела не хуже кукольника, отступила на шаг назад и готова была пуститься в бегство, но Катя, не забывшая о положенном вознаграждении, крепко держала ее за руку. Кукольник же неторопливо убрал ножницы в карман и теперь рассматривал волосы на свет, перебирая их своими тонкими, длинными пальцами. После этого он достал из другого кармана не-

большой пакетик и заботливо упаковал в него свое приобретение.

— А деньги! — воскликнула Катя, пришедшая в себя гораздо раньше подруги и теперь сильно обеспокоенная. Она подумала, что глупо было отдавать волосы вот так, без свидетелей. Хоть бы расписку какую-нибудь надо было взять!

Но кукольник уже залез во внутренний карман своей поношенной, выцветшей куртки (похоже, у него там был целый склад) и тем же плавным, неторопливым движением выудил из него два небольших конвертика и протянул один из них Марине, а второй — Кате. Внешне они ничем не отличались, но мастер почему-то точно знал, кому из девочек какой из них предназначался, хотя и не заглядывал внутрь и даже не посмотрел на конверты.

Катя выхватила свой конверт сразу же, а Марина немного помедлила: ей совсем не хотелось приближаться к кукольнику вновь. Но он продолжал стоять, по-прежнему держа конверт в протянутой руке, которая ни капельки не дрожала, словно протез. И девочка наконец протянула свою руку и взяла деньги, изо всех сил стараясь не выхватить его и не убежать со всех ног. Ощущение мертвенного холода опять повторилась, хотя девочка вновь даже не прикоснулась к руке этого человека.

Едва сделка состоялась, как кукольный мастер, взяв одной рукой свой стул, скрылся в дверях мастерской. Для этого ему пришлось сгорбиться, и в этот момент он со спины, со своими длинными седыми волосами, походил на старую ведьму, на-

правляющуюся в свое логово. Дверь плотно захлопнулась. Очевидно, кукольник собирался приняться за работу немедленно.

Несколько минут девочки стояли перед закрытой дверью, не двигаясь с места. И только когда по улице мимо них проехала какая-то машина, обдав брызгами из одной из многочисленных дорожных выбоин, заполненных водой, они пришли в себя.

Катя первым делом раскрыла конверт и тщательно пересчитала его содержимое. Кукольник не обманул. Вся сумма была на месте. Она состояла из новеньких, чистеньких бумажек, которые, казалось, еще держали специфический типографский запах, как это бывает у недавно отпечатанных банкнот. Катя аккуратно положила конверт на дно своей сумочки и обернулась к Марине. Та по-прежнему держала свой конверт в руках. Начинал моросить дождик, и она рисковала намочить то, что выручила за прядь своих волос.

— Прячь скорее! — зашептала Катя. — Нечего деньги так держать!

Марина машинально кивнула и небрежно спрятала конверт в карман куртки, немного его помяв.

— Да очнись же ты! — тормошила ее Катя. — Пошли домой! Тут, можно сказать, новая жизнь начинается! А деньги лучше подальше спрячь! А сперва пересчитала бы!

Марина резко потрянула своими волосами, словно очищая их от недавнего прикосновения, и только тут окончательно пришла в себя. Ее состояние сейчас напоминало состояние человека,

только что покинувшего кабинет зубного врача. Вроде бы все позади и сейчас будет легче, но неприятные ощущения во рту и небольшая боль все еще сохраняются.

— Ну, ладно! Сделала, и хорошо! — воскликнула она, однако не слишком уверенно, а скорее, убеждая саму себя. — Теперь бы голову поскорее помыть!

— Кстати, совсем и незаметно. — Катя придирчиво осмотрела прическу подруги. — Можно и вообще не стричься и ничего не подравнивать! А ты боялась... — Она пребывала в отличном настроении и даже принялась что-то напевать себе под нос. Получалось не слишком музыкально, но это ее никогда особо не волновало.

— А ты что, тоже ему волосы дала? — вдруг спросила Марина, когда подружки уже подходили к дому.

— Нет! — Катя предпочла бы обойти эту тему, поэтому ответила очень коротко.

— А чего он тогда тебе тоже конверт дал? — недоумевала Марина.

— Ну, это... Это так: небольшие комиссионные, мелочь всякая! — махнула рукой Катя и попыталась перевести разговор на другую тему. — Ты лучше скажи...

— За что это? — перебила Марина, которую стали терзать смутные подозрения.

— Ну, за то, что я помогла тебя уговорить! — выпалила Катя, которой надоело увиливать от ответа. Что, в конце концов, в этом такого?! — Думаешь, это просто было?

— Так ты!.. Ты!.. — Марина даже задохнулась от возмущения. — Ты продавала мои волосы?!

— Ну и что?! — искренне недоумевала Катя. — Тебе же лучше! Ты, может, сама никогда бы и не решилась! А сейчас — и деньги хорошие получила, и с прической все в порядке!

— Ну, знаешь! — Марина смерила подругу гневным взглядом, из глаз у нее против воли брызнули слезы, и она стремглав побежала к себе домой. — Ты же меня продала! — воскликнула она напоследок, прежде чем скрыться за дверью.

— Дура психованная! — расстроилась Катя.

Она всегда подозревала, что у Маринки с головой не все в порядке, но чтобы настолько! Да она ведь ей же помогала! А та строит из себя королеву. И только из-за того, что с волосами так повезло. Небось, и не подумала бы с ней поделиться, если бы кукольник только ей заплатил! А она столько старалась!

Так что домой Катя отправилась с чистой совестью. Она не думала, что Марина будет дуться долго. Еще придет прощения просить! Когда поймет. Конечно, кукольник тоже хорош: мог бы деньги и поаккуратнее отдать. Но что уж теперь поделывать! Он, в конце концов, деловой человек. И контракт свой выполнил. А уж что там кто подумает — это не его дело. Единственное, что не нравилось Кате, — это то, что мастер дал ей только половину от суммы, положенной Марине. Ей казалось, справедливей была бы равная часть. Но и так тоже получилось совсем неплохо...

Глава IV

Неприятные происшествия

Марина проплакала весь вечер. Она никак не могла пережить то, что казалось ей предательством со стороны лучшей подруги. Девочка долго лежала в ванне, а потом тщательно расчесывала свои волосы. С ними все было в порядке: самый придирчивый наблюдатель ничего бы не заметил. Но Марина почему-то ощущала себя едва ли не лысой и даже почувствовала что-то вроде ненависти к своей всегдашней гордости.

На следующий день она не разговаривала с Катей, не подходила к ней, да и та тоже не стремилась наладить отношения. Катя пришла в школу в новой куртке, на которую смотрела уже давно и которая теперь сделалась предметом восхищения одноклассниц и зависти некоторых из них. Она уже явно нашла применение части своего вознаграждения и чувствовала себя замечательно!

Домой Марина снова пошла мимо кукольной мастерской. Ее хозяин уже вновь сидел на прежнем месте, на своем стуле и выглядел столь же равнодушно, как и раньше. Ни словом, ни жестом он не давал понять, что знает девочку. Наверное, он уже закончил работу и теперь предавался традиционному созерцанию улицы и прохожих.

На витрину Марина в этот раз смотрела с некоторым трепетом. Она опасалась увидеть в окне куклу со своими волосами. Хотя что тут страшного? Но Марине казалось, что, увидев собственные волосы на кукле, она почувствует себя, мягко говоря, не в своей тарелке. Но, к ее облегчению и, как ни странно, к некоторому разочарованию, витрина выглядела совершенно так же. Куклы из-за нее смотрели на мир широко распахнутыми и бесчувственными глазами.

Двое мальчишек лет десяти тоже стояли перед кукольной витриной и что-то горячо обсуждали. Марина сначала, погружившись в собственные мысли, не прислушивалась к их разговору, но потом, услышав знакомые слова, наострила уши.

— Я тебе говорю, что вчера все было закрыто! — говорил один из них. Марина об этом уже и без того знала, и ей даже не было нужды гадать о причинах.

— Ну и что? Нельзя же так всегда сидеть! Должен человек когда-то работать! — отвечал второй. — А хотел бы я поглядеть, как он эти куклы делает!

— Я тоже! — ответил первый. — Вот я вчера и попробовал!

— Да, ну! И что же там?

— Через эти щели все равно ничего не разглядишь! Уж больно узенькие, — ответил первый. — Но зато я кое-что слышал!

— И что там? — У второго мальчишки загорелись глаза. Он, очевидно, жалел о том, что вчера не был здесь вместе с приятелем. Марина затаила

дыхание. Она сейчас опасалась, что ребята заметят ее и продолжат свой разговор в другом месте. Но мальчишкам, очевидно, было все равно, слушает их кто-нибудь или нет.

— Я даже стухнул немного! — признался первый, и Марина поняла, что если уж он этого не скрывает, значит, было действительно страшно. — Сначала тишина, только постукивания какие-то. А потом — голоса.

— Какие голоса? — не понял второй. — Он что, сам с собой разговаривал?

— Не знаю, говорил он или нет. Я его голоса раньше не слышал! — ответил рассказчик. — Только он был там не один. Голоса были разные: и мужские, и женские, и детские...

— А что они говорили-то?

— Да слова не разберешь! Может, и вообще не по-русски, — пояснил первый мальчик. — Сначала вроде все нормально. Потом кто-то голос повысил. А кончилось все каким-то воплем! Аж уши заложило! — Он понизил голос. — Ну, я и рванул отсюда!

— А может, милицию надо было вызвать? — тоже шепотом предположил второй.

— Может. Только кто поверит? — отозвался рассказчик. — Да и на помощь-то никто не звал!

— Эх ты! — рассмеялся его приятель. — Он, наверное, телевизор смотрел! А ты перетрусил! Скучно, наверное, так сидеть было.

— Не знаю. Только на телевизор не похоже. Уж больно все по-живому.

Тут кукольник повернул голову в их сторону и внимательно посмотрел на мальчишек. Возможно, он что-то услышал. Ребят тут же как ветром сдуло. Они уже неслись подальше от мастерской со всех ног. Кукольник же, по-прежнему не обращая внимания на Марину, которая продолжала стоять как вкопанная, повернул голову назад и продолжил свою медитацию.

Девочка не знала, что и думать. С одной стороны, стоит ли прислушиваться к малышне? К тому же мальчишки и наврать с три короба могут. Да и объяснение с телевизором казалось нормальным. Но, с другой стороны, услышанное только убедило ее, что с мастерской и ее хозяином не все в порядке. Теперь Марина была почти уверена, что совершила ошибку, хотя никаких оснований для таких мыслей вроде бы и не было. Ведь она-то сама в мастерскую и не собиралась!

* * *

Несколько дней прошли своим чередом. Марина постепенно забывала о подслушанном разговоре, да и кукольника вспоминала все реже. Правда, на Катю она еще слегка дулась, но уже значительно меньше. В конце концов, приятно было ощутить себя хоть на какое-то время богатой и позволить себе то, о чем долгое время только мечтала.

А потом... Все началось неожиданно. Марина сидела на дне рождения у одноклассницы. После

некоторых колебаний она села рядом с Катей; о случившемся девочки по негласной договоренности не обмолвились ни словом. Все шло, как это обычно бывает на таких праздниках и, наконец, дело дошло до торта. Торты всегда были Марининой слабостью. Конечно, она старалась не есть много сладкого, но, в конце концов, надо же иногда расслабиться! Особенно если фигура позволяет. Катя же постоянно садилась на диету, которую, как правило, нарушала на следующий же день, чему неизменно находила множество оправданий. Вот и сейчас она шепнула Марине, что только немножко попробует, и тут же взяла самый большой кусок.

Марина уже представила себе вкус своего любимого беже, поднесла ложку ко рту и... едва не выплюнула все на скатерть. Она не могла вспомнить, чтобы когда-нибудь еще ела такую гадость! Такое впечатление, что в этот тортик намешали песок, глину и еще бог знает чего. Окружающие между тем уплетали сладкое с большим аппетитом. А кое-кто и нахваливал. Марина осторожно лизнула торт еще раз, но неприятные ощущения не только не прекратились, но даже усилились. Девочка вскочила из-за стола и, опрокинув стул, стремглав бросилась в ванную, сопровождаемая удивленными взглядами и возгласами.

Несколько минут она тщательно полоскала рот, прежде чем ужасный вкус немного сгладился. К ней подошла озадаченная и несколько обеспокоенная Катя.

— Да что с тобой! Ты как будто перец с солью пополам проглотила!

— Хуже! — выдавила из себя Марина, продолжая отплеиваться. — Тортик!

— Тортик?! — Изумление Кати было неподдельным. — А он-то чем тебе не угодил!

— А ты сама попробуй! — огрызнулась Марина. — В жизни такой гадости не ела!

— А, по-моему, очень даже вкусно! Может, в твой кусок что-то попало?

— Может быть! — Марина, не зная, что и думать, с радостью ухватила за эту версию.

— Я сейчас от твоего куска попробую! — предложила Катя, ощущая себя героиней.

— Попробуй! — отозвалась Марина. — Только предупреждаю: есть это нельзя!

Девочки вернулись к остальным, и Катя не без опаски немного откусила от Мариной порции.

— Очень вкусно! Как у меня! — проговорила она, жуя. — Ты попробуй еще раз!

Но Марина наотрез отказалась пробовать как от своего куска, так и от чьего-либо другого. Даже мысль о еде в этот момент вызывала у нее отвращение. Катя вздохнула и с чувством выполненного долга принялась доедать торт за подругу.

— Что с тобой случилось? — К ней подошла хозяйка праздника, удивленная странным поведением своей гостьи.

— Ничего особенного... — Марина подбирала какое-нибудь объяснение и, наконец, удачно соврала: — У меня просто зуб заболел. От горя-

чего, наверное. Давно надо к зубному, а я все боюсь.

Именинница только сочувственно кивнула. У нее у самой была та же проблема...

* * *

В этот день Марина так больше ничего и не съела. Да и на следующий день отказалась от завтрака. Но к обеду голод все-таки взял свое, и девочка с опаской попробовала ложку супа. На этот раз все оказалось нормально, и Марина с удовольствием пообедала. Объяснения вчерашнему происшествию она так и не смогла подобрать. Разве что на сладкое появилась какая-то аллергия? Чтобы это проверить, Марина съела еще и конфету, но ее вкус оказался совершенно обычным и очень даже приятным.

А за ужином все повторилось вновь. Причем тут произошло что-то и вовсе не вообразимое. Марина, сидя за столом с родителями, с аппетитом ела рагу. Она уже справилась с большей частью порции и уже подумывала о добавке, как вдруг... На этот раз вкус был немного другой, но от этого не менее противный. Как будто в тарелку внезапно напихали каких-то отходов. Марина закашлялась и бросилась в туалет, где содержимое ее желудка опорожнилось само собой.

— Мариночка, что случилось? — К ней подбежала испуганная мама.

— Сама не знаю! — Марина чуть не плакала. — Как вы можете это есть?! Ведь это же! Это

же!.. — Она никак не могла подобрать нужных слов, чтобы выразить свое отношение к такому невозможному вкусу.

— Ну ты же сама только что ела! И мы с папой...

— Может, волос попал? — предположил озадаченный папа.

— Не знаю... — Несмотря на все уговоры, Марина больше ничего есть не стала, только выпила немного чая, да и то с большой опаской. Когда мама попробовала рагу, оставшееся на тарелке дочери, то оно оказалось вполне съедобным и ничуть не отличалось от лежащего в их с папой тарелках.

* * *

Прием пищи для Марины теперь превратился в пытку. Каждый раз, подходя к столу, девочка просто не знала: сможет ли она есть такие аппетитные, любимые блюда, или же на языке вновь окажется какая-то жуткая гадость. Причем это совершенно не зависело от того, что за еда на столе. Подвести могло буквально все, что угодно: от мяса до пирожного, от супа до чая. И, что самое странное, не обязательно сразу: случиться это могло в самый неожиданный момент: только что суп был нормальным, и вдруг в следующей ложке — едва ли не отравы.

Марина даже пыталась есть один раз в день, но помногу, причем как можно быстрее, чтобы как

можно больше сократить риск всяких неприятностей. Она слышала, что так поступают многие хищники, и после нескольких дней такой «диеты» решила, что у львов и тигров тяжелая жизнь. Иногда ей казалось, что неприятные ощущения во рту порой возникают и просто так, но они были гораздо слабее, так что девочка и сама не была уверена: то ли она действительно что-то чувствует, то ли это происходит от нервов.

От других Марина свое состояние пыталась скрывать, но это все равно бросалось в глаза. Разумеется, больше всех беспокоились родители. Поэтому девочка старалась все съедать при них, чтобы не вообразили, чего доброго, что она объявила голодовку! Ее убеждали, что глотать пищу так быстро — чрезвычайно вредно для желудка. Но Марина считала это куда меньшим злом, нежели этот ужасный вкус!

Катя тоже видела, что происходит с подругой. Уже если человек способен отказаться даже от мороженого — значит, с ним точно не все в порядке! И Марина рассказала ей по секрету, что приступы, вроде случившегося на дне рождения, время от времени повторяются. Катя ей сочувствовала, но посоветовать ничего, кроме похода к врачу или, еще лучше, к какому-нибудь народному целителю, не смогла. Марина и сама склонялась к мысли, что обследование ей необходимо. Но вот идти со всем этим к врачу она как-то стеснялась. Ладно бы еще что-то постоянно болело! А то — такая ерунда. Врач точно решит, что ей просто надо нервы подлечить...

Если бы все ограничивалось одними проблемами с едой, это было бы еще полбеды! Марина, наверное, посчитала бы это за счастье. Но все было гораздо серьезнее. Неприятности буквально сыпались со всех сторон, а организм выкидывал все новые и новые фокусы.

Урок математики был в меру скучным, как и обычно. Не то чтобы Марина любила этот предмет, но с оценками по нему никаких проблем у нее никогда не было. Что же делать, если не все предметы одинаково интересные! Девочка вчитывалась в условия очередной задачи, когда почувствовала, что на нее наваливается смертельная усталость. Глаза стали сами собой закрываться, и Марине даже пришлось ухватиться за веки руками, чтобы удержать их открытыми. Голова словно налилась свинцом. Слова учителя девочка слышала так, как будто они звучали с пленки, проигрываемой в режиме замедленного воспроизведения.

Марина отчаянно замотала головой, но ее движения были на удивление вялыми и не только не развеяли сонливость, но еще и усилили ее. Руки сами безвольно упали на парту, а голова тут же опустилась на них. Веки, которые больше ничто не держало, крепко сомкнулись. Не прошло и нескольких секунд, как девочка уже крепко спала.

— Иванова, наверное, все уже решила, и ей скучно, — раздался вкрадчивый голос математика. Он никогда не повышал тон, но тем не менее его тихих слов побаивались практически все. — Сейчас она расскажет нам у доски о способе решения этой задачи.

По классу пронесся легкий смешок. Все ожидали, что Марина немедленно вскочит с места и, возможно, начнет оправдываться. Но ничего подобного не произошло. Марина, как ни в чем не бывало, продолжала лежать головой на парте.

— Маринка, ты чего! Поднимайся! — зашептала Катя, толкнув подругу локтем. Но ее усилия не принесли результата.

Тут забеспокоился даже математик. Он потряс девочку за плечо, но та лишь слегка приподняла голову и вновь уронила ее на парту. Ситуация становилась все более странной. Учитель уже собирался послать кого-нибудь за школьной медсестрой, но тут Марина неожиданно сама подняла голову и удивленно посмотрела на уставившихся на нее одноклассников.

— Иванова, как ты это объяснишь? — Математик решил, что пал жертвой розыгрыша, поэтому заговорил своим самым холодным и ехидным тоном.

— Что объясню? — не поняла спросонья Марина. Смешки в классе усилились. И тут она поняла, что произошло. — Я заснула?! — воскликнула она полувопросительно-полуутвердительно.

— Именно! — подтвердил учитель.

— Я... Извините... Я...

— Можешь не трудиться. Продолжай спать! — Математик засомневался: а вдруг девочка говорит правду. Но делать из себя посмешище он не собирался. — Только не в классе!

Марина собрала вещи и, понутив голову, вышла в коридор. Девочка чуть не плакала. Она совершенно ничего не понимала! Как она могла вот так, ни с того ни с сего, уснуть на уроке?!

Так Марина стала героем дня. Слухи о ее странном поведении облетели школу моментально. Кто-то думал, что она действительно заснула, а кто-то, — что притворялась (хотя зачем бы ей это?). Но весь день Марину сопровождали любопытные взгляды и шепот за спиной, что приводило девочку в тихое бешенство. Но что она могла предпринять? Хорошо хоть, что остальные уроки прошли нормально...

Приступы сонливости стали происходить с Мариной регулярно, в любом месте: дома, в школе, на улице... Девочка пыталась с ними справляться, всячески взбадривая себя. Иногда она даже нарочно причиняла себе боль, щипала себя, колола булавкой, чтобы перебить сон. Но победить его, к сожалению, получалось не всегда. И тогда оставалось только искать место, где можно безнаказанно прикорнуть. И, что интересно: поздно вечером, когда, казалось бы, для сна самое время, эти приступы не случались никогда.

Но и внезапные припадки сонливости тоже были совсем не самым страшным.

В тот самый день, когда случился первый приступ сонливости, Марина шла домой, погруженная в невеселые мысли. Она ускользнула от Кати; ей очень хотелось пройтись одной и попытаться разобраться в том, что же с ней все-таки происходит. И вдруг, в какой-то момент, девочка почувствовала резкую боль в левой руке. Как будто кто-то грубо схватил ее и тянет в сторону.

Марина резко обернулась, готовая дать отпор нападающему и лихорадочно вспоминая, что же следует делать в таких случаях. Она испугалась, что стала жертвой грабителя или, еще хуже, какого-нибудь маньяка. Катя, любившая подобные жутковатые истории, регулярно их рассказывала. Но... рядом никого не было. Улица оказалась пустынной. Девочка в смятении оглядывалась по сторонам, а руку все выворачивали и выворачивали. И тут — отпустило, словно ничего и не было.

Поминутно оглядываясь, Марина быстро добежала до дома, взлетела вверх по лестнице и только тут немного успокоилась. Но все оказалось не так просто. Едва девочка присела в кресло, чтобы хоть немножко отдышаться, она ощутила, как какая-то сила давит ей на живот. Но рядом-то опять не было никого! Марина находилась в квартире совершенно одна! Боль и давление быстро прекра-

тились, но теперь девочка не была уже уверена ни в чем.

Внезапные боли, появлявшиеся в разных частях тела, теперь мучили Марину периодически. Они всегда появлялись неожиданно, резкой вспышкой, и столь же неожиданно исчезали, как будто ничего и не было. Марина каждый раз внимательно осматривала, ощупывала себя, но не обнаруживала никаких подозрительных следов, ничего такого, что могло бы оказаться причиной внезапных приступов. И, как и в случае с сонливостью, только поздним вечером и ночью можно было оставаться относительно спокойной, что никаких неприятных неожиданностей не случится.

Глава V

Ночные кошмары

К сожалению, ночами все тоже было совсем не так хорошо, как хотелось бы. Марину просто замучили довольно-таки однообразные, но от этого не менее пугающие сны. В первый раз она отмахнулась от сновидения, как от обыкновенного кошмара, но повторяющиеся мотивы волей-неволей заставили девочку призадуматься.

Итак, Марина видела саму себя. Во сне она оставалась в полном сознании, но вдруг в ужасе понимала, что не может пошевелить ни одной частью тела. Ее тело просто отказывалось слушаться.

Даже моргнуть самостоятельно не получалось. Девочке казалось, что она все-таки стоит, но уверенности не было даже в этом. По крайней мере, никакой усталости она не ощущала. При этом она оставалась в полном сознании. Казалось даже, что мозг работает четче и острее, чем обычно. Чувства тоже были обострены. Марина слышала малейший шорох, различала тончайшие цветовые оттенки, улавливала любой запах.

Впрочем, рассматривать тут было особенно нечего. Она находилась в каком-то темном помещении, где слегка пахло краской, клеем и еще какими-то веществами, названия которых Марина не знала. В темноте она различала силуэты каких-то других фигур, но для того, чтобы разглядеть их почетче, явно не хватало света. Девочке хотелось окрикнуть эти фигуры, но, разумеется, язык ей тоже не повиновался.

Ото всей этой картины веяло такой безнадежностью и тоской, что хотелось плакать. Марине даже казалось, что по ее щекам действительно текли слезы, но сказать об этом с уверенностью она не могла. Девочка действительно проснулась в слезах, за что очень на саму себя рассердилась. Мало ей реальных неприятностей, так еще и во сне стала реветь! Только этого не хватало!

Марина не поленилась свериться с медицинской литературой. Со времени ее болезни немногие книги по этой тематике, которые хранились дома, не возвращались на свое место в книжный шкаф, настолько часто папа пытался самостоятель-

но найти в них ответы на мучившие его вопросы о состоянии дочери. Из них Марина выяснила, что подобное может возникать как от проблем с сердцем, так и от более прозаических причин. Например, человек слишком туго завернулся в одеяло, простыню, неудобно лежит. Последнее показалось Марине очень разумным и совершенно нормальным. Она уже готова была приписать кошмар этой причине и успокоиться, но...

На следующую ночь все повторилось. То же помещение, та же тьма, та же напряженная тишина... И та же неподвижность и ощущение полной беспомощности. Причем ее в этом сне ничего не держало. Не было никаких веревок, цепей или еще чего-нибудь в этом роде. Просто тело не желало слушать приказов мозга, подчиняться им.

А потом над головой раздались шаги. Они были размеренные, неторопливые. Тот, кто их делал, явно никуда не торопился и был полностью уверен в себе. Сначала шаги слышались только наверху. Их эхо так гулко раздавалось в темном помещении, что казалось, будто кто-то стучит по голове. Возникало даже ощущение, что они раздаются в такт с ударами сердца.

А потом шаги послышались уже сбоку. Они явно приближались. Похоже, кто-то спускался вниз. Марине смертельно хотелось повернуть голову, чтобы увидеть, кто же это. Незнательность становилась просто непереносимой. Но, увы, это было абсолютно невозможно. Девочка вдруг поня-

ла, что даже просто скосить глаза у нее никак не получается.

Теперь шаги раздавались уже за спиной. Все такие же мерные и неспешные. Они неумолимо приближались. Марине казалось, что если они приблизятся еще хотя бы чуть-чуть, а тем более если этот загадочный человек подойдет к ней вплотную, она умрет от страха. Девочка собрала всю волю в кулак, чтобы суметь повернуться или хотя бы закричать, и... проснулась.

Крик у нее действительно вышел замечательный: долгий, пронзительный, полный ужаса. Она никогда бы не подумала, что способна проделать со своим голосом такое! Марина лежала на полу. Очевидно, что вместе с криком она сумела и совершить движение. А именно — скатиться с кровати.

Уже наступило утро. Это не могло не радовать, потому что раздайся такой вопль ночью, непременно пробудился бы весь квартал (за исключением глухой бабушки в квартире напротив). Еще кто-нибудь с перепугу в милицию позвонил бы! Но и сейчас родители были здорово напуганы. Мама долго расспрашивала дочку о том, что за кошмар ей привиделся, а папа тут же полез в справочники, где и отыскал уже знакомые Марине возможные причины такого состояния. Соседи за стенкой даже на всякий случай позвонили к ним в дверь, узнать, все ли в порядке. В общем, Марина всех подняла на ноги. А всеобщего внимания ей сейчас как раз хотелось меньше всего.

Засыпая в следующий раз, Марина уже внутренне была готова к продолжению. Она убеждала себя, что сон — это всего лишь сон, что он не может принести никакого вреда, что пугаться тут абсолютно нечего. И, уж конечно, не стоит во время него кричать и кувыркаться. Но одно дело давать себе такие установки наяву, а совсем другое — следовать им во сне, где сон и есть истинная, единственная реальность.

Начало этого сна было таким же, как и у предыдущих. Неподвижность, темнота, тишина, затем шаги. Марина ожидала чего-то подобного, но менее страшно и неприятно ей от этого, к сожалению, не было. Более того: растянувшееся ощущение, что ее ждет нечто ужасное, изматывало и без того-то не слишком крепкие нервы до предела.

А шаги неумолимо приближались. Когда до Марины, как улавливал ее обострившийся слух, оставалось не больше пары метров, они неожиданно стихли. Девочка была абсолютно уверена в чем-то незримом присутствии, но пока он (или она?) никак себя не обнаруживал. Марина ощущала, что ее затылок сверлит чей-то тяжелый взгляд. Желание обернуться было абсолютно нестерпимым. Если бы посмотреть хотя бы одним глазком! Или если бы перед ней оказалось зеркало! Но ничего подобного здесь, увы, не было.

Напряжение нарастало. Марина уже желала, чтобы что-нибудь произошло, пусть и очень плохое, лишь бы не мучиться больше этой кошмарной неизвестностью! Наконец, ее ожидание закончи-

лось. Вот только ясности это не принесло, а, скорее, добавило загадок.

Неожиданно, ни с того ни с сего, Марина почувствовала, как ее правая рука поднимается. Еще недавно девочка тяготилась неподвижностью. Теперь же ей очень не хотелось, чтобы рука двигалась против ее воли. Марина сосредоточилась на том, чтобы прекратить движение, «командовала» непослушной конечности вернуться назад, но все было напрасно. Потом эта рука замерла в каком-то не слишком удобном положении, и тут же начала двигаться другая. Марина ничего не понимала. Она смотрела на собственные руки, словно на какие-то посторонние предметы. Потом она неожиданно сделала шаг вперед одной ногой, затем другой. Казалось бы, что теперь можно было бы обернуться и посмотреть, что там сзади. Но, увы: по собственной воле пошевелиться девочка по-прежнему не могла.

На некоторое время Марина застыла в этой позе. А потом тому (или чему?), кто управлял ее движениями, это, по-видимому, надоело. Девочка сделала шаг назад, опустила руки и замерла в том же положении, что и раньше. А затем шаги стали удаляться. Все так же неторопливо и размеренно. Как будто шагающий уже закончил все свои дела, увидел, что хотел, и теперь возвращался назад. Снова наступила тишина, и Марина, наконец, проснулась.

На этот раз хотя бы пробуждение выдалось спокойным! Но оптимизма это отнюдь не прибав-

ляло. Еще бы: двигаться, не контролируя собственные движения, будто какая-то марионетка! Конечно, это всего лишь сон. Но, если подумать, и в жизни с ней происходит нечто подобное!

А в следующий раз Марина уже исполняла что-то вроде странного танца. Сначала девочке казалось, что ее движения хаотичны и беспорядочны, но потом в них начал угадываться ритм. Марина сама удивлялась, как умудряется выполнять такие сложные па и при этом не запутаться! Хотя... Ни одно из движений она не совершала добровольно. Марина даже, наверное, не слишком бы удивилась, если бы обнаружила, что к ней привязаны какие-нибудь ниточки или веревочки, за которые дергает опытный кукловод.

Танцевать неизвестный танец в почти что крошечной темноте и полной тишине — даже для сна это чересчур! Если бы заиграла хоть какая-нибудь мелодия, Марине стало бы гораздо легче. Ей даже казалось, что подходящая музыка вертится у нее в голове, но сосредоточиться на ней и понять, что это за мелодия, девочка никак не могла.

Танец прекратился внезапно, на полудвижении, словно смолкла музыка, которую она так и не слышала. Некоторое время не раздавалось ни звука. Значит, этот неведомый кукловод рядом? Как же хотелось Марине обернуться и встретиться с ним лицом к лицу! Но, увы... Это было не в ее силах. Девочка даже подумала, что останется так стоять: на одной ноге и с нелепо поднятыми руками. В другой ситуации она бы скорее всего

просто упала. Но сейчас, несмотря на чудовищно неудобную позу, ни малейшего утомления не ощущалось. Как, впрочем, и от танцевальных движений. Вот уж, действительно, как марионетка! Марине вдруг вспомнилось, как маленькие дети могут бросить свою игрушку, не убрав на место, и, к своему смущению и гневу, ощущала себя именно в роли такой игрушки.

Но Марине повезло. Очевидно, про нее не забыли, а просто на что-то отвлеклись. Все так же, безо всякого предупреждения, она сделала несколько движений и приняла нормальное положение. Тяжелые шаги стали удаляться. Ах, если бы можно было крикнуть, обернуться! Куда там! Оставалось радоваться, что тебя хотя бы «убрали»...

Проснувшись, Марина обнаружила, что по щекам у нее обильно текут слезы. Сон опять отпечатался в памяти во всех подробностях, и даже после пробуждения девочка продолжала ощущать все то, что чувствовала во сне. Не то чтобы ей было больно. Нет, с точки зрения здоровья все оставалось в норме. Но вот психологически... Очень унижительно было ощущать такую беспомощность и подчиняться чьей-то воле, пусть даже и во сне. А еще было абсолютно непонятно: а ради чего все это? Цели, которые преследовал загадочный кукловод из сна, оставались совершенно неясными. А что может быть хуже, чем оказаться пешкой, участвовать в игре, которую абсолютно не понимаешь?

Глава VI

Врачебный консилиум

Разумеется, долго оставаться тайной это не могло, и родители очень скоро заметили, что с дочерью происходит что-то неладное. Так что Марина отправилась на осмотр в детскую поликлинику. Конечно, девочке, которая была приписана сюда последний год, было как-то неудобно сидеть в очереди на прием вместе с малышами, но выбора не оставалось. К тому же Марину смущало, что обеспокоенная мама отправилась вместе с ней, а это уж выглядело и вовсе неловко.

Девочка вспоминала, как ее приводили сюда совсем маленькой. Особенно врезались в память прививки. Марина могла с гордостью вспоминать, что никогда при этом не ревела (разве что в грудном возрасте), а необходимые медицинские процедуры переносила стоически. Но сейчас... Сейчас она боялась приема гораздо больше, чем в то далекое время. Марину страшило, что у нее могут найти какую-нибудь тяжелую болезнь (а как иначе объяснить то, что с ней происходит?). Но зато, может быть, она хоть что-то узнает и перестанет мучиться от неизвестности?

Седой солидный врач слушал ее и мамин рассказы внешне спокойно и невозмутимо. Только по мере описания симптомов его брови поднимались

все выше и выше, что показывало, как удивлен этот опытный специалист. В конце концов, он пригласил еще одного врача, полную женщину средних лет, которая долго осматривала девочку, задала множество вопросов, при этом хмурилась, качала головой и выглядела очень озадаченной.

Наконец Марине дали освобождение от занятий и строго-настрого наказали при первых же странных симптомах немедленно вызывать врача, чтобы понаблюдать эту странную болезнь, что называется, на месте. Прописали ей и какие-то успокоительные лекарства, от которых впоследствии жутко хотелось спать, никакого другого эффекта от них не было.

По окончании приема Марину попросили выйти из кабинета, и врачи о чем-то долго говорили с мамой. Дверь была прикрыта неплотно, а у врача-мужчины оказался глубокий баритон, и девочка могла расслышать отдельные реплики.

— Девочка, скорее всего, перенесла сильный стресс.

— Вспомните, что с ней происходило в последнее время!

— Постарайтесь ее обо всем расспросить.

— Надо оберегать ее от нервных потрясений. Пусть побольше гуляет в вашем сопровождении, и проследите, чтобы она не смотрела и не читала ничего пугающего. Никаких триллеров и разных там ужасов!

— Поймите, болезнь может развиваться, и тогда потребуется госпитализация. А не хотите сделать это сейчас? У нас отличные невропатологи и прекрасный психиатр!

Марина отошла от двери, не в силах больше все это слушать, и присела на скамейку. Только этого не хватало! Меньше всего Марине хотелось сейчас оказаться с нервными больными или, того хуже, с сумасшедшими! Хотя, если так будет продолжаться еще некоторое время, то немудрено действительно сойти с ума! Ей даже хотелось, чтобы врачи нашли у нее какую-нибудь «настоящую», «нормальную» болезнь, которую хотя бы знают, как лечить! Но девочка почему-то в душе сильно сомневалась, что медицина может чем-то ей помочь.

* * *

— Марина! Ну, вспомни: тебя в последнее время ничего не пугало? — Мама с энтузиазмом взялась за расспросы, к которым Марина уже была готова. Надо сказать, что следователь из мамы получился бы неважный. Девочке, любившей разные детективы, так и хотелось подсказать маме, что так «допросы» не ведутся, что вопросы должно быть тоньше.

— Нет. Вроде бы ничего такого, — отвечала Марина. Конечно, можно было рассказать про свои страшные сны, про кукольника. Но что от этого изменится? Это было бы лучшим подтверждением того, что с головой у нее не все в порядке. Ну, как можно нормальному человеку бояться того, кто просиживает целыми днями возле своей мастерской и даже ни разу с момента продажи волос не заговорил с ней! Марина была уве-

рена, что кукольный мастер, получив ее волосы, просто забыл о ее существовании. Если, конечно, ему не понадобится материал для новой куклы.

Раздалась бодрая мелодия. Это зазвонил мобильник. Катя (такую мелодию Марина поставила именно для нее, как отражающую ее энергичный характер), обеспокоенная здоровьем подруги, звонила ей, чтобы в очередной раз спросить о самочувствии и передать последние сплетни о школьной жизни. Катя, конечно, сочувствовала Марине. Но ее, помимо этого, очень интересовали Маринины «припадки». Ей стоило большого труда удерживать те подробности, о которых она знала, при себе.

Едва закончился этот не слишком-то содержательный разговор, как мама попросила у дочери показать ей мобильный телефон. Телефон был замечательный: самой последней модели, легкий, изящный, со встроенной фотокамерой. К тому же было приятно просыпаться не под противное пиканье будильника, а под приятную мелодию, доносящуюся из новенькой покупки. Марина купила его, потратив часть вырученных от продажи волос денег. Уж очень ей хотелось расстаться со своей старой «трубой», в которую, если действительно хочешь, чтобы тебя слышали, приходилось едва ли не кричать во весь голос. Да и изяществом ее прежний мобильник не отличался.

— Откуда это у тебя? — Мама не слишком-то разбиралась в современной технике (сама она мобильником пользоваться так толком и не научи-

лась), но ее познаний вполне хватило на то, чтобы понять, что эта вещь стоит недешево.

— А, этот! — Марина не прятала свою покупку дома, думая, что никто ее все равно не заметит. Так что девочка даже не успела придумать какую-нибудь правдоподобную историю о том, как оказалась у нее эта вещь. — Это я на свой старый телефон обменяла.

— Ерунда какая! — возмутилась мама. — Этот стоит гораздо дороже! Ты что, обманула кого-нибудь? — Она посмотрела на дочь с укором и подозрением, вообразив уже, что Марина выменяла телефон у какого-нибудь наивного простака, а теперь мучается угрызениями совести.

— Да нет! Что ты! — Марина вспыхнула. Она уже думала рассказать историю о том, что этот телефон — случайная находка или что она выиграла его в лотерею. Но это все казалось слишком наивным. Вот если бы она сделала это сразу после того, как приобрела новинку! А теперь — кто поверит, что человек, выиграв в лотерею, не поделится своей радостью с домашними! — Это я старый телефон продала, немного добавила и приобрела этот...

— Немного... — с подозрением сказала мама. Разброс цен на мобильники она представляла слабо, но этот уж больно отличался от предыдущего. — Немного — это сколько?

— Володя! — Теперь она обратилась уже к Маринину отцу, который только что пришел с работы. — Как ты считаешь: этот телефон дорого

стоит? — Она протянула его осторожно, двумя пальцами, словно боясь повредить.

— Да побольше моей зарплаты! — Папа, будучи инженером, понимал в этих вещах гораздо больше. — А откуда это у нас?

— Да вот: Марина купила.

— Ты что: клад нашла? — Папа удивленно посмотрел на дочь.

— Ничего я не нашла! — Марину стал уже здорово раздражать этот допрос. — Что вы у меня, как у воровки какой-то, выпрашиваете! Что да как! Не крала я эти деньги и не находила! Я их заработала!

— Заработала?! — воскликнул папа. — Расскажи мне, где это так платят! А то, думаю, может, работу сменить? — Он, видя Марино раздражение, старался взять шуточный тон.

— У тебя так не получится, — грустно улыбнулась Марина. — Волос почти не осталось! — Папа действительно катастрофически лысел и ничего не мог с этим поделать. Раньше он даже пробовал какие-то средства, но теперь махнул на это рукой.

— А при чем тут волосы? — удивилась мама, готовая подозревать уже бог знает что.

— Я просто продала чуть-чуть волос. Стричься все равно собиралась... — Марина решила на этот раз сказать правду.

— И кто же так за волосы платит? — осторожно спросила мама.

— Это для кукол! — пояснила Марина. — Тот чуждак, который сидит у кукольной мастерской, ис-

пользует для своих игрушек настоящие волосы. Вот он мне и предложил продать совсем немножко. Много ли для куклы надо!

— Ничего себе кукольники живут! — покачал головой папа.

— Я слышала, за какие деньги он куклы продает! — воскликнула мама. — Но это уже чересчур! Волосы у тебя, конечно, хорошие, но не такие же уникальные!

От Марины они на некоторое время отстали, но о чем-то долго шептались на кухне. На следующий день мама узнала, сколько стоят волосы в парикмахерской, и пришла к выводу, что дочь явно что-то скрывает. Конечно, следовало бы расспросить самого кукольника, но, в конце концов, ничего противозаконного тот не делал. К тому же в этот день двери мастерской были плотно закрыты, а из помещения доносилось еле слышное постукивание. Кукольник работал, а беспокоить его в этот момент едва ли кто-нибудь решился бы...

Глава VII

Неожиданный талант

Марине было очень скучно. Теперь она целыми днями сидела дома, а гулять выходила только под присмотром, словно маленькая. Это было как-

то неловко, да и просто обидно. «Хорошо еще, что за ручку не держат!» — зло думала она.

Любимые книги тоже стали недоступны; Марине «прописали» только то, что успокаивает нервы, а такие книжки казались ей невообразимо скучными. Девочка клятвенно обещала, что не станет читать ничего «волнующего», хотя обещание выполняла с трудом. Телевизор тоже оказался под запретом. Папа даже отнес его на время к друзьям, чтобы не было искушения его включать. К тому же он считал, что раз уж Марине смотреть его нельзя, то нехорошо будет, если они с мамой станут им пользоваться.

Так что девочке оставалось в основном скучать. Марина пробовала найти что-то интересное в предлагаемых книгах, слушала музыку (она тоже была «согласована») и пыталась научиться рисовать. Это получалось у нее неплохо, и она даже порой жалела, что не стала ходить в художественную школу, когда ей это несколько лет назад предлагали.

Самое обидное, что на ее состояние все эти ограничения никак не влияли. Приступы сонливости, странных вкусовых ощущений и внезапной резкой боли происходили безо всякой системы и ничуть не реже, чем раньше. Один раз тот самый пожилой, солидный врач, крайне заинтересованный этим загадочным случаем, пожертвовал своим выходным и провел рядом с Мариной целый день. Он зафиксировал момент внезапной сонливости, измерил пульс, давление, проверил рефлексы, все

тщательно записал, но никаких отклонений от нормы так и не обнаружил. По всем показаниям девочка была совершенно здорова! Даже когда у Марины внезапно возникла резкая боль в плече, то даже не покраснело! Доктор ломал голову над этой странной пациенткой, перечитал гору специальной литературы, но к разгадке подойти так и не смог. Он даже решил, что девочке потребуется консультация ведущих специалистов и длительное лечение в Москве или, возможно, за границей, о чем осторожно намекнул обеспокоенным Марининым родителям.

* * *

Увлечение рисованием постепенно переросло в настоящую страсть, и Марина посвящала ему едва ли не все свободное время. Получалось, конечно, не идеально (девочка сама понимала, что Леонардо да Винчи из нее не выйдет), но и совсем не так плохо, как она ожидала. Очевидно, что у Марины был-таки талант к этому делу, и теперь он имел возможность хотя бы немного развиваться. И родители, и врач очень одобряли это спокойное увлечение, а доктор даже говорил, что оно «может дать терапевтический эффект».

Обычно Марина тщательно продумывала композицию своего рисунка, делала наброски карандашом, а только потом бралась за акварель или же оставляла рисунок черно-белым, заштриховывая его тем же карандашом. Так ей даже больше нра-

вилось. Вот и в этот раз она намеревалась изобразить деревья и старую церковь, что-то вроде знаменитой картины «Грачи прилетели». Марина только-только начала намечать, что в какой части листа должно находиться, и немного задумалась...

Очнулась она только под вечер. В комнате было уже довольно темно, так что в таких условиях нарисовать что-нибудь без света казалось невероятным. И тем не менее девочка с удивлением обнаружила, что рука с карандашом словно летает по бумаге, причем безо всякого ее сознательного участия. В полумраке Марина даже не могла рассмотреть, что она только что нарисовала.

Девочка встала, включила свет и подошла к столу, совершенно уверенная, что лист окажется исчерканным какими-то каракулями, вроде тех, что так любят изображать маленькие дети, когда карандаш или ручка наконец попадает им в руки. Марина и сама в глубоком детстве испортила несколько книжек, к которым хотела нарисовать картинки. Но сейчас, увидев результат собственной работы, она ахнула.

Перед ней лежала самая настоящая картина: дом, деревья рядом, затянутое тучами небо... Еще несколько часов назад Марина ни за что не поверила бы, что может нарисовать что-нибудь подобное; разве что после нескольких лет упорных тренировок, да и то вряд ли. Рисунок изображал с почти что фотографической точностью какой-то до боли знакомый вид. Марина была совершенно уверена, что видела все это, знала даже, что это

ее город, но вот только что это за место? Марина поворачивала картину и так и эдак. Вроде бы дом очень знакомый, но где он стоит?

И тут ее осенило. Ну, конечно же, это старый двухэтажный дом, который она ежедневно проходила по пути в школу и обратно! А стоит он... Ну да: как раз напротив кукольной мастерской! И как она сразу его не узнала?! Наверное, все дело было в странном ракурсе. Дом был виден откуда-то снизу. Если бы она рисовала с натуры или фотографировала это место, то, чтобы добиться подобного ракурса, пришлось бы как минимум присесть на корточки, а то и лечь на землю.

Чем больше Марина смотрела на собственный рисунок, тем меньше верила, что могла сделать такое, да еще вслепую! Ей казалось, что кто-то ее разыграл, подложив уже готовую картину. Но ведь рядом никого не было! И, даже если она спала, сделать это незаметно было бы совсем не просто. Да и кто из ее знакомых обладает таким художественным талантом? Она вообще рисует лучше всех и в семье, и в классе...

Так и не найдя удовлетворительного объяснения, Марина прикрепила рисунок кнопкой к стене, чтобы поразмышлять над ним на досуге... Затем девочка решила проверить, что у нее получится, если начать рисовать сейчас, так же хорошо? Предмет она выбрала самый простой: яблоко. Увы, ничего похожего на недавнее мастерство в этом изображении не прослеживалось. Обычный ученический рисунок. За такой бы, наверное, даже

пятерку по рисованию не поставили. Марина порвала нарисованное яблоко, откусила кусочек от настоящего и глубоко задумалась, глядя на свой «шедевр». Мало ей разных загадок, так еще одна добавилась!..

Перед сном Марине захотелось еще немного позаниматься любимым делом. Такое впечатление, что за время ее дневного рисования она успела выспаться. Но вернуться к задуманной картине ей не удалось. Едва она взялась за карандаш, как тот стал свободно носиться по бумаге, как будто кто-то водил рукой девочки. Однако Марина и на этот раз не смогла увидеть, как же появляется этот рисунок. Она снова впала в то же состояние, что и накануне днем, а очнулась только тогда, когда за окнами уже забрезжил рассвет.

На этот раз не было никакой необходимости гадать, что (или, вернее, кого) она нарисовала. Этого человека невозможно было спутать ни с кем. Марина даже вздрогнула, посмотрев в эти бездонные глаза, которые пугали, почти гипнотизировали даже с бумаги. Казалось, что кукольник присутствует здесь, сейчас, в этой комнате. Все такой же невозмутимый и загадочный. Рисунок снова был сделан откуда-то снизу. Конечно, мастер отличался высоким ростом, но не до такой же степени! Таким его могла бы увидеть разве что кошка или собака. Или кукла, если бы, конечно, куклы вообще могли видеть.

Первым побуждением Марины было немедленно порвать этот портрет на мелкие кусочки или

даже вообще сжечь. Уж кого-кого, а кукольника девочка стала бы рисовать в последнюю очередь! Но, немного подумав, Марина аккуратно убрала портрет в папку к остальным рисункам. В конце концов, нарисован он был просто здорово, как живой. К тому же девочка почему-то решила, что этот портрет может пригодиться. Для чего именно, она и сама еще не осознавала, но вдруг...

Теперь неожиданное вдохновение практически не покидало Марину, а, напротив, посещало каждый день, и зачастую даже не по одному разу. Вот только таких легко узнаваемых сюжетов ей почему-то больше не встречалось.

Так, на следующий день она смотрела на свой новый рисунок с нескрываемым удивлением. На нем был изображен большой, красивый дом, явно не из их города. Такой бы она обязательно запомнила. Да и сам город, если смотреть по нарисованной части, был значительно больше. В композиции оказалось несколько машин, и, судя по всему, движение там всегда было довольно оживленным. А вот зелени в рисунок почти не попало. Очевидно, это был самый центр. Общим с ее прошлыми картинками здесь, пожалуй, был только ракурс. Казалось, что смотрели откуда-то снизу, от самой земли.

А от следующего рисунка и вовсе веяло экзотикой. Марина даже сомневалась, что он изображает один из российских городов. Разве что где-нибудь на самом юге. И то вряд ли. Даже одежда

у людей была какая-то не такая. И выглядели они непривычно смутно.

Дальше — больше. Казалось, фантазия девочки путешествует по всем концам земного шара. Она побывала и на севере, и на юге. И в Европе, и в Азии. Родители удивлялись богатству ее фантазии и мастерству, с которым все это изображено. Им было интересно знать, откуда их дочь берет сюжеты. Если бы она сама это знала!

Марина даже сделала у себя в комнате небольшую галерею из этих столь реальных, но в то же время фантастических видов. Как будто она находилась в музее, где собраны картины из жизни разных стран и городов. Девочка в мечтах побывала во многих из них и не раз гадала, что же послужило причиной тому, что ее сознание (или подсознание?) выбрало именно эти виды. И почему она все рисует именно в этом ракурсе, а именно, откуда-то снизу?

Сначала Марина даже пугалась своего неожиданного дара. Но потом вполне к нему привыкла, и ей даже стало нравиться каждый раз видеть что-то неожиданное, да еще и изображенное собственной рукой. Конечно, ей хотелось бы как-то научиться этим управлять и рисовать то, что хочется самой, но и так тоже было неплохо. К тому же в моменты этого странного творчества никакие боли и прочие неприятности ее не беспокоили.

Глава VIII

Девочка с куклой

~ Все эти запреты так надоели Марине, что однажды она не выдержала и отправилась на прогулку одна. Конечно, это было не слишком разумно: девочка представляла, в какой нелепой ситуации она окажется, уснув прямо на улице. Тогда уж точно больницы не избежать! Но сколько же можно сидеть взаперти!

Марина шла, наслаждаясь чистым воздухом, и сама не заметила, как ноги принесли ее к кукольной мастерской. Вообще-то она не собиралась сюда приходить и уже досадовала на себя за то, что так задумалась, что пошла совсем не в ту сторону. Девочка теперь во время своих прогулок в сопровождении кого-то из родных всегда выбирала другое направление, инстинктивно держась от этого места подальше, хотя почему она так делает, не могла объяснить даже самой себе.

Вот и сейчас Марина хотела уже повернуть назад, но ее внимание привлекла необычная сцена, разворачивающаяся возле мастерской. Кукольника, как ни странно, на месте не было. Наверное, Марина застала один из тех редких моментов, когда он занимался работой и не желал ничего и никого видеть. Но место рядом с дверью, только приоткрытой, но не запертой, было занято. На стуле

кукольника сидела маленькая девочка лет пяти, державшая в руках большую куклу.

С первого взгляда на нее Марина подумала, что эта девочка наверняка должна приходиться родственницей старому мастеру. Скорее всего, внучкой или племянницей (трудно было представить, что это могла быть его дочь). Девочка обладала столь же мертвенно-бледной, можно сказать, кукольной кожей. Ее длинные, свободно развевающиеся, иссиня-черные волосы были спутаны и выглядели столь же немытыми, как у хозяина мастерской. Хотя, если их как следует расчесать, они, наверное, оказались бы не хуже, чем у самой Марины. И еще глаза: они казались столь же бесчувственными и глубокими. В них таилась какая-то загадка, какая-то неведомая сила.

Но внимание Марины привлекла не только девочка, но и та кукла, с которой она играла. Очевидно, эта игрушка была одним из самых совершенных творений мастера и выглядела даже лучше, чем те, которые были выставлены в витрине (впрочем, те она могла видеть только сквозь грязное стекло). Марина никогда прежде не видела эту куклу, она была в этом уверена, но в то же время в этой игрушке было нечто на удивление знакомое. С минуту Марина смотрела на куклу, и, наконец, поняла, что же именно она узнала. Волосы! Это были ее волосы! Очевидно, те самые, которые кукольник отрезал у нее!

Ощущение было на удивление неприятным и пугающим. Марине вдруг показалось, будто девоч-

ка играет не с куклой, а с ней самой. И, что самое противное, девочка имела на это полное право! Ведь Марина сама позволила это, продав в тот злосчастный день прядь своих волос! Ей захотелось немедленно забрать эту куклу, вернуть все назад. Но как это сделать? Чтобы выкупить куклу, у нее не хватит денег. Если кукольник отдал столько за волосы, то о том, сколько может стоить его творение целиком, страшно было даже помыслить...

Девочка тем временем начала качать куклу на руках. И в то же мгновение Марина почувствовала, как у нее начинает кружиться голова. Такое с ней было только тогда, когда они всей семьей ездили на море и попали во время морской прогулки в сильную качку. Но тогда это можно было понять, а сейчас... Девочка явно собиралась укладывать свою игрушку спать, и Марина уже догадывалась, что с ней произойдет в этом случае. Заснуть прямо здесь, у порога мастерской, как пьяная... Нет, это не входило в ее планы!

— Здравствуй, девочка! Как тебя зовут? Раньше я тебя здесь не видела. — Марина, преодолевая тошноту, подошла к играющей и попыталась завести с ней разговор.

Девочка подняла на нее свои столь хорошо знакомые, бездонные глаза и смерила ее таким взглядом, от которого немедленно хотелось убежать прочь. Куда угодно, только подальше от этого места. Она ничего не отвечала и только внимательно смотрела на Марину, ожидая продолжения.

Конечно, можно было предположить, что девочка просто немая, но уж больно ее поведение напоминало то, как держал себя хозяин мастерской. Заведи с ним кто-нибудь подобный разговор (если бы нашелся такой смельчак), он, наверное, отреагировал бы примерно так же.

— Какая у тебя красивая кукла! — продолжала свои усилия Марина, напрягая всю волю, чтобы не побежать к дому. Она подумала, что такие слова должны порадовать любого ребенка. К тому же в этом случае они были чистой правдой.

Девочка медленно опустила голову и внимательно оглядела куклу, словно увидела ее в первый раз, потом столь же внимательно и оценивающе осмотрела Марину, и на ее губах появилось подобие улыбки. Улыбки безжизненной, какой-то резиновой, а потому выглядевшей на лице ребенка очень неестественно и даже зловеще. В этот момент Марине показалось, что девочка все поняла и просто смеется над ней, наслаждается ее растерянностью и беспомощностью.

— Кто тебе ее дал? — спрашивала Марина, нервничая все больше и больше. — Наверное, подарили?

— Дедушка сделал. — Девочка, наконец, удостоила ее ответом. Голос у нее был под стать дедушкиному, совершенно механический и очень ровный, неестественно ровный. — Моя игрушка, — добавила она, помолчав. И Марине показалось, что ребенок, говоря об игрушке, имеет в виду не только куклу.

— Какой молодец твой дедушка! — продолжала Марина свою лесть, стараясь оставаться спокойной, хотя ее голос при этом предательски дрожал. — А можно... можно мне посмотреть твою игрушку поближе?

Девочка еле заметно отрицательно мотнула головой и крепко прижала куклу к себе. Марина тут же почувствовала, что ее как будто сдавили тисками. Ей даже стало трудно дышать, а из глаз полились слезы. Казалось, если сжать чуть сильнее, она потеряет сознание, задохнется или даже просто будет раздавлена, словно хрупкая яичная скорлупа. В глазах же девочки ей почудилась вспыхнувшая на мгновение искорка интереса. Девочка внимательно смотрела на Марину, словно ожидая, что же с ней произойдет дальше. Затем ребенок стал медленно укладывать куклу на спину. Механические глаза игрушки стали постепенно закрываться, и Марина ощутила один из тех приливов сонливости, которые так досаждали ей в последнее время.

— Я не хочу спать! — отчетливо произнесла Марина. — Я не игрушка! — Но организм упорно не желал прислушиваться к этому самовнушению и реагировал по-своему. Марина поняла, что еще чуть-чуть, и она уснет прямо здесь.

Девочка, кажется, только этого и ждала. Она сейчас напоминала ученого, проводившего какой-то любопытный опыт и с интересом ожидавшего, чем же все это закончится. Марина злилась на себя за собственное бессилие. Она изо всех сил сжала кулаки, больно впившись ногтями в собст-

венные ладони, чтобы хоть как-то победить сонливость. Но ничего не выходило. Глаза у куклы полностью сомкнулись, и Марина ощутила, как начинает опускаться на землю. Ее веки сделались такими тяжелыми, что ей удавалось удерживать лишь маленькую щелочку, через которую она как в тумане видела девочку с ее игрушкой.

Марина понимала, что ей нужно завладеть куклой любой ценой. Она готова была предложить за нее все, что угодно, но заранее знала, что отдать, обменять ее внука кукольника ни за что не согласится.

Назойливая осенняя муха, прилетевшая неведомо откуда, сначала сделала круг вокруг Марины, но потом вдруг заинтересовалась другим «аэродромом» и стала кружить рядом с ребенком, намереваясь по какой-то причине усестись ему на нос. Марине сейчас это жужжание казалось ревом реактивного двигателя, от которого раскаляется голова. Впрочем, ребенку звук тоже не понравился. Очевидно, такой же невозмутимостью, как дед, она пока что не обладала.

Наконец девочка одним быстрым, резким, точным движением молниеносно выбросила руку и поймала муху в свой кулачок. После этого она стала медленно его сжимать, прислушиваясь к жужжанию и еле заметно улыбаясь.

То, что она забыла хотя бы на время про свою куклу, дало Марине некоторую передышку. Кукла продолжала лежать с закрытыми глазами, но, как только девочка слегка отвлеклась, с сонливостью

бороться стало куда легче. И тут Марина поняла, что это ее единственный шанс, который может больше не представиться. Конечно, если бы еще несколько минут назад ей сказали, что она может отобрать игрушку у маленького ребенка, возмущению не было бы предела. Но теперь...

Глубоко вздохнув и собравшись с силами, Марина резко рванулась вперед, ухватила куклу за волосы и потянула на себя. Из глаз брызнули слезы, как будто за волосы дернули ее саму, но сейчас не время было обращать внимание на такие мелочи. Девочка осознала свою ошибку и среагировала мгновенно. Она тут же привела в действие свободную руку, ухватила куклу за ногу и потянула на себя. Марине в этот момент показалось, что ее сейчас разорвет пополам. Правую ногу словно сжало клещами. Марина и внучка кукольника встретились взглядами: в одном из них сквозил испуг, а в другой сквозь внешнюю невозмутимость просвечивала бешеная ярость. Трудно было ожидать такой силы от такого маленького ребенка, но тем не менее Марина, превосходившая ее размерами как минимум вдвое, не имела в этом поединке ни малейшего преимущества. А тут еще боль... К тому же вторая рука девочки, пока занятая попавшейся мухой, в дело еще не вступала. Очевидно, этот странный ребенок не желал упускать ни одну из жертв.

Неизвестно, чем бы это закончилось, но Марине повезло. Рука малышки соскользнула; она оказалась слишком маленькой, а кукла — чересчур

гладкой. И у ребенка осталась только игрушечная кукольная туфелька. Девочка мгновенно осознала свою ошибку. Она тут же освободила свою вторую руку, и муха, почувствовав свободу, взвилась в небо. Пальцы внучки мастера сжались в каких-то миллиметрах от куклы, но Марина успела. Она уже неслась во весь дух по улице к дому, крепко, но нежно прижимая к груди отобранную куклу, словно бесценное сокровище. Впервые за последнее время Марина ощутила себя здоровой и свободной.

Девочка не сделала никакой попытки преследовать обидчицу. То ли она понимала, что это бесполезно, то ли была слишком ошеломлена внезапной потерей своего безотказного оружия и бегством игрушки. Она только с ненавистью сверлила взглядом убегающую Марину.

В одиночестве, впрочем, она пробыла недолго. Кукольник, наверное, что-то почувствовал или услышал. А, возможно, и просто закончил работу. Как бы то ни было, он с непривычной быстротой поднялся из своей мастерской и вышел на порог. Девочке ничего не требовалось объяснять; старый мастер и так понял все без слов. Он наклонился к девочке и что-то прошептал ей на ухо. Та довольно кивнула, и по ее губам опять скользнуло какое-то подобие улыбки. Дедушка и внучка еще долго смотрели вслед убегающей Марине, покуда та не скрылась за поворотом. Если бы взгляды могли убивать, беглянка, наверняка, испепелилась бы на месте.

Но Марина, к счастью для себя и во благо собственному душевному равновесию, не оглядывалась и ничего этого не видела. Ноги сами несли ее к дому, а захваченная кукла казалась самой легкой и приятной ношей на свете...

* * *

Только дома, аккуратно усадив куклу на диван, Марина смогла ее как следует рассмотреть. А посмотреть, действительно, было на что. Мастер постарался на славу. Могло даже показаться, что это человек, только очень маленький, который только что присел отдохнуть, а чуть погодя встанет и пойдет дальше.

Марина так и не смогла определить материал, из которого кукольник сделал свое творение. По крайней мере, ни на резину, ни на пластмассу, ни на фарфор это не походило. Прикосновение к игрушке оставляло ощущение, что трогаешь что-то живое и очень приятное на ощупь. Кукольная «кожа» была очень бледной, но выглядела при этом очень красиво, можно сказать, аристократично. Наверное, так должна была выглядеть кожа у тех представительниц высшего света, которые в прошлые века никогда и никуда не выходили без перчаток. Но у Марины она вызывала другую ассоциацию: старый кукольник вместе со своей внучкой выглядели столько же бледно, и при этом оставались вполне живыми и реальными.

Руки и ноги куклы гнулись таким же образом, как человеческие конечности. Марина аккуратно убедилась в этом. Создавалось впечатление, что кукла не может сделать ничего такого, что не сделал бы человек, но и ничего большего. Скажем, согнуть руку в локте вперед было возможно, а назад она сгибаться ни в какую не желала. Более того, при этой попытке Марина сама почувствовала боль в локте, так что поспешила прекратить неуместный эксперимент и даже легонько погладила руку куклы, словно извиняясь перед игрушкой.

Одежда тоже сидела на игрушке так, словно платье было подогнано точно по ее фигуре хорошим портным. Не хватало только туфельки, потерянной в противостоянии, и Марина поспешила снять с кукольной ножки и вторую. Она вдруг представила, как сама неловко чувствовала бы себя с одной необутой ногой. Как Маша-растеряша из сказки: «на одной ноге башмак, а другая — просто так». Девочка, несмотря на любопытство, даже не решилась раздеть куклу: это было все равно что снять одежду с живого человека.

Лицо куклы, к непонятному Маринину облегчению, не имело ничего общего с ее лицом. Оно было красивое, живое, но все-таки другое. В нем чувствовалась какая-то отстраненная, холодная красота, надменные черты Снежной Королевы. Марина сидела перед диваном, на котором восседала кукла, на полу, и ей вдруг показалось, будто она находится перед тронем повелительницы. Ощущение было настолько неприятным, что де-

вочка даже поспешила вскочить на ноги и пододвинуть себе стул.

Взгляд куклы казался на удивление осмысленным, совсем не кукольным. Как и в случае с кукольной «кожей», материал, из которого были изготовлены глаза, оставался загадкой. Они смотрели на девочку холодно и проницательно, дополняя образ Андерсеновской королевы. Что любопытно: куда бы Марина ни перемещалась, ей казалось, что глаза игрушки пристально смотрят на нее, оставаясь при этом неподвижными. Так бывает с некоторыми фотографиями, о чем Марина прекрасно знала, но чтобы так смотрела кукла — это выглядело абсолютно невероятным.

И как же странно было видеть на этом создании мастера свои собственные волосы! Марина не могла не признать, что смотрелись они на кукле очень органично; очевидно, кукольник специально подбирал для них определенный тип лица (или же волосы для него), но девочке ото всего этого было очень неприятно. Марина даже подошла к зеркалу и долго всматривалась в собственное отражение. В конце концов, ей даже стало казаться, что волосы на кукле смотрятся лучше, чем на ней самой. Да и черты лица у той были более правильные... Ну нет! Она не желает быть такой красивой, но безжизненной! Марина с некоторой досадой отошла от зеркала. И ей показалось, будто кукла смотрит на нее с насмешкой.

Девочка так увлеклась разглядыванием куклы, что на некоторое время даже забыла о своих про-

блемах. Тем временем за окном вечерело, и вот-вот должны были прийти с работы родители. А объяснять им, откуда взялась эта кукла, ей совсем не хотелось. Игрушка была не из тех, которую можно просто бросить в шкаф и забыть о ней. Такое обращение показалось бы едва ли не кощунством. К тому же девочка понимала, что с этой куклой надо обращаться как можно бережнее. Она не знала, какая связь между ней и этим творением кукольного мастера, но было совершенно ясно, что какая-то таинственная связь существует. Марина опасалась, что если с куклой что-то случится или, тем паче, она вновь попадет в чужие руки, ей и самой может не поздоровиться. Поэтому девочка бережно поставила куклу в шкаф и прикрыла своей одеждой. Так можно было оставаться спокойной, что игрушка сохранится в целости и сохранности и скорее всего никому не попадется на глаза.

Марина только сейчас сообразила, что за весь тот период, пока кукла находится у нее, с ней не приключилось ничего необычного: ни боли, ни сонливости, ни каких-либо гадких ощущений во рту... Она никогда не подумала бы, что для счастья ей нужно так мало! А сейчас девочка действительно была на седьмом небе.

Родители просто поразились перемене, произошедшей с дочерью. Такой веселой и радостной она не была уже давно, с самого момента, когда кукольник сделал ей свое предложение. А уж с каким удовольствием девочка поужинала! Она не

ожидала, что обычная еда может доставлять такую радость. Марина ела не торопясь, смакуя каждый кусочек и каждый глоток, будучи при этом абсолютно уверенной, что никаких плохих последствий это иметь не будет.

* * *

Сны в эту ночь не пугали. Начало, конечно, было страшноватым. Она оказалась в том же подвале. Но теперь она была совершенно свободна в своих движениях. Девочка осмотрела полутемное помещение, с некоторым трепетом подходя к темнеющим силуэтам. Но волновалась она совершенно зря. Это были всего лишь куклы. Прекрасные, мастерски сделанные куклы, вроде той, обладательницей которой она недавно стала, но совершенно не пугающие. Они даже показались ей какими-то грустными и несчастными. Девочке даже захотелось пожалеть их и вывести из этого темного подвала.

А потом Марина нащупала дверь. Она была закрыта, но ключ торчал тут же, в замочной скважине. Один поворот, и в комнату ворвались потоки света. Девочка не стала здесь задерживаться; она слишком истосковалась во тьме, поэтому поспешила выйти наружу... Уже утром Марина, вспоминая свое «сонное» поведение, сожалела, что она не подождала, когда шаги раздадутся вновь, чтобы посмотреть, кто это ходил наверху и мог управлять ею. И еще, конечно, жалко было оставлять кукол в этом мрачном месте. Но девочка была не

уверена, что, случись такое даже наяву, она смогла бы перебороть себя и задержаться хотя бы на минуту. Главное, что она свободна!!!

Глава IX

Новые страхи

Утром, когда семья только-только закончила завтракать, в дверь кто-то позвонил, и Маринины страхи вдруг вернулись. Девочка резко побледнела и даже вновь присела на стул, чтобы не упасть. Она вдруг представила, что это пришел кукольник. Пришел за тем, что принадлежит ему по закону. А, может, он вообще милицию вызвал и обвинил ее в воровстве. Поэтому для девочки колоссальным облегчением было услышать голос соседки, пришедшей к маме по каким-то своим делам.

Тем не менее этот случай заставил девочку крепко задуматься. Конечно, кукла была у нее, но... Только сейчас Марина полностью осознала, что совершила с точки зрения закона обыкновенное воровство. Да и с любой другой точки зрения тоже. Взяла и отняла у ребенка игрушку! На которую не имела ни малейшего права. Подумаешь, ее волосы использовали! Ведь она их, в конце концов, сама отдала! Марина даже покраской стыда, представив, что кто-нибудь об этом узнает! Ну, какой нормальный человек поверит, что кукла для нее так важна и что именно

из-за куклы с ней происходили все последние неприятности!

Марина пыталась представить, что будет, если кукольник обвинит ее в краже. И ничего не могла придумать. Но девочка твердо знала, что куклу не отдаст ни при каких обстоятельствах. Правда, она при этом старалась не думать, что случится, если игрушку попытаются у нее отнять. Хотя бы те же родители, узнавшие о ее проступке.

Была и другая проблема: что же теперь с этой куклой делать? Неужели так и хранить всю жизнь, словно Кощей иглу, в которой заключена его смерть?! И всю жизнь дрожать, что кто-нибудь украдет эту куклу или просто случайно повредит? Такой поворот событий Марину никак не устраивал.

Оставшись дома одна, девочка достала куклу и еще раз внимательно ее осмотрела. Марине вдруг захотелось, чтобы этой игрушки никогда не существовало. У нее в голове промелькнула мысль: а что, если уничтожить куклу, уничтожить причину своих несчастий? Конечно, она еще не придумала как, но уж как-нибудь получится! Но... Что, если они действительно связаны с игрушкой неразрывно? Что, если она погибнет вместе с ней? От этих мыслей становилось как-то совсем нехорошо.

Марина была практически уверена, что все дело в волосах. Если бы не они, то кукла не имела бы над ней никакой власти. Что, если просто остричь волосы? Или как-нибудь выковырнуть их из кукольной головы? Но на это девочка никак пойти не могла. Во-первых, она не была уверена, что

это никак не повредит ей самой. Остаться лысой ей вовсе не хотелось. И, во-вторых, кукла выглядела такой живой, что причинить ей какой-либо вред казалось едва ли не преступлением.

* * *

Как бы то ни было, никаких непонятных приступов с Мариной больше не случалось. И она сама, и родители очень радовались этому факту, а врач только разводил руками. Он был достаточно честен и самокритичен, чтобы не приписывать успех лечения себе, и этот случай казался ему необъяснимым. Врач только попросил родителей внимательно следить за состоянием девочки, приходить пару раз в месяц на осмотр и на всякий случай пока придерживаться прошлых рекомендаций и избегать стрессов.

Непонятно откуда взявшиеся художественные способности столь же внезапно исчезли. Но Марина об этом, в общем-то, и не жалела. Что хорошего в том, чтобы рисовать то, что никогда не видела и не понимаешь! Уж лучше она будет немножку заниматься рисованием сама. Пусть получается не так хорошо, зато она уверена, что это именно ее рисунки, ее картины.

Марина никогда бы раньше не подумала, что может с такой радостью пойти в школу! Такого с ней не случалось даже после долгих каникул. Теперь же девочка понимала: как это здорово — почувствовать себя такой, как все! Пусть для этого и

надо рано вставать и выполнять скучные задания! Родители хотели, чтобы она еще посидела дома, но удержать Марину не смогли. Ведь ей так не терпелось вернуться к нормальной жизни!

Разумеется, в школу Марина отправилась дальним путем, даже рискуя опоздать. Девочка понимала, что пока кукольник остается в городе, она ни за что не отважится пройти мимо его мастерской. Это, конечно, несколько портило ее настроение, но казалось такой мелочью по сравнению с тем, что было раньше!

Один из Марининых одноклассников был в этот день героем дня. Их дачу недавно ограбили, и он, не устая, пересказывал эту историю каждому желающему во всех подробностях. Марина, не любившая рассказов о всяких криминальных происшествиях, слушала вполуха, скорее из вежливости. И тут ее пронзила до крайности неприятная, пугающая мысль. Она внезапно представила себе, как в их дом пробирается грабитель. Он рыщет по всей квартире, собирает все ценные вещи, заглядывает на всякий случай в шкаф... Почему бы не захватить и эту куклу?! Она, должно быть, стоит недешево...

Марина уверяла себя, что такие фантазии — глупость, полный бред. Ведь не грабили же их все эти годы! Да и что делать вору в их доме?! Сразу видно, что квартира небогатая. Но сердце ее продолжало бешено колотиться, и она сидела как на иголках. Она даже едва не сбежала с последнего урока, и только большим усилием воли заставила себя честно досидеть до конца.

Домой Марина почти что бежала. Она досадовала на то, что короткий путь теперь для нее закрыт. Когда девочка, запыхавшись, вбежала в квартиру, она первым делом кинулась к шкафу и проверила, на месте ли кукла. Ну, конечно, все было в порядке. Никакие грабители и не думали забираться к ним в дом. Марина ругала себя за глупую мнительность, но в то же время понимала, что теперь ей не будет покоя.

— Какая-то у нас дверь хлипкая, — сказала она вечером, как бы между прочим.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла мама.

— Да, сломать ее ничего не стоит, — пояснила Марина.

— А зачем ее ломать?

— Ну, грабители там всякие... — Марина почувствовала, что краснеет. Ведь она говорила явные глупости.

— Меньше надо детективы читать и криминал смотреть! — рассмеялся папа. — Ну, что грабителям надо в нашем доме? Они и побогаче квартиру найдут. И потом: если очень захотеть, то любой замок вскрыть можно.

— Железная дверь их только привлечет, — добавила мама. — Значит, в доме есть что брать.

Таким образом, вопрос был закрыт. Марину эти рассуждения, по правде говоря, не слишком успокоили. Но — делать нечего. Она даже подумывала о том, чтобы арендовать сейф в каком-нибудь банке и поместить куклу туда (деньги еще ос-

тавались). Но это было бы совсем уж глупо. Так что девочка решила пока оставить все, как есть.

Но гораздо больше, чем грабителей, она опасалась кукольника. Конечно, судя по всему, в милицию он не заявлял, да и приходить к ним в дом и требовать свою собственность тоже вроде бы не собирался. Но что, если он сам захочет забраться к ним в квартиру? Конечно, она плохо представляла себе, как он лезет в окно или ломает дверь (его вообще трудно было представить в любом другом месте, кроме кукольной мастерской), но мало ли что...

Ночью Марина несколько раз просыпалась, на цыпочках подходила к окну и осторожно выглядывала из-за шторы. Ей все чудилось, будто в окно кто-то скребется. Девочка представляла себе, что сейчас увидит в окне бледную физиономию кукольника, которая при свете луны должна была бы выглядеть еще безжизненней. Наверное, случись такое, она бы просто умерла от страха. Но улица оставалась тихой и пустынной, как и положено ночью. И Марина вновь ложилась в постель, чтобы через некоторое время опять вскочить в тревоге.

* * *

«Ух ты!», «Вот это да!». Эти и подобные Катинины реплики сопровождали Маринин рассказ уже в течение получаса. За это время Марина успела поведать в общих чертах обо всем, что с ней произошло за последнее время, а Катя — выслушать

все это, попереживать, посочувствовать, выпить несколько чашек чая и съесть колоссальное количество печенья. Вообще-то она следила за тем, чтобы не переесть, но, слушая такую историю, забыла обо всем на свете.

Марина больше не могла держать то, что произошло, в себе. И, естественно, в слушательницы она выбрала Катю. Ведь не зря же они дружили с детского сада! Да и к тому же Катя и без того знала больше других.

— Вот я и не знаю, что же теперь делать с этой куклой! — закончила Марина свой рассказ. Виновница ее страхов сидела тут же, на диване, словно третий участник беседы и молчаливо внимала происходящему.

— Уничтожать куклу нельзя, это ясно! — заявила Катя, дожевывая печенье и с сожалением глядя на опустевшую вазочку. — А вот волосы удалить можно попробовать.

— Нет уж, спасибо! — Марину такое решение совершенно не устраивало. — Еще не хватает самой облысеть!

— Это, конечно, риск! — согласилась Катя. — Может, снять сейф в каком-нибудь банке? Там надежнее будет.

— Никаких денег не хватит, — уныло ответила Марина. — Я уже думала о этом. Да и потом: надо, чтобы кто-нибудь из взрослых это сделал, а я родителям не смогу объяснить, зачем все это.

— Представляю себе грабителя! — вдруг приснула Катя. — Забирается он в банк, вскрывает

сейф, а там не деньги, не бриллианты, а просто кукла!

Марина невольно улыбнулась, представив себе разочарование преступника. Но, вообразив себе, что может тот сделать с добычей в ярости от неудачи, тяжело вздохнула.

— Хорошо, что он мои волосы тогда не взял, — эгоистично заметила Катя.

— Если бы ты меня тогда не уговаривала! — воскликнула Марина.

— Глупо было отказываться! Кто ж знал! — не смущаясь, ответила Катя. — Я бы так вообще согласилась, не задумываясь! Послушай: а больше печенья нет? А то у меня что-то аппетит разыгрался!

Пока Марина ходила на кухню, Катя внимательно вглядывалась в куклу. Истории, рассказанной подругой, она, несмотря на всю ее фантастичность, почему-то поверила безоговорочно. Но теперь в ее голову стали закрадываться сомнения. Вдруг у Марины просто нервное расстройство? Вот она и приписала кукле бог знает что! Да и девочка, которую никто, кроме нее, не видел, тоже казалась сомнительным персонажем.

— А давай попробуем выдернуть у куклы один волосок, и посмотрим, что будет! — предложила она, как только Марина вернулась с новым угощением.

Марина нехотя согласилась. Теперь ей и самой казалось, что куклу надо было бы изучить как следует. Может, все окажется и не так страшно, как представлялось? Катя подошла к кукле и осторож-

но взялась за один из волосков. Почему-то она никак не решалась дернуть за него как следует, как если бы она собиралась выдернуть волос у мало знакомого человека.

— Ну, что ты тянешь кота за хвост?! — не выдержала Марина.

Катя, наконец, дернула за волос, и Марина вскрикнула от боли.

— Как будто у меня выдернула! — грустно сказала она.

— Да уж! — Катя рассматривала волос, оказавшийся у нее в руках. — Тут действительно колдовство какое-то! Выходит, надо ее беречь...

— А что, если... — Марина сама испугалась своей мысли, но все же закончила ее: — Что, если попробовать сходить к кукольнику и попросить все исправить?

— Ты что? Совсем дура? — воскликнула Катя. — Украла куклу у его внучки и теперь сама же хочешь к нему идти? Тут он тебя и сцапает!

— А если отдать ему его деньги? — предложила Марина. — Я только мобильник купила. Продать его, и получится почти столько же. Ну а остальное я соберу...

— Не согласится! — отрезала Катя. — Ты что, думаешь, ему эти деньги нужны?

— А вдруг? Не садист же он, в конце концов!

— Я уже все потратила! — заявила Катя. — И ничего возвращать ему не собираюсь! И вообще: мы договаривались, что он просто куклу сделает. Раз он такую гадость тебе сделал, то ничего

ему возвращать не нужно! — Мысль о том, что придется расстаться с заработанным, совсем ее не вдохновляла. — Может, вообще ему пригрозить, что мы в милицию пойдем?

— В милицию! — Марина невесело рассмеялась. — Да он туда сам пойти может! Да и что милиция у него может найти! А если мы расскажем, что он с помощью куклы на меня воздействовал, так вообще в психушку отправят! Я и так уже, можно сказать, на учете из-за своих припадков!

— А все-таки хорошо бы его проверили! — не отказывалась от своей идеи Катя. — Не обязательно милиция. Ну, там пожарная инспекция какая-нибудь. Или налоговая...

— Сначала надо по-хорошему попробовать, — возразила Марина. — Да и потом: проверят его, а что дальше? Кроме кукол, все равно не найдут ничего!

* * *

На следующий день Катя все-таки решила пройти мимо кукольной мастерской. Марина пыталась себя заставить пойти вместе с подругой, но пересилить себя не смогла. Вместо этого она взяла папин бинокль, и, выбрав удобную наблюдательную позицию на одном из пригорков, которыми был так богат их город, приготовилась наблюдать за происходящим. Так и Кате было спокойнее. По крайней мере, если что, Марина на помощь сможет позвать.

Катя шла медленно и, на всякий случай, по противоположной стороне улицы. Кукольник, не-

смотря на первые заморозки, по-прежнему сидел возле своей мастерской, не думая хоть как-то утеплиться. На Катю он не обратил ни малейшего внимания; вернее, проводил ее взглядом так же равнодушно, как и других прохожих.

— Здравствуйте! — решила окликнуть его Катя, находясь, однако, на почтительном расстоянии.

Кукольник едва заметно кивнул в ответ. Катя была даже не совсем уверена: сделал он какое-то движение головой или ей просто показалось. Ситуация была очень неловкой. То ли попытаться продолжить разговор с этим истуканом, который обращает на нее не больше внимания, чем на какую-нибудь птичку, то ли гордо пройти мимо. План возможной беседы она так и не составила и, хотя обычно не лезла за словом в карман, не знала, как начать разговор.

Марина, прильнув к биноклю, вглядывалась в лицо мастера, но не могла прочесть на нем ни единой эмоции, ничего, что могло бы подсказать, что тот думает, чувствует. Да с тем же успехом можно было вглядываться в лицо куклы! Маленькой девочки нигде поблизости видно не было.

— Вам не холодно в такую погоду? — спросила, наконец, Катя. Перейти сразу к делу она не решилась.

Кукольник, не мигая, смотрел на нее, и девочка понимала, насколько глупо себя ведет. Сейчас она была уверена, что этот человек видит ее насквозь и знает все, что она хочет сказать. Ответа

на этот вопрос не последовало. Катя уже двинулась дальше, когда услышала бесстрастный голос.

— Тебе ничего не грозит. — Катя обернулась, но тонкие губы мастера уже опять застыли в прежнем положении.

— А Марине? — Девочка почувствовала огромное облегчение. Почему-то заверениям кукольника она верила безоговорочно. Но теперь она стала гораздо сильнее беспокоиться за подругу. Ей показалось, что кукольник особо подчеркнул слово «тебе».

Вместо ответа кукольный мастер медленно повернул голову и посмотрел в ту сторону, где стояла Марина. С такого расстояния разглядеть что-либо без бинокля или подзорной трубы было совершенно невозможно, но он, казалось, все прекрасно видел.

Он посмотрел точно в то место, где стояла со своим биноклем Марина. Девочка задрожала и, не выдержав этого немигающего взора, выронила из рук бинокль. Хорошо еще, что его ремешок был надет на шею, иначе потом пришлось бы долго объясняться с папой, как она умудрилась уронить этот предмет прямо на камни!

Во взгляде кукольника не было никакой угрозы, никакого гнева. Но это-то и было страшнее всего. Это был взгляд абсолютно безжалостного существа (не человека, ибо человеческого в нем, по сути, ничего и не было). Существа, совершенно спокойного и уверенного в себе. Взгляд охотника, который знает, что добыча никуда от него не денется.

Наверное, так удав Каа смотрел на бандерлогов, заставляя их самих идти к нему в пасть.

Теперь Марина была совершенно уверена, что мастер знает о ней все и полностью контролирует ситуацию. Также она знала, что просить его о чем-либо, с деньгами или без, совершенно бесполезно. Он следует какому-то своему, одному ему ведомому плану, и она каким-то образом в этот план вписывается.

Марина дала себе слово никогда больше не приближаться к мастерской. Она просто боялась, что еще раз не выдержит такого взгляда, даже если кукольник ничего и не будет предпринимать. Катя же несколько успокоилась. По крайней мере, мастер больше не пугал ее. Жаль, конечно, что Марине она помочь ничем не может. Но та, в конце концов, сама виновата: нечего было волосы кому попало продавать!

* * *

Прошло еще несколько дней. Марина по-прежнему переживала за сохранность куклы, но до сих пор никаких мер для того, чтобы ее украсть, никто не принимал. Катя советовала подруге успокоиться. Ведь этот кукольник не бандит какой-нибудь! Он, наверное, про куклу уже и думать забыл!

Но с этим Марина согласиться ни в коем случае не могла. Она до сих пор с содроганием вспоминала немигающий взгляд, увиденный ею в

бинокль, и знала, что этот человек так просто от нее не отстанет.

Тревожила ее и еще одна мысль. А что, если кукольный мастер надумает купить волосы у кого-нибудь еще? Ясно, что помешать ему она никак не сможет. А как предупредить людей об опасности? Попасть в ту ситуацию, в которой недавно оказалась она сама, Марина не пожелала бы даже самому неприятному человеку. Но не кричать же об этом на каждом углу! И объявления в газету тоже не дашь! Что там можно написать: «Не ходите к кукольнику, он колдун»? Бред какой-то!

Глава X

Новая знакомая

С Вероникой Марина познакомилась случайно. Вернее сказать, это Вероника познакомилась с ней. Это произошло в субботу. Выходные Марина теперь особенно любила. Ведь в эти дни, как правило, родители или хотя бы кто-то один из них был дома. А, значит, можно было погулять относительно спокойно, не опасаясь, что в квартиру кто-то проникнет. Конечно, мама могла заняться уборкой и найти припрятанную куклу, но Марина в своей комнате убирала сама, а, значит, вероятность случайной находки была невелика. К тому же в крайнем случае девочка могла бы что-нибудь придумать; например, что мастер сам пода-

рил ей куклу. Ведь не станет же мама причинять вред такой замечательной игрушке.

В этот день Марина решила немного погулять по городскому парку. Она стояла на смотровой площадке, смотрела на реку и думала, что скоро придет зима, всю реку скует льдом. Надо бы попробовать это зарисовать... Интересно, и тогда кукольник будет сидеть перед своей мастерской? Девочка даже рассердилась на себя за то, что позволила этому человеку опять вторгнуться в свои мысли. Неужели, он всю жизнь будет теперь отравлять ее существование?!

— Извините... — раздался за ее спиной робкий голос. — Вы мне не поможете? Я в вашем городе в первый раз и немного заблудилась...

Марина обернулась. Она не привыкла, чтобы ее называли на «вы», и это немного ее смутило. Оказалось, что голос принадлежал девочке, на вид ее ровеснице. Первым, что бросалось в глаза при взгляде на нее, были густые, длинные черные волосы. Марина сразу подумала, что они, похоже, не хуже ее собственных. Ей даже показалось, что где-то она их уже видела. Правда, лицо при этом почему-то никак не могла вспомнить. Незнакомая девочка выглядела почему-то очень грустной. А когда Марина посмотрела ей в глаза, то заметила в них испуг. Девочка чем-то напоминала грациозное животное, лань или косулю, которую преследуют охотники.

— Помогу, конечно. Если смогу, — ответила Марина. — Вы... Ты заблудилась? — Она даже не

знала, какое из местоимений нужно употребить. Конечно, когда к тебе обращаются на «вы», тыкать как-то неудобно. Но, с другой стороны, не старушки же они какие-нибудь, чтобы общаться так официально! — Давай лучше на «ты»! Меня, кстати, Марина зовут.

— А меня Вероника. — Девочка почему-то очень обрадовалась этому предложению. Она словно боялась, что Марина ее прогонит, а теперь испытывала большое облегчение.

— Очень красивое имя, — похвалила Марина. Она решила, что эту испуганную девочку надо как-то подбодрить. К тому же имя ей действительно нравилось.

— Спасибо. — Вероника даже покраснела. — Вы... Ты понимаешь, мне нужно найти в вашем городе одно место... Одного человека. Я вообще-то из соседнего города. Наверное, я села на вокзале не на тот автобус и слегка заблудилась. И вот решила пока погулять по парку, посмотреть на город отсюда. Может, тогда я пойму, куда идти...

Ее рассказ казался очень странным. Вот так, одной, приехать в незнакомый город, и вместо того чтобы спросить дорогу на вокзале, сесть в какой-то автобус и поехать неизвестно куда. С другой стороны, Марина знала, что есть люди, которые стесняются спрашивать что-то у незнакомых. Например, ее двоюродный брат, Саша, ходил всегда с картой и, вместо того чтобы спросить дорогу у прохожих, мог полчаса разбираться в

ней и плутать по переулкам. Судя по робкому голосу и испуганному взгляду, Вероника была из той же категории. Наверное, она долго вглядывалась в людей, выбирая, к кому можно обратиться, пока не выбрала свою ровесницу.

— А куда тебе надо? На какую улицу? — поинтересовалась Марина. И неожиданно для себя добавила: — Мне сейчас все равно делать нечего, так что могу проводить, если это не очень далеко.

— Вы... Ты понимаешь, адреса я как раз не знаю, — смущенно ответила Вероника.

— Ты что же это, приехала в чужой город, и даже не представляешь, куда хочешь попасть? — Марина была удивлена, и в ее голову стало закрадываться недоверие. Уж очень странно выглядела девочка, как и все то, что она говорила. Может, она вообще откуда-то сбежала? Из той же больницы, например?

— Куда мне надо, я как раз знаю, — пояснила Вероника. — Я только адрес не знаю. Мне говорили, что это место, этого человека найти легко. Только вот у меня никак не получается...

— Так кто же тебе нужен? — Марине надоело это хождение вокруг да около. — Как зовут этого человека? Как его фамилия?

— Имени и фамилии я тоже не знаю, — совсем смутилась Вероника. В этот момент Марина уже решила, что имеет дело с чокнутой, которую если и надо куда-то проводить, то только до ближайшей больницы.

— Я знаю только, что у него есть мастерская. — Создавалось такое впечатление, что слова давались Веронике с трудом и она их выдавливала из себя как будто против воли.

— И что же это за мастерская? Автомобильная? Обувная? — Марина решила не бросать разговор. Что-то подсказывало ей, что новой знакомой действительно очень важно эту самую мастерскую отыскать.

— Кукольная! — выдохнула Вероника и почему-то опустила глаза.

— Кукольная? — эхом повторила Марина и почувствовала, что ей становится нехорошо. Очень захотелось куда-нибудь присесть, но, за неимением скамеек поблизости, пришлось облокотиться на перила. Насколько она знала, кукольная мастерская была в городе всего одна. И эту мастерскую она очень хорошо знала. Гораздо лучше, чем хотелось бы. — А зачем тебе она? — Конечно, расспрашивать незнакомого человека было как-то невежливо. Следовало бы просто показать дорогу. Но этот случай был особый...

— Понимаете... Понимаешь, мне сделали одно предложение. Очень хорошее и очень странное... — Информацию из Вероники приходилось буквально вытягивать, словно следователю у преступника.

— Понятно. Продать волосы? — в лоб спросила Марина. Теперь все становилось на свои места. Кукольник каким-то образом предложил Веронике то же, что и ей. Вот она и смущается, не

знает, что делать. Марина вспомнила себя некоторое время назад. Возможно, если бы ей пришлось ехать для этого в другой город, она вела бы себя точно так же. Ведь эту девочку никто не сопровождает, а у нее хотя бы была Катя.

Вероника робко кивнула. А потом удивленно спросила:

— А вы... Ты откуда знаешь?

— Знаю, — туманно ответила Марина и почувствовала, как сильно колотится ее сердце. Она знала, что обязательно должна спасти Веронику и ни в коем случае не допустить, чтобы та стала такой же жертвой, как она сама. Вот только как это сделать? Если она расскажет все, как есть, то Вероника, конечно, примет ее за сумасшедшую. А что она еще может подумать? Ведь если бы самой Марине еще недавно рассказали что-то подобное, она бы только pokrutila пальцем у виска.

Надо было что-то решать. Конечно, можно было наврать, что она не знает кукольника, дать неверный адрес. Но Вероника все равно найдет этого человека, если захочет. А что, если сказать, что он уже уехал? Нет, такая ложь тоже не спасет. Ведь получила же Вероника каким-то образом свое предложение! Значит, тот, кто его передал, может помочь ей найти кукольную лавку. Что же делать?

— Знаешь, я скажу тебе, где это. Даже покажу... Издалека, — медленно, отчетливо проговорила Марина. — Только я тебя очень прошу: ни в коем случае не соглашайся ни на какие его предложения!

— Но почему? — задала резонный вопрос Вероника.

— Мне тоже это предлагали, — ответила Марина. — И я... И мне... В общем, все очень не понравилось!

— Мне тоже все это не очень нравится, — неожиданно согласилась Вероника. — Даже не знаю, решусь ли я... Только... Мне очень нужны деньги, — добавила она почти шепотом. — А он что, обманывает? — спросила она после небольшой паузы.

— Не обманывает, — ответила Марина. И тут же с досады прикусила язык. Ведь если бы она сказала, что кукольник ничего не заплатит, то, может быть, Вероника уехала бы спокойно в свой город. — Только... Только не будет от этого ничего хорошего! Не стоит это никаких денег! — добавила она неожиданно страстно.

— Я все же хочу посмотреть... Поговорить с ним, — возразила Вероника, немного подумав.

— Что ж, пойдем! — вздохнула Марина. Она была благодарна Веронике за то, что та не стала выспрашивать подробности. В этом случае Марина просто не знала бы, что ей отвечать. А теперь... Теперь была надежда на то, что робкая Вероника испугается одного вида кукольного мастера, как это сделал бы любой нормальный человек, и передумает.

Некоторое время девочки шли молча. Вероника, похоже, вообще была не слишком разговорчива, да к тому же еще и здорово волновалась. Что касается Марины, то она прокручивала в голове

различные аргументы, с помощью которых могла бы переубедить новую знакомую, спасти ее.

— А как ты вообще узнала про этого кукольника? — нарушила, наконец, молчание Марина.

— Один человек, мой знакомый... В общем, неважно кто... Он рассказал мне об этом замечательном мастере. Тот где-то видел мою фотографию, ему очень понравились волосы, и он захотел сделать куклу с моими волосами. Я, кстати, видела фотографии его работ. Куклы действительно очень красивые!

— Это уж точно! — сквозь зубы процедила Марина. — Сама увидишь! — А мысленно она добавила, что знакомых, которые выступают посредниками при таких предложениях, надо как минимум изолировать от общества.

— Кстати! — Вероника остановилась и внимательно посмотрела на Марину. — Мне кажется, что на одном снимке я видела куклу с твоими волосами!

— Очень может быть! — ответила Марина. — Я знаю, что такая кукла есть...

— Вот она! — Вероника залезла в сумочку и вытащила оттуда снимок, на который Марина предпочла бы не смотреть. На нем действительно была ее кукла! В этот момент девочка даже почувствовала нарастающее волнение: а вдруг снимок сделан недавно, вдруг кто-то все-таки проник к ней в дом? Но тут же отогнала эти глупые мысли.

— Да, это она, — только и сказала Марина, стараясь, чтобы голос у нее при этом не задрожал.

— То-то я сразу подумала, что где-то видела твои волосы! — обрадовалась Вероника. — Смотрю: волосы знакомые, а лицо никак узнать не могу! Наверное, поэтому я к тебе и подошла, что что-то знакомое заметила! По-моему, кукла вышла очень хорошо!

— Куда уж лучше! — Марину такое оживление собеседницы только разозлило. На эту тему она вообще предпочла бы не говорить. Но она прекрасно понимала, что Вероника тут совершенно ни при чем! Это кукольный мастер во всем виноват... А пока что она должна предпринять все возможное, чтобы он не сделал столь же хорошую куклу с волосами ее новой знакомой.

Подходя к знакомой улочке, от которой она уже успела отвыкнуть, Марина испытывала смешанные чувства. С одной стороны, ей хотелось пройти по ней, как раньше, когда там нечего было бояться. А, с другой, с каждым шагом в ней нарастал страх, какое-то внутреннее давление. Марина вспоминала, как в последний раз бежала здесь, прижимая куклу к груди, и понимала, что не приблизится к мастерской ни за какие коврижки.

— Вот эта мастерская! — Марина указала рукой направление и остановилась. Остановилась и Вероника. Очевидно, она надеялась, что новая знакомая пойдет вместе с ней, и теперь, увидев, что идти придется одной, совсем заробела.

— Вот это здание? — переспросила Вероника. Скорее всего, она надеялась увидеть что-то более презентабельное.

— Оно самое, — ответила Марина. Девочка втайне надеялась, что кукольная мастерская закрыта, а мастер занят работой, но ее надежды не оправдались. Дверь была распахнута, а рядом вырисовывался знакомый силуэт кукольника. Возле витрины, как обычно, толпились несколько человек, и Марина с болью подумала о них как о потенциальных жертвах.

— Ну, тогда я пойду, — нерешительно сказала Вероника, тем не менее оставаясь пока на месте. Вид у нее сделался совсем испуганный.

— Слушай меня внимательно! — Марина даже взяла ее за плечи и повернула к себе. — Ни в коем случае не соглашайся состричь прядь сразу! Пока просто подойди, посмотри, послушай, что он тебе скажет. И сразу возвращайся! Хорошо?

Вероника нервно кивнула и медленно двинулась вперед. Она шла, все замедляя шаг, и последние метры до мастерской вообще еле двигалась, готовая, очевидно, при первой же возможности рвануть назад. Марина наблюдала за ней издалека, досадуя, что при ней на этот раз нет бинокля. Девочка почему-то была уверена, что мастер прекрасно знает о ее присутствии неподалеку, и с удовольствием как можно скорее убежала бы подальше от этого места, но бросить Веронику одну она не могла.

Та между тем встала рядом с кукольником. Марина с такого расстояния не могла услышать, заговорила Вероника сама или ожидает, пока разговор начнет мастер. Это продолжалось всего несколько

секунд. А потом Вероника резко развернулась и быстро пошла назад. Она почти бежала. Марина испытала огромное облегчение. По крайней мере, на сегодня ее новая подруга будет в безопасности.

Вероника была очень расстроена. Она сильно побледнела, и ее лицо сейчас было не намного румянее, чем физиономия кукольного мастера. Девочка выглядела очень испуганной и, казалось, чуть не плакала.

— Пойдем скорее отсюда! — попросила она Марину. И ту, разумеется, не пришлось долго уговаривать. Девочки шли, не оборачиваясь, спиной чувствуя преследующий их тяжелый взгляд.

— Чтобы я еще когда-нибудь к нему приблизилась!.. — Вероника даже вздрогнула, когда говорила эти слова. — Я думала, тут нормальный человек. Но такое... Такое... Он больше похож на чудовище какое-то! Наверное, теперь в кошмарах сниться будет!

— А что я тебе говорила! — воскликнула Марина, припоминая собственные кошмары. Она надеялась, что впечатлительная Вероника действительно не захочет больше сюда возвращаться.

— Ты прямо героиня, если решилась! — тем временем продолжала Вероника. — И как тебе было не страшно!

— Страшно! — призналась Марина. — Одна бы я ни за что не согласилась. Но вот уговорили... — Она тяжело вздохнула, вспомнив, как подталкивала ее Катя.

— Он сидит как истукан! — продолжала делиться впечатлениями Вероника. — И смотрит не мигая! Нормальный человек не может так смотреть!

— Он тебе что-нибудь сказал? — Марине было любопытно: ведет ли так себя кукольник со всеми или же как-то варьирует свои слова и действия.

— Сказал. Сказал, что ему нужна только одна прядь и предложил мне деньги. Столько, сколько мне рассказывали. — И она назвала сумму. Это было ровно столько же, сколько мастер сулил (и дал) Марине.

— Ни за что не соглашайся!

— Но ты-то согласилась... — задумчиво произнесла Вероника. — Интересно, сколько же стоит кукла, если он столько дает за одни волосы. Вот никогда бы не подумала, что быть кукольным мастером так выгодно! А по нему и не скажешь! Сидит едва ли не в лохмотьях!

— Я сделала глупость! И хватит об этом! — Разговор стал Марине очень неприятен.

— Я, конечно, еще подумаю, — произнесла Вероника, словно говоря сама с собой.

— И думать тут нечего! — Марина не знала, как убедить эту девочку, свалившуюся как снег на голову. Эх, если бы она могла рассказать все! — Езжай скорее домой и забудь об этом!

— Наверное, ты права, — вздохнула Вероника. — Не смогу я к нему больше подойти. — Она посмотрела на часы. — Ой! Проводи меня скорее до вокзала! А то электричка уйдет!

Уже на вокзале, когда Вероника вошла в вагон, Марина дала ей последние наставления.

— Ни в коем случае не соглашайся отдавать волосы, — говорила она. — А если будешь сомневаться или опять приедешь к нам в город, сразу звони мне! — И она, записав номера домашнего и мобильного телефонов, протянула бумажку Веронике.

Поезд тронулся и, помахав рукой, Вероника принялась задумчиво смотреть в окно. Казалось, что она наблюдает за убегающим вдаль пейзажем, но на самом деле перед глазами у нее стоял кукольник, а в ушах звучали те слова, которые он ей сказал...

Марина тоже долго смотрела вслед уходящему поезду, и ее мысли тоже витали далеко. Она представляла себе: сколько зла еще сможет совершить кукольный мастер, если его никто не остановит. Не всем же повезет, как Веронике, встретить ее или еще кого-то, знающего, насколько это опасно.

Глава XI

Похищение

Целая неделя прошла относительно спокойно. Марина уже стала привыкать к своему положению. Конечно, беспокойство оставалось, но оно уже слегка притупилось. Девочка думала, что раз уж кукольник не попробовал вернуть свою игрушку сразу, значит, он смирился с поражением. Правда, когда она вспоминала его взгляд, то начи-

нала в этом сомневаться, но вспоминать такое Марина старалась пореже.

Ее беспокоило другое. Она ощущала себя кем-то вроде воровки. Марина думала о том, чтобы накопить деньги и как-нибудь вернуть их этому человеку, но понимала, что копить придется довольно долго. К тому же Катя ничего возвращать не собиралась. Марина представляла себе, как тяжело приходится Кате: знает такую первоклассную тайну и не может никому рассказать! Ведь ее тогда просто на смех поднимут!

А еще Марина радовалась за Веронику и думала о том, как повезло этой девочке. Вот если бы ей самой подвернулась такая же встреча некоторое время назад! Если бы ее кто-нибудь предупредил! Но что уж теперь думать о прошлом!

* * *

Звонок Вероники в следующую субботу стал для Марины большой неожиданностью. Конечно, та могла просто решить поболтать, продолжить знакомство, но в это верилось слабо.

— Привет, Марина! — Голос Вероники по-прежнему звучал не слишком уверенно и как-то боязливо, но был радостнее, чем в прошлый раз.

— Привет! — Марина порадовалась, что ее знакомая хотя бы перестала «выкаты». — Ты откуда звонишь?

— А я опять к вам в город приехала, — ответила Вероника. — Дай, думаю, позвоню тебе сначала, как обещала.

— Сначала? — Марина сжалась от нехорошего предчувствия. — А что ты потом собираешься делать?

— Знаешь, я все-таки решилась! — произнесла Вероника почти шепотом. Марина даже едва ее расслышала.

— На что решилась?

— Ну, волосы ему дать... — смутилась Вероника, которая ожидала от своей знакомой большей догадливости.

— Ты что, с ума сошла?! — закричала Марина в трубку. — Ни в коем случае этого не делай!

— Я придумала, как это сделать попроще... — Голос Вероники прозвучал обиженно. Она, очевидно, не привыкла, чтобы на нее кричали. — Так будет не страшно!

— Ты сейчас где, на вокзале? — спросила Марина. Она понимала, что наивную подругу обязательно нужно перехватить по дороге, задержать любыми средствами.

— На вокзале. Ты не беспокойся: я теперь дорогу и сама найду. А потом мы с тобой можем где-нибудь посидеть, поболтать... — предложила Вероника.

— Жди меня там! — выкрикнула Марина. — Я буду через пять минут!

— Ну, ладно, если ты так хочешь... — согласилась Вероника. — Только ждать холодно. Ты уж постарайся побыстрее...

Марина не бегала так быстро с тех пор, как убегала от кукольной лавки со своей добычей в руках. Она моментально оделась и домчалась до вокзала едва ли не быстрее, чем если бы ехала на автомобиле. К счастью, Вероника все еще ждала ее, зябко кутаясь в большой шарф.

— Как ты быстро! — удивилась она. — Наверное, живешь совсем рядом?

— Не совсем! Потом покажу, — ответила Марина, слегка отдышавшись. — Ты лучше скажи, что ты такое надумала.

— Вот! — Вероника полезла в свою сумочку и достала из нее небольшой пакетик, в который была аккуратно завернута прядь ее черных волос. — Мне сказали, какой длины нужны волосы, вот я сама их и отрезала. И совсем незаметно! — Она повернулась к Марине боком. Очевидно, тем самым, от которого был отрезан локон.

— Я тебя очень прошу! Не делай этого! — взмолилась Марина. — Ты не знаешь, на что идешь! Это... это страшно!

— Немножко страшно! — кивнула Вероника. — Как подумаю, что надо опять приблизиться к этому человеку... — Она вздрогнула.

— Вот видишь!

— Но я ему просто отдам пакет и получу деньги! А к нему самому даже не прикоснусь! — пояснила Вероника. — И, потом: может, мне во-

обще удастся найти кого-то, кто передаст волосы вместо меня? У тебя нет никого на примете? — И она с надеждой посмотрела на Марину. Любому было бы понятно, что идти самой ей очень не хочется, и ей требуются большие усилия, чтобы себя заставить.

— Никого у меня на примете нет! — ответила Марина, подумав, однако, о Кате. Она постаралась, чтобы ее голос звучал как можно решительнее. Получилось даже грубовато.

— Значит, придется самой, — вздохнула Вероника. — А то я, кроме тебя и этого кукольника, никого здесь не знаю.

— Неужели тебе это так необходимо!? — воскликнула Марина. Она была готова держать Веронику хоть силой, лишь бы та не попала в ту же ловушку.

— Мне очень нужны деньги... — робко ответила та. — И, потом, подумаешь, прядь волос! Раз уж я ее все равно отрезала!

— Но кукольник!.. — начала Марина, но Вероника ее перебила.

— Мастер мне ничего плохого сделать не сможет! Ведь днем, в выходной, на улице полно народа! — Казалось, что она старается сама себя в этом убедить.

— Знаешь, что, — Марина приняла непростое решение, — пошли ко мне домой! Я тебе кое-что расскажу и покажу, а потом ты подумаешь, что делать! — Она все расскажет Веронике, а там — пусть она сама решает.

— А мы не опоздаем? — Вероника посмотрела на часы.

Но Марина уже взяла ее за руку и повела за собой, как ребенка. Надо сказать, что теперь, когда она не так спешила, путь от вокзала до дома занял гораздо больше времени. В дороге девочки молчали, хотя и давно не виделись. Просто, обе сильно нервничали, каждая о своем.

Родителей дома не оказалось. Очевидно, они ушли на рынок или еще куда-то по своим делам. Марине это было только на руку. Не надо объяснять, откуда взялась эта гостья. Да и беседе никто не помешает.

— Ой, как ты здорово рисуешь! — воскликнула Вероника, едва девочки вошли в Маринину комнату.

— Раньше здорово рисовала, — ответила Марина, которой такая похвала была неприятна, потому что напоминала о самом тяжелом периоде в жизни. Она и сама не знала, почему оставила эти картинки на стенах. Привыкла, наверное.

— Я уверена, что и сейчас не хуже! — Вероника, вероятно, решила, что хозяйка комнаты напрашивается на похвалу.

— Это все... после того, как к кукольнику ходила. — Объяснение вышло очень корявое, и начинать, конечно, следовало бы не с этого. Марина и сама эта поняла, а Вероника посмотрела на нее как на человека, который немножко не в своем уме, но ничего не сказала.

— А это он?! — Вероника указала на портрет кукольного мастера, и в ее глазах промелькнул неподдельный ужас. Просто удивительно, что она собиралась к этому человеку, если на нее так действовало одно лишь его изображение!

— Он, — подтвердила Марина.

Вероника опасливо присела на диван таким образом, чтобы не видеть портрета.

— Я из-за этой куклы чуть с ума не сошла! — продолжила Марина.

— А почему? — спросила Вероника, немного отодвинувшись от Марины.

— Видишь ли, когда мастер сделал куклу с моими волосами, то со мной стали твориться странные вещи, — начала Марина, чувствуя себя полной дурой. Интересно, что она сама подумала бы месяц назад, услышав такую чушь. — То засну ни с того ни с сего, то есть не могу, то болит в разных местах. Да и кошмары снятся... Даже врачи ничего не понимали!

— А теперь? — Вероника еще немного отодвинулась, словно опасаясь, что ее знакомая может оказаться буйной.

— Теперь-то все нормально! — поспешила успокоить ее Марина. — Только для этого пришлось постараться.

— А почему ты так... болела?

— Да потому, что мной управляли с помощью куклы! — выпалила Марина. Ей надоело подбирать слова и было уже наплевать на то, что о ней

подумают. — То, что происходило с куклой, случилось и со мной!

Вероника смотрела на нее во все свои большие карие глаза и молчала. Марина так и не поняла, чего больше в этом взгляде: страха, недоумения, сочувствия?

— Ну, понимаешь, с куклой играли, а получалось, будто играли со мной!

— Ужас! — откликнулась наконец Вероника, но как-то не слишком эмоционально, словно уже ожидала что-то подобное. — И как же ты с этим справилась?

— Я украла куклу! — призналась Марина.

— У кукольника?! — воскликнула Вероника, вся дрожа. — Ты залезла к нему в мастерскую и не испугалась?! — Она была поражена этим фактом не меньше, чем если бы узнала, что Марина заходила в клетку с голодными тиграми.

— У кукольника, — ответила Марина. Но тут же поправилась: — Не совсем у него. — Она решила, что если уж быть честной, то до конца. — У его внучки, кажется... — Марина покраснела при этом воспоминании.

— У внучки, наверное, не так страшно, — задумчиво произнесла Вероника. — И он что, не попытался эту куклу вернуть?

— Нет пока! — И Марина постучала по деревянному столу. — Теперь ты понимаешь, что нельзя давать кукольнику свои волосы?

— Понимаю, — не очень уверенно ответила Вероника. — Все это так странно...

— Странно. Но ты уж поверь! — Марина ожидала худшей реакции. То, что Вероника не крутила пальцем у виска, никуда не ушла, а спокойно выслушала, ее вдохновляло. Была надежда, что ее впечатлительная знакомая поверила хоть чему-то из сказанного, и теперь, по крайней мере, хорошенько подумает, прежде чем отправляться к мастерской.

— И куда же ты дела эту куклу? — поинтересовалась Вероника.

— У себя храню, — нехотя ответила Марина. Вообще-то об этом знала только Катя, и она не очень-то хотела распространяться о месте хранения. Но раз уж все рассказала еще одному человеку...

— А можно... — было видно, что Вероника очень волнуется. — Можно мне на нее посмотреть? — Попросив об этом, она почему-то опустила глаза, будто делала что-то постыдное.

— Ну, если тебе так хочется... Можно! — решила Марина. Она подумала, что так ее рассказ будет гораздо правдоподобнее и поможет Веронике окончательно поверить ей.

Марина подошла к шкафу, открыла дверцу, аккуратно вытащила куклу из-за груды одежды и посадила на стул, чтобы Вероника могла как следует ее рассмотреть.

Гостья затаила дыхание. Она, не отрываясь, смотрела на мастерски сделанную игрушку. Видно было, что девочка хочет подойти к ней поближе, но что-то удерживает ее от этого шага.словно ре-

бенок, который, пока рядом нет взрослых, хочет прикоснуться к чему-то, что трогать запрещено.

— Ведь это очень опасно — держать ее дома, — нарушила молчание Вероника, все еще глядя на куклу, а не на хозяйку комнаты.

— Сама знаю! — досадливо поморщилась Марина. Этот вопрос вновь разбередил ее страхи. — Но больше все равно негде. И потом, я за ней хорошо приглядываю. И не показываю никому. — Сказав последнюю фразу, она невесело усмехнулась: сама говорит, что никому не показывает, а тут демонстрирует человеку, которого видит во второй раз в жизни.

Зазвонил телефон. Марине хотелось сначала убрать куклу на прежнее место, но потом она махнула на это рукой. Пока управишься, уже звонить закончат. Телефон стоял на кухне, так что комнату волей-неволей пришлось покинуть.

— Ты пока посиди здесь, никуда не уходи! — бросила Марина Веронике и пошла к телефону. Она чуть не добавила: «И за куклой присмотри», но это уже выглядело бы настоящей паранойей, поэтому Марина удержала это замечание при себе.

Кто звонит — понять было довольно трудно. В трубке раздавалось шипение, поэтому Марине, чтобы лучше расслышать, пришлось даже заткнуть свободное ухо. К тому же и звонящий, похоже, был глуховат, так что говорить нужно было громко. Так что Марина объясняла этому неизвестному, что родителей нет дома, минуты две-три. Да и понять, кто именно звонит, так и не удалось.

В общем, трубку Марина повесила с облегчением и поспешила к своей гостье.

Хлопнула входная дверь. От этого хлопка Марина вздрогнула, как от выстрела, и опрометью кинулась в прихожую. В дверях она столкнулась с Катей.

— Ты? — удивленно воскликнула Марина.

— Чего это у тебя дверь нараспашку? — воскликнула Катя.

— Я закрывала... — ответила Марина. В последнее время за тем, чтобы двери и окна были тщательно закрыты, она следила особенно внимательно.

— А эта сумасшедшая не от тебя выбежала? — поинтересовалась Катя.

— Какая сумасшедшая?

— Ну, девчонка с черными волосами, — пояснила Катя, — пролетела по лестнице, как ураган. Чуть меня с ног не сшибла! Да еще к себе чего-то прижимала. У вас на лестнице темно, я не разглядела...

Но Марина уже не слушала. Выкрикнув «Вероника!», она бросилась в свою комнату. Там уже никого не было. Ни Вероники, ни, что самое страшное, куклы! Казалось, что даже стул после нее еще остался слегка примятым...

— Она ее украла! — Марина думала, что прокричала эти слова, но, на самом деле, еле слышно прошептала их.

Девочка, не позаботившись даже о том, чтобы надеть туфли или тем более накинуть куртку, со

всех ног, в тапочках, помчалась в сторону кукольной мастерской.

— Марина, ты хоть оденься! — крикнула Катя и, не дождавшись ответа, бросилась следом за подругой, прихватив ее вещи. Еще не хватает, чтобы Марина простудилась! Катя уже поняла, что произошло, и теперь очень жалела, что не разглядела, что же несла встреченная на лестнице девочка, и не попыталась ее задержать.

— Вероника, остановись! — кричала Марина на всю улицу, пытаясь догнать удалявшуюся фигурку. Она бежала очень быстро. Так быстро, как не бегала никогда в жизни. Но Веронику тоже что-то подгоняло вперед, и та почти не уступала Марине в скорости. Катя довольно сильно отстала, но упорно бежала следом, готовая в случае чего прийти на помощь.

Впереди уже показалась мастерская, дверь которой была призывно распахнута. Марина попыталась прибавить скорость еще. Она уже сбросила свои тапочки и теперь мчалась по подмерзшей земле босиком. Девочка не чувствовала ни холода, ни попадавших под ноги мелких камешков. Она думала только об одном: «Успеть!», «Догнать!» — и проклинала свою знакомую. А также саму себя за идиотскую доверчивость. Редкие прохожие оглядывались на нее, кто-то крутил пальцем у виска, а кто-то всерьез думал о том, не стоит ли вызвать «Скорую» или милицию.

Вероника постоянно оглядывалась, и близость преследовательницы, очевидно, придавала ей но-

вых сил. В ее глазах читался сильнейший страх. Она явно не отличалась спортивностью, и ей приходилось очень тяжело. Да и кукла весила не так уж мало. Одно дело — просто держать ее в руках, а совсем другое — пробежать с ней кросс по пересеченной местности. Кстати, состояние тротуара здесь действительно оставляло желать лучшего. Это давало дополнительный шанс. Ведь Вероника может и споткнуться. Особенно, учитывая, что она постоянно оглядывается. Марина молилась, чтобы так и случилось...

Все произошло почти так, как она надеялась. Почти, но не совсем. Дверь кукольной мастерской была широко открыта. Путь вниз был свободен. В кои-то веки хозяин мастерской изменил своим привычкам! Вероника подбежала к дверям, в последний раз обернулась на Марину, которая отстала всего-то на три-четыре метра, пробормотала что-то вроде «Прости!» и... зацепилась-таки за какой-то камешек.

Увы, это произошло на несколько шагов позже, чем нужно. Вероника потеряла равновесие, но по инерции пролетела вперед, и упала прямо в распахнутую дверь. Послышался шум падения. Скорее всего, девочка не удержалась и покатилась вниз по лестнице. Но что с ней произошло, узнать не удалось. Дверь, издав противный визг, захлопнулась, и Марина с размаху врезалась в нее.

Несколько секунд Марина билась в дверь всем телом, надеясь, что замок не успел защелкнуться, но все было тщетно. «Откройте!» — кричала Ма-

рина и молотила по двери кулаками и ногами, но ответом была лишь гробовая тишина.

— Марина, прекрати! Так ты все равно ничего не добьешься! — запыхавшаяся Катя, наконец, догнала подругу, ударила пару раз в дверь для порядка и теперь попыталась трезво оценить обстановку. — На, вот! Оденься пока!

Только тут Марина сообразила, что на улице очень холодно и с благодарностью приняла Катинo предложение. Ноги тем не менее здорово мерзли, и, если она не хотела подхватить воспаление легких, нужно было срочно возвращаться.

— Опоздала! — тихо воскликнула Марина и, привалившись к двери, расплакалась.

— погоди ты, еще не все потеряно! — пыталась утешить ее Катя. — Мы найдем способ, как попасть внутрь! — Тут ее посетила идея: — А что если разбить витрину и попробовать залезть через нее. Или давай возьмем тех кукол, которые там хранятся! Кукольник с радостью обменяет на них одну твою...

Неизвестно, откуда взялась у Кати такая прыть и решительность, но она подняла с земли камень и запустила его в витрину. Осколки стекла посыпались на землю. При этом никакая сигнализация не завывла. Наверное, кукольник просто не озабочен тем, чтобы ей поставить. Действительно, зачем это делать, когда все равно день-деньской сам сидишь на страже!

— Ты что! — Марина более-менее пришла в себя и схватила Катю за руку. — Хочешь, чтобы тебя в милицию забрали? Как ты не поймешь: мне

нужна только моя кукла! Теперь, когда она у него, этот человек может сделать со мной все, что захочет! Зачем мне другие куклы, если я даже свою не сумела уберечь!

Марина посмотрела на разбитую витрину и грустно улыбнулась сидящим там куклам. Она вдруг поняла, что куклы должны были видеть соседний дом именно в таком ракурсе, в каком его нарисовала она сама. И вдруг... Она узнала волосы одной из кукол. Они принадлежали Веронике! Конечно, людей с хорошими волосами не так уж и мало, но Марина была почти уверена, что не ошибается. Значит, Вероника уже успела продать волосы? Или делала это повторно? Или... Марина все поняла...

— Пойдем домой! — сказала она Кате и, опираясь на подругу, поковыляла назад. Разбитые ноги нещадно болели и мерзли, но Марина была даже рада этой боли. Ведь она хоть как-то отвлекала ее от невеселых мыслей о своей будущей судьбе...

Глава XII

Игрушки

— Так, значит, эта дрянь так тебя подставила! — бушевала Катя. — Ну, сколько раз я тебе говорила: нельзя быть такой добренькой! Ну, погоди! Попадется она мне! Вздую так, что мало не покажется!

Марина уже рассказала ей всю историю своего короткого знакомства с Вероникой и теперь с отрешенным видом сидела на диване, кутаясь в теплый плед и глотая горячий чай с малиной, наскоро приготовленный Катей. Сейчас у нее уже ни на что не оставалось сил, и она просто ждала: что же будет дальше?

Катя же, напротив, кипела жаждой деятельности. Она в возбуждении ходила взад-вперед по комнате, словно тигр в клетке, и выдвигала планы и предположения, одно нелепее другого. Она даже собиралась подежурить возле мастерской, подкараулить Веронику и как следует с ней «потолковать», так что Марина с трудом убедила подругу не делать этого и остаться здесь. Меньше всего ей сейчас хотелось остаться одной, а про Веронику она старалась даже не думать.

— Интересно, сколько этот истукан ей заплатил! — Катина способность в любой ситуации не забывать о самых что ни на есть земных вещах порой веселила, а порой раздражала Марину, но на этот раз никаких эмоций это не вызвало.

— Думаю, нисколько, — ответила Марина. — Вероника — несчастный человек.

— Так она что же это, из злобы делала? — Такое никак не укладывалось в Катиной голове. — Ничего себе: несчастный! Несчастной она будет, когда встретится со мной! Ну, я до нее доберусь!

Встречи долго ждать не пришлось. Раздался звонок, и Марина попросила, чтобы подруга от-

крыла дверь. Сама она настолько устала, что думала, что никогда больше не сможет заставить себя подняться с этого дивана.

Раздалось удивленное Катино восклицание, потом послышался знакомый голос... Марина уже хотела вскочить и бежать к дверям, хотя и сильно сомневалась, что у нее остались на это силы. Но ничего такого и не потребовалось. В комнату вошла растрепанная Вероника с опущенной головой. Катя крепко держала гостью за плечи и подталкивала вперед.

— Это она? — только и спросила Катя. Очевидно, Веронике повезло, что Катя ее как следует не рассмотрела во время короткой встречи на лестнице. Иначе ей бы сильно не поздоровилось.

Вероника смотрела в пол и, казалось, была готова на что угодно, лишь бы не встречаться глазами с Мариной. Та молча глядела на нее и ждала, когда гостья заговорит.

— Ну, чего молчишь! — Катя подтолкнула Веронику вперед, на середину комнаты. — Так это она? — спросила она опять у Марины.

— Ты понимаешь, я не хотела, я не могла! Меня заставили! — Веронику прорвало, и сбивчивые признания полились из нее потоком: — Прости меня! Прости меня, пожалуйста! — И она упала на колени.

— Сядь! — попросила Марина. — И расскажи, как все было. Только не надо так кричать: у меня и без того голова раскалывается.

— Хорошо! Я расскажу! — всхлипывая, говорила Вероника, подползая к дивану и никак не ре-

шаясь на него сесть. Посмотреть на Марину она тоже по-прежнему не решалась. В конце концов Марине пришлось ее поднять и посадить рядом с собой. Катя недовольно хмыкнула и присела с другой стороны. Она не понимала Марининой терпимости, но тоже очень хотела выслушать, что же скажет «эта предательница».

— Год назад этот человек появился у нас в городе, — быстро заговорила Вероника, стремясь, наверное, как можно быстрее покончить с тягостным рассказом. — И он предложил мне... Он предложил купить мои волосы. Я долго думала, но потом согласилась.

— Прямо как ты! — Катя не утерпела и встала свое замечание.

— А потом... Потом со мной стали происходить разные странные вещи, — продолжила Вероника. — И я никак не могла понять почему.

— С тобой было то же, что и со мной? — уточнила Марина. — Как я тебе рассказывала?

— Не совсем, но похоже. Я потом расскажу. — Веронике не терпелось перейти к самому главному, и она решила не останавливаться пока на подробностях. — А потом... Потом ко мне подошла какая-то девочка и сказала, что я должна прийти к кукольной мастерской. И это поможет мне избавиться от этой... болезни.

— И ты пошла?

— Пошла, — кивнула Вероника. — Очень боялась, но пришлось. И там... Там этот человек сказал мне, что я теперь в его власти. Что я — его игрушка! Вы понимаете: игрушка! — закрича-

ла она. Ей пришлось дать воды, чтобы она немного успокоилась и могла продолжать рассказ.

— Я не поверила, но тогда он стал проделывать разные вещи с куклой, и я все ощущала на себе! Пришлось поверить! Он сказал, что вообще легко может меня убить. И что я должна теперь во всем его слушаться!

— А что он от тебя требовал? — спросила Марина, ожидавшая, что скоро ей предстоит пережить нечто подобное.

— Да, что? — Кате было очень любопытно и немного страшно. Только подумать: она сама из-за собственной жадности едва не попала в такую ловушку!

— Ничего.

— Ничего?! — хором спросили слушательницы. Они ожидали чего угодно, но только не этого!

— Зачем тогда это все ему нужно? — удивилась Катя. — Он что, коллекционирует игрушки? — Вопрос был не слишком тактичным, учитывая, что две «игрушки» находились рядом.

— Он сказал, что у него очень много таких... игрушек. — Это слово явно давалось Веронике с трудом, но другого она подобрать не смогла, — по всему миру. И еще сказал, что с послушными игрушками обращается хорошо. Им ничего не грозит. Но иногда они... мы должны выполнять его поручения. А иначе... Иначе... — Вероника расплакалась.

— Да погоди ты реветь! — Катя опять дала ей воды. — Сначала расскажи, что дальше было!

— Прошло много времени, и я уже стала забывать обо всем этом, — продолжила Вероника, слегка успокоившись. — Не забывать, конечно. Но это все мне казалось страшным сном. Но потом... Недавно он неожиданно передал мне поручение.

— Как передал? — спросила Марина. — Он что, приехал к тебе?

— Нет. — Вероника замотала головой. — Я не знаю, как он держит связь. Но, по-моему, кукольник все обо мне знает! Что я делаю, куда пошла, с кем встречаюсь и даже о чем я думаю! Сначала мне приснился сон. Ужасный сон. В нем кукольник говорил мне, что я должна выполнить его просьбу. Он не угрожал, нет. Но я понимала, что не могу ему противиться. Я надеялась, что это просто сон, но все оказалось хуже. На следующий день ко мне пришла испуганная женщина.

— Женщина? — переспросила Марина.

— А почему нет? — отозвалась Катя, которая уже, похоже, освоилась в этом странном мире, где с помощью кукол управляли людьми. — Волосы можно продать в любом возрасте!

— В любом, — нервно кивнула Вероника. — Только она мне рассказывала, что является игрушкой уже много лет, с самого детства. И еще говорила, что среди его игрушек есть даже совсем старые люди.

— Наверное, у нее ото всего этого крыша поехала, — сочувственно заметила Катя.

— Не знаю. Я уже не знаю, что думать! — Вероника вновь перешла на крик. А потом продолжила уже нормальным голосом: — Так вот, женщина дала мне твою фотографию, снимок куклы, твой адрес и сказала, что кукольник приказал мне познакомиться с тобой, отобрать куклу и вернуть ему. А то, говорит, одна игрушка расшалилась.

При этих словах Марина покраснела и сжала кулаки. Она подумала, что ни за что не желает становиться игрушкой в руках какого-то маньяка, будь он хоть трижды чародеем!

— А еще она сказала... Она сказала... Что если я не выполню поручение... — Вероника снова заплакала. — Она рассказала, что бывает с теми, кто ослушивается приказа!

— И что же с ними бывает? — с любопытством спросила Катя, ожидавшая услышать какую-нибудь кровавую хронику.

— Нет! Я не могу! Это слишком страшно! — воскликнула Вероника. — Я не могу об этом говорить!

— И не надо, — согласилась Марина. Ее нервы и без того были на пределе, и она не желала слушать жуткие подробности. Еще чуть-чуть, и она начнет реветь и срываться на крик вместе с Вероникой. А ей хотелось сохранить голову как можно более ясной и попытаться обдумать возможность спасения.

— Она сказала, что такие поручения бывают не так уж часто, но выполнять их нужно неукос-

нительно. Иногда даже можно получить благодарность от хозяина...

— А что за благодарность? — поинтересовалась Катя. Но ее вопрос остался без ответа.

— В общем, — продолжила Вероника. — Мне ничего не оставалось делать. Я приехала в ваш город и нашла тебя... Я долго шла за тобой, прежде чем решилась заговорить... Но это было необходимо. Мне сказали, что хозяин очень не любит, когда его поручения долго не выполняются. Ты сможешь меня простить? — с мольбой спросила она у Марины.

— Но зачем ты это сделала так! — В глазах у Марины стояли слезы. Теперь она ясно понимала все смущение и стыд Вероники. — Зачем ты меня так обманывала! Уж лучше бы ты просто украла эту чертову куклу!

— Я не хотела! Но я просто не знала, где она спрятана! Я должна была увидеть куклу. А хозяин... Мастер. Он одобрил мои действия, когда я к нему подходила, и даже немного подсказал, что делать дальше...

— А что она могла сделать? — неожиданно вступилась за Веронику Катя. — Вот ты бы сама как поступила?

— Ну, я бы... Я бы... — Марина запнулась. — Я бы, наверное, попробовала по-другому... Я бы... Не знаю! — призналась, наконец, она.

— Вот видишь! Теперь вы в одинаковом положении! — подытожила Катя.

— Ты всегда знаешь, как поддержать человека! — с досадой произнесла Марина. — Лучше бы посоветовала, что же теперь делать.

— А что делать! Сидеть дома и ждать поручений! — пожала плечами Катя. — Ты же сама слышала: они редко бывают. А без них — живи себе спокойноненько.

— И надеяться, что эта самая внучка больше не будет с тобой играть, — добавила Марина, с содроганием подумав, что девчонка теперь, должно быть, на нее очень зла.

— Это еще не все, — неожиданно сказала Вероника.

— И что там еще? — обреченно и устало спросила Марина.

— Кукольный мастер ждет тебя завтра на ауди... — Она запнулась.

— На «Ауди»?! — недоуменно переспросила Катя, представив себя кукольника за рулем современной машины. — А у него есть?

— Аудиенцию, — справилась, наконец, Вероника со сложным словом.

— А что это? — Катя где-то слышала это слово, но в его значении не была уверена. Мало ли на свете длинных слов!

— Ну, то есть он приглашает ее к себе, в мастерскую, — пояснила Вероника.

— Когда? — спросила Марина. — И что ему от меня нужно? — Она говорила это уже почти без эмоций, фактически смирившись со своим положением.

— Не знаю... — ответила Вероника. — Наверное, он объяснит тебе условия, как это было со мной.

— Что же делать! Придется идти! — вздохнула Марина.

— И еще, — Вероника повернулась к Кате. — Он сказал, что раз уж ты все знаешь, то тоже можешь к нему заглянуть.

— Могу заглянуть! — фыркнула Катя. То, как было сделано предложение, ее не вдохновило.

— Катя! Пожалуйста, пойдем со мной! — Марина ухватила за эту возможность. Ей, разумеется, смертельно не хотелось идти в кукольную мастерскую, но, если уж этого не избежать, то лучше прийти не одной.

— С тобой... — Катя колебалась. В ней боролись естественный страх, любопытство, желание поддержать подругу. Какое из этих чувств победит, девочка и сама не могла понять. — Ладно, я подумаю... — Она решила пока не обнадеживать Марину, но и отказать совсем ей тоже не могла.

— Да, чуть не забыла! — воскликнула Вероника.

— Ну, что там еще! — устало воскликнула Марина, ожидая какой-нибудь новой пакости.

— Он предупредил, что если вы не придете или будете об этом болтать... — Вероника слегка запнулась, подбирая нужные слова или же пытаясь дословно вспомнить фразу кукольника. — В общем, для Марины это кончится плохо. — И она опустила голову, не решаясь взглянуть в глаза той, которую невольно предала.

— Даже если расскажешь, никто не поверит, — грустно произнесла Марина и посмотрела на Катю. Та могла проболтаться, сама не заметив.

— Молчу как рыба! — Катя прижала палец к губам.

— А ты тоже пойдешь с нами? — спросила Марина у Вероники.

— Нет, что ты! — испуганно воскликнула гостя. Очевидно, сегодняшнего общения с кукольных дел мастером с нее было вполне достаточно. — Я сейчас домой!

— Наделала дел и домой! — мрачно сказала Катя. По-видимому, она еще не решила для себя, стоит ей осуждать Веронику или сочувствовать ей.

— Я не могу явиться к нему просто так... Я не смогу... Простите меня... — Не в силах больше сказать ни слова, Вероника выбежала из комнаты. Хлопнула входная дверь.

Марина с Катей остались одни. Катя попыталась было строить предположения относительно завтрашнего визита, но Марина слушала ее рассеянно. В конце концов, у нее так разболелась голова, что она попросила подругу уйти и заглянуть к ней завтра с утра, чтобы хотя бы поддержать морально. Катя послушалась, хотя ей и не терпелось поскорее обсудить происходящее. Но, кроме Марины и уехавшей Вероники, говорить на эту тему было совершенно не с кем...

Весь вечер Марина просидела в своей комнате, бессмысленно глядя в окно и даже не замечая, как за ним постепенно темнеет. Ей совершенно не хо-

телось ни есть, ни пить, ни уж тем более заниматься каким-либо из своих обычных дел. Даже все мысли куда-то разбежались, и Марина не делала никаких предположений о своем будущем. На ее счастье, родители в этот вечер пошли в театр, так что хотя бы не пришлось отвечать ни на какие расспросы и не делать изо всех сил вид, что с ней все в порядке, все как всегда.

Спихватилась она только тогда, когда на улице совсем стемнело. Девочка решила лечь спать пораньше, до прихода родителей. Какая разница: бессмысленно сидеть у окна или лежать в постели. Она думала, что уснуть ей этой ночью вообще не удастся, но ошиблась. Едва голова коснулась подушки, как Марина погрузилась в глубокий сон, который был так необходим ей для отдыха после всех потрясений этого тяжелого дня.

* * *

Марина надеялась, что на этот раз ей хотя бы ничего не будет сниться, но этим надеждам не суждено было сбыться. Во сне девочка вновь очутилась в до боли знакомом помещении. На этот раз оно было освещено, но Марина отчего-то была абсолютно уверена, что это то же самое место, где она слушала шаги, танцевала по воле неведомого кукловода и откуда она сбегала во сне после того, как завладела куклой.

Но теперь это помещение было буквально залито светом, от которого даже слепило глаза. Все

пространство было заполнено куклами, которые образовывали большой круг. Марина и сама стояла в этом кругу, только не до конца понимала: присутствует ли она здесь в своем нормальном виде или тоже является куклой, как и все остальные. Глаза у всех кукол были удивительно живые, но во всех них читались тоска и обреченность.

За ее спиной раздали тяжелые шаги. Сейчас девочка их уже практически не боялась, она ожидала чего-то подобного. Остальные куклы смотрели ей за спину, и никаких особых эмоций в их глазах прочитать не удалось. Очевидно, и тот, кто был у нее за спиной, и сама готовящаяся процедура были здесь делом совершенно обычным.

До этого момента Марина не могла пошевелиться. Теперь же она почувствовала, как ее телом вновь начинает управлять какая-то чуждая сила. То же происходило и с куклами вокруг: они сделали шаг вперед, потом другой, потом присели в реверансе... Все это они проделывали с неестественной, пугающей одновременностью, на которую едва ли способен даже самый слаженный танцевальный ансамбль. Все движения совершались в полной тишине, что делало танец без музыки еще более неприятным и таинственным. Марина даже сначала и не заметила, что движется точно так же, как и все остальные. Она пыталась противиться, хотя бы чуть-чуть сбиться с ритма, но у нее ничего не получалось. Неведомая управляющая сила была значительно сильнее нее. «Я не хочу! Я не

буду танцевать!» — пыталась выкрикнуть Марина, но из ее горла не вырывалось ни звука.

— Марина, очнись! — Кто-то тряс ее за плечо.

— Я не хочу! Я не буду танцевать! — закричала девочка еще раз и окончательно проснулась. Рядом с ней стояла встревоженная мама. Очевидно, она очень боялась, что загадочная болезнь вновь вернулась к дочери.

— Все в порядке. — Марина изо всех сил постаралась улыбнуться, но улыбка получилась совсем уж неестественной. — Мне просто приснился кошмар.

— А что тебе приснилось? — настаивала мама.

— Приснилось... Я не помню, — солгала Марина. На самом деле сон отпечатался у нее в памяти с пугающей четкостью, как самое что ни на есть реальное событие, но рассказывать содержание и погружаться вновь во все его перипетии девочка не согласилась бы ни за что в жизни.

Глава XIII

В мастерской

За окном светило яркое солнце, такое необычное для этого времени года. Только на душе от этого становилось еще тяжелее. Марина даже предпочла бы, чтобы погода стояла мрачная и дождливая, под стать настроению. Мысль о том, что сегодня придется зайти в гости к этому

страшному человеку, от которого неизвестно чего можно ожидать, повергала в глубокое уныние. Конечно, Вероника многое рассказала, но вдруг она что-то недоговорила? Или у кукольника на Марину какие-то особые планы. Ведь она едва не сбежала от его власти, едва не нарушила его замыслы. Радовало только то, что никаких неприятных симптомов вроде тех, что были в прошлый раз, пока что не наблюдалось. По крайней мере, мастер не был настроен мстить ей сразу.

Разумеется, девочке безумно хотелось отложить визит к кукольнику как можно на более позднее время, хотя бы до вечера. Но Марина понимала, что чем мучиться весь день неизвестностью, лучше прояснить все сразу. Она только ждала Катю, чтобы единственный человек в городе, который обо всем знал, поддержал ее.

Катя не заставила себя долго ждать. Она пришла, когда еще не было полудня, что в выходной день было для нее просто удивительно рано!

— Ну, что? — спросила она с порога.

— Пока ничего, — ответила Марина, которая ждала подругу, уже одевшись для выхода, — пойдешь со мной?

— Вот так, сразу? — Катя предпочла бы некоторое время посидеть дома, построить предположения, помыть косточки Веронике и кукольнику...

— А что тянуть! — вздохнула Марина, надевая сапоги, и грустно усмехнулась, вспомнив свою вчерашнюю гонку в тапочках.

— Знаешь, я, пожалуй, провожу тебя до мастерской, — решила Катя. — А то ты одна, пожалуй, и не дойдешь...

— Теперь дойду, — опять грустно улыбнулась Марина, вспомнив, как подруга разве что не за руку ее тащила к кукольному несколько недель назад. — Куда ж я денусь!

— Это точно! — согласилась Катя, предпочитавшая не вспоминать о том эпизоде. Сейчас ей действительно хотелось поддержать подругу. Но, помимо этого, ее мучило любопытство. Грядущие события казались ей едва ли не самыми интересными и уж точно самыми таинственными из того, что с ней происходило за всю ее жизнь.

* * *

До кукольной мастерской девочки шли молча. Катя несколько раз пыталась завязать разговор, но, почувствовав состояние Марины, поняла, что сейчас лучше оставить ее в покое. Марина же не замечала ничего вокруг. Сейчас она не узнала бы даже собственных родителей, встретясь они ей по дороге.

Когда мастерская показалась в конце улицы, девочки остановились. Кукольник, разумеется, сидел на своем привычном месте, безучастный ко всему окружающему. Из-за неожиданно хорошей погоды на улице было относительно многолюдно. А у витрины толпилось несколько детей.

— Вот видишь, сколько людей вокруг! — зашептала Катя. — Ничего он тебе не сделает. Это хорошо, когда много свидетелей!

— Хорошо, — машинально кивнула Марина в ответ. — Ну, я пойду! — Она глубоко вдохнула и двинулась вперед.

— погоди, я дойду с тобой! — Катя ухватила Марину за руку и пошла рядом с ней. Со стороны могло бы показаться, что она волнуется даже больше попутчицы. Катя готова была бежать вперед, словно изнывая от нетерпения, когда же наступит развязка. Марина же все замедляла шаг и на подходе к мастерской еле передвигала ноги.

Кукольник, казалось, до последнего момента не замечал приближающихся девочек. Он соизволил повернуть к ним голову только тогда, когда они были уже буквально в двух шагах от него. Скользя по пришедшим равнодушным взглядом, от которого мурашки бы пробежали по коже даже у самого решительного человека, он неторопливо поднялся со своего стула, взял его под мышку и начал медленно спускаться в свою мастерскую. Он был настолько высок, что едва не задел головой притолоку.

Девочки застыли на месте. Хозяин мастерской явно приглашал их следовать за собой, не подтверждая это, однако, ни словом, ни зовущим жестом. Об этом, пожалуй, говорила только дверь, против обыкновения оставшаяся распахнутой настежь. Марина собралась с духом и шагнула вперед, в темный проем. На пороге она обернулась, чтобы еще раз посмотреть на солнечный свет, но эта слабость

длилась только секунду. А затем девочка медленно стала спускаться по обшарпанной лестнице с выщербленными высокими ступеньками, которые были даже неодинакового размера. Освещалась лестница совсем слабо, только тусклой лампочкой под потолком. Несколькими ступенями ниже маячила спина неторопливо спускающегося в свои владения кукольника. Из-за его роста их головы находились на одном уровне. А его тень падала так, что целиком поглощала собой тень гостя. Тень же от стула, который мастер по-прежнему нес в руках, напоминала какое-то сказочное чудовище.

Катя несколько секунд стояла у дверного проема, с любопытством вглядываясь в темноту. Страх и желание узнать, что же там внутри, боролись в ее душе. Наконец, рассудив, что раз дверь по-прежнему открыта, ее тоже ждут, и, успокоив себя наличием многочисленных свидетелей, которые с удивлением смотрели на то, как к нелюдимому мастеру заходят гости, она крепко зажмурилась и ступила внутрь. Дверь с протяжным скрипом затворилась за ее спиной. Теперь путь назад был отрезан.

* * *

Лестница, ведущая вниз, насчитывала чуть больше десятка ступенек, но девочкам она показалась бесконечной. Она упиралась еще в одну дверь, которая медленно распахнулась, едва кукольник со своей ношей подошел к ней. Это произошло совершенно бесшумно. Очевидно, эта дверь, в отли-

чие от входной, хорошо смазывалась или же просто была гораздо более новой. Создавалось впечатление, что она распахнулась сама, словно была оборудована фотоэлементами, но представить такое в старом подвале было совершенно невозможно.

В глаза девочкам ударил яркий свет. Ясно было, что на освещение самой мастерской кукольник не скупился. Когда он входил в залитое светом помещение, то показался девочкам, идущим следом, какой-то большой, неряшливой черной клясой на чистом листе.

Едва Марина переступила порог мастерской, как тут же узнала это помещение. Нет, конечно, оно было не совсем такое, как в снах, но в то же время девочку не покидало ощущение, что это именно оно. Идущая следом Катя уперлась ей в спину и, заглянув Марине через плечо, удивленно ахнула.

Немногим, наверное, доводилось видеть такое количество прекрасно сделанных кукол, собранных в одном месте. Они аккуратно стояли, сидели вдоль стенок на полу и на специально сделанных полках. Во всех игрушках с первого взгляда чувствовалась рука большого мастера, однако каким-то образом ему удавалось избежать повторов. В каждой кукле ощущалась неповторимая индивидуальность. И дело было даже не в том, что здесь собирались игрушки, изображающие представителей самых разных народов со всех континентов. Просто в каждой из кукол проглядывала личность. Возможно, из-за глаз, казавшихся такими осмысленными, совсем не кукольными.

Обстановка же комнаты выглядела по-спартански. Никаких украшений, кроме разнообразной кукольной одежды, тут не было и в помине. Даже полки состояли из простых, хотя и тщательно выструганных досок. В центре комнаты стоял какой-то специальный стол, напоминающий верстак. Очевидно, кукольник работал именно за ним. На нем лежали достаточно простые инструменты: ножницы, ножи, шило, пинцеты, кисти, баночки с красками, коробка с нитками и иглами, а также несколько предметов, предназначение которых для непосвященных оставалось загадкой. Казалось совершенно непостижимым, как с помощью всего этого можно создавать столь прекрасные творения. Другая мебель в этом неожиданно просторном помещении просто отсутствовала.

Кукольник неторопливо поставил свой стул неподалеку от рабочего места и сел на него, приняв свою излюбленную позу. Он не произносил ни слова, ожидая, очевидно, пока посетители пройдут внутрь. Девочки сделали робкий шаг вперед, и дверь за их спиной бесшумно затворилась. В помещении стояла мертвая тишина. Казалось, сюда не проникал ни один уличный звук. Слышно было, как колотится сердце, а тихое дыхание звучало на этом фоне, как свист разбушевавшегося урагана.

Мастер здесь находился в своем царстве и восседал на простом стуле с таким достоинством, что ему мог бы позавидовать любой король. Он, по-прежнему не мигая, смотрел своими бездонными глазами на пришедших, не выказывая никаких

эмоций. Гости вынуждены были стоять перед ним, потому что больше в мастерской присесть было просто некуда.

Глаза Марины настороженно оглядывали комнату. Она пробежала взглядом бесконечные ряды кукол, силясь отыскать среди них одну-единственную. Ту самую, из-за которой оказалась здесь. Но кукла с ее волосами все никак не попадалась на глаза. Кукольник, очевидно, понял, что ищет девочку. Он слегка наклонился, достал из-за своего стола недавно вернувшуюся к нему игрушку и небрежно поставил рядом с собой. В голове у Марины мелькали безумные планы. А что, если подскочить к кукольнику, схватить куклу и убежать? А Катя поможет. Но девочка понимала, что этот неторопливый человек зорко следит за своей добычей. К тому же, куда бежать, если дверь захлопнута, а отпирается каким-то непонятным образом?

— Ты понимаешь, что я могу сделать с этой куклой то, что пожелаю. — Девочки ожидали, что мастер должен нарушить затянувшееся молчание, но, тем не менее, услышав его голос, они дружно вздрогнули. Он говорил негромко и все с тем же безразличием, но этот глуховатый голос наполнял все помещение, как будто вокруг стояли мощные усилители.

Марина нервно кивнула, хотя кукольник ни о чем ее и не спрашивал. Его слова были простой констатацией факта.

— Но я не склонен плохо обращаться со своими игрушками, если меня к этому не вынуждают, — все так же неторопливо продолжил кукольник.

Катя хотела было удивиться. Чего это ради взрослый дядька будет ломать игрушки? Но тут же сообразила, что под игрушками этот человек подразумевает не только и не столько кукол. Марина же поняла это уже давно. Но все равно: очень непривычно, больно и унизительно было слышать, как тебя уподобляют какой-то кукле и называют игрушкой.

— Отдай эту куклу мне! — раздался за спиной у девочек тонкий, повелительный голосок. Марина и Катя дружно подскочили и обернулись назад. За ними стоял тот самый ребенок, у которого Марина смогла отнять куклу. Девочка со своей неестественно бледной кожей и небольшим ростом и сама немногим отличалась от кукол, которыми была заполнена мастерская. Как она смогла появиться столь бесшумно, оставалось загадкой.

И голос, и взгляд девочки, в подражание кукольнику, были почти что бесстрастны, но до конца походить на него ей не удавалось. В этом голосе проскальзывали иногда капризные нотки обиженного ребенка, а в направленном на нее взгляде Марина смогла разглядеть отблески злобы.

Кукольник еле заметно покачал головой, и девочка впилась глазами уже в него. Эта игра в гляделки длилась несколько минут, после чего ребенок опустил голову.

— Это была твоя ошибка, — произнес мастер. — Настанет время, и все куклы станут твоими. Но сейчас ты подвластна эмоциям. Это послужит тебе уроком.

— Она поступила правильно. — Теперь кукольник смотрел на Марину. — В ней есть воля и решительность. Она будет полезной игрушкой. Только сострадание ее портит. Но это мы исправим.

— Я не кукла! — выкрикнула Марина, поразившись собственной смелости. Но она не могла больше терпеть, что ее называют игрушкой и обсуждают так, словно ее здесь нет.

Кукольник никак не отреагировал на эту выходку. Он только продолжал смотреть на Марину своим немигающим взглядом, и девочка очень быстро опустила глаза, не в силах больше выдерживать исходящего от мастера ледяного безразличия.

— У меня много игрушек. По всему миру, — неожиданно сказал он. — Теперь ты одна из них. Быть моей игрушкой совсем неплохо. Если они выполняют мои поручения, с ними все в порядке. Они даже получают поощрения. Если же игрушка упрямится, ее наказывают, а иногда даже уничтожают. Достаточно простой булавы. — Мастер неторопливо взял булаву со своего стола и поднес к Марининой кукле. — Достаточно вот этого.

— Что вы делаете, вы же ее убьете! — закричала Катя, а Марина крепко зажмурилась, но кукольник уже положил булаву на место.

— Я не ломаю игрушку без надобности, — пояснил он. — Только если нет другого выхода. Мне не нужны безжизненные куклы.

— Все эти... игрушки ваши? — переспросила Катя, которая хотела увести разговор от опасной темы. Она осматривала ряды кукол и не могла пове-

рить, что столько людей во всем мире находятся под властью этого странного и страшного человека.

— Здесь только небольшая часть, — пояснил кукольник. — Элита.

— Небольшая часть?! — воскликнула Марина.

— Незачем держать при себе все игрушки, — ответил мастер. — Здесь только те, которые управляют другими. В каждом регионе я выбираю игрушку, ответственную за других. Ее куклу я забираю с собой. Остальные — хранятся у нее. Свои поручения я передаю непосредственно ей, а она уж решает, кому из рядовых игрушек передать задание. Они отвечают за свое дело головой, а потому очень стараются. Мне не приходится приказывать дважды.

— А сколько же всего игрушек под вашей властью? — поинтересовалась Катя, что-то подсчитывая в уме. Сказанное мастером казалось абсолютно невероятным, но в его тоне сквозила такая уверенность, что девочки поверили ему безоговорочно. Кукольник просто излагал факты, не заботясь о том, как воспримут это остальные.

— Почти что достаточно, — ответил он, не называя, однако, точной цифры. — Мне осталось охватить несколько регионов. Один из них — ваш. Над ним я как раз работаю.

— А что же потом? — Любопытство Кати все возрастало.

— В один прекрасный момент мои игрушки возьмут власть, захватят ключевые посты по всему миру. А на верхушке этой пирамиды буду я. Весь

мир станет одной большой игрушкой, — впервые за весь разговор девочкам показалось, что в голосе кукольника послышалось что-то вроде торжества. Или просто смысл сказанного предполагал торжественность, а мастер оставался бесстрастным, как и всегда?

— Моей игрушкой, — с нажимом произнесла девочка, которая некоторое время стояла в стороне и о которой Катя с Мариной уже почти забыли. Глаза ее при этом недобро сверкнули.

— Зачем вы нам все это рассказываете? — спросила Марина. Кукольник никак не был похож на человека, который любит заниматься пустым бахвальством или даже просто посвящать кого-либо в свои планы.

— Ты должна понять, что ты не жертва, а избранная, — ответил кукольник. — Даже самые рядовые куклы — это будущая элита. Об этом я позабочусь.

— Просто дух захватывает! — воскликнула Катя, уязвленная, что ей самой было отказано во вступлении в эту самую элиту.

— Мне нужен руководитель вашего филиала. — Мастер, казалось, не обратил на эту реплику никакого внимания. — Кукол уже набралось немало. У тебя сильный характер, не то что у Вероники, которую ты зачем-то спасала. Ты подойдешь. — И он посмотрел на Марину, даже слегка подавшись вперед. — У тебя будут храниться другие куклы (ты, например, сможешь поиграть с Вероникой), а твою я, конечно, заберу с собой.

— Чтобы я стала надсмотрщиком?! — Марина даже задохнулась от возмущения. — Никогда в жизни!

— Дай мне ее куклу! — потребовала девочка. — Я ей все объясню. — Но мастер в ответ только покачал головой.

— Не хочешь быть командиром, останешься рядовым, — равнодушно проговорил он. — От этого ты никуда не денешься.

— Соглашайся, дура! — зашептала Катя, больно толкнув Марину в бок. — Он два раза повторять не будет. Только представь, какие у тебя будут возможности, какая власть!

Марина даже не находила слов. Она смотрела на подружку так, словно та внезапно превратилась в какое-то чудовищное или, скорее, омерзительное животное.

— Если хочешь, я подумаю над тем, чтобы сделать твою куклу. — Теперь мастер смотрел уже на Катю. — У тебя, как я вижу, есть честолюбие. Ты станешь неплохим руководителем вашего небольшого филиала. Для начала.

— Конечно! То есть... — Катя вдруг сообразила, что обратного пути уже не будет, и запнулась.

— Ты что?! Добровольно хочешь к ним в рабство?! — воскликнула пораженная Марина.

— Скоро в этом, как ты говоришь, рабстве будет весь мир, — зашептала Катя. — Лучше заранее занять хорошее место.

— Тебя я не тороплю, — проговорил кукольник. — Можешь подойти ко мне на днях. Это

серьезный шаг. Ты понимаешь, какое это щедрое предложение. К тому же за твою куклу я возьмусь не сразу. А вот у тебя никакого выбора нет. — Он снова посмотрел на Марину, от чего у девочки по спине побежали мурашки.

— Мой филиал еще не до конца укомплектован, — продолжил кукольник. — Нужно еще несколько человек. И есть некоторый перекос в сторону девочек, который нужно исправить. Одну из игрушек я выбрал. Вот фотография. — И он положил конверт с фото рядом с собой. — У тебя есть время до конца месяца, чтобы ее волосы были у меня.

— Но я не могу, я не хочу, я не буду... — растерянно бормотала Марина, ища выход из этой ситуации.

— Тогда последуют санкции, — ледяным голосом проговорил мастер, а маленькая девочка издала какие-то звуки, напоминающие противное хихиканье.

— Это совсем несложное задание, — пояснил он. — С таким справилась даже Вероника, одна из самых слабых игрушек. Хотя ты ей и помогла сама. А теперь — аудиенция окончена. — И кукольник неторопливо поднялся со своего стула. — Не забудь фотографию.

Марина, двигаясь как зомби, подошла и взяла конверт. Так же механически она пошла к выходу из мастерской. Рядом с ней шагала Катя, дрожа от возбуждения и нетерпения. Ей очень хотелось скорее обсудить все то, что случилось, а также было крайне любопытно, кто станет следующей игрушкой.

Дверь перед девочками распахнулась сама. Они быстро поднимались по полутемной лестнице, стремясь как можно скорее выбраться на свет. Над ними нависала тень мастера, который неторопливо шествовал за ними со своим неизменным «треном». Внучка же, очевидно, осталась в мастерской; по крайней мере, никто не заметил, куда она делась.

Дверь на улицу со скрипом отворилась, и Марину с Катей чуть не сбил сильнейший порыв ветра, несший с собой мокрый снег с дождем. Девочки едва удержались на ногах, но все же, преодолевая сопротивление, выбрались на улицу. Они пробыли в мастерской совсем недолго, не больше часа, но погода за это время успела испортиться капитально, разогнав всех гуляющих. Мастера же снег с дождем нисколько не волновал. Он поставил стул на привычное место и уселся на него наперекор всем стихиям. Его длинные грязные волосы развевались по ветру, а лицо, прямо в которое бил мокрый снег, оставалось абсолютно бесстрастным.

Глава XIV

Новая жертва

— Ты что, и вправду этого хочешь?! — возмущалась Марина. Она не могла понять, как Катя может добровольно согласиться на то, от чего она сама так мечтает избавиться. Они уже вернулись к ней домой и теперь отогревались чаем.

— А что тут такого? — отвечала та. — Только представь себе, какие открываются возможности! Если его куклы по всему миру, то какая это огромная сила!

— Но ты же станешь его игрушкой!

— Ты слышала, что он говорил. Скоро весь мир станет его игрушкой.

— Мало ли разных маньяков?! Нельзя же каждому верить! — закричала Марина.

— Он уже показал свои возможности, — возразила Катя. — Конечно, я сначала все выпрошу об условиях...

— А ты не подумала, что он может наврать?

— Но с тобой-то пока ничего страшного не случилось! — Идея стать кукольным начальником прочно засела в Катиной голове.

— Еще случится, — сказала Марина, которая не верила, что все это может закончиться хорошо. — Кстати, ты слышала, что все игрушки потом перейдут этой злобной девчонке? Уж не знаю, внучка она ему или кто...

— Это, конечно, проблема. — Катя призадумалась. — Ребеночек-то неадекватный... Но ведь кукольник за ней следит. Не дал же он ей твою куклу!

— Сначала дал. — Марина с содроганием вспомнила свою «болезнь».

— Может, она сама, без спроса взяла, — предположила Катя. — Он-то сам дядька серьезный!

— Уж куда серьезнее! — Марина вспомнила бесстрастное, маскообразное лицо мастера и еще раз содрогнулась.

— Ты подумай! — развивала свою мысль Катя. — На любой работе все то же самое. Выполняешь какие-то дурацкие задания, поручения. А потом: чуть что, и на тебе выговор, штраф... А тут — перспективы. Если только все получится...

— С работы можно уволиться... — возразила Марина. — А тут ты в рабстве на всю жизнь!

— Что ты твердишь: рабство да рабство! Что нас, в цепях будут держать? — Катя немного задумалась. — Это скорее на армию похоже. Ты должен выполнять приказы вышестоящих и отдавать их тем, кто ниже по званию. А тебе за это платят, кормят... А вот ты, вместо того, чтобы стать каким-нибудь лейтенантом, решила остаться солдатом. Очень даже глупо!

— Армия Родину защищает, а не какому-то маньяку служит, — тихо сказала Марина.

— Среди правителей тоже маньяки бывают. И их приказы прекрасно исполняются. И не только Родину защищать, но и напасть на кого-нибудь, — парировала Катя. — А этот мастер, он хотя бы не злой.

— Посмотришь, какой он, если сделаешь что-то не так, — мрачно проговорила Марина.

— Кстати, ты должна радоваться, если я сделаюсь твоим начальником, — заметила Катя. — Уж я-то тебе по дружбе ничего сложного поручать не буду.

— Вот уж спасибо, шеф! — язвительно произнесла Марина и хлопнула себя по лбу. — Ой, а про задание-то я и забыла!

— Открывай конверт скорее! Куда ты его дела? — загорелась энтузиазмом Катя. Ей не терпелось посмотреть, кто же будет ее возможным подчиненным. За спором с подружкой она об этом совершенно забыла.

— Сейчас открою. — Марина извлекла из кармана конверт и подрагивающими руками стала его вскрывать. Она нарочно медлила, хотя и понимала, что всего лишь оттягивает неизбежное. Мысль о том, что она сейчас узнает человека, которого вынуждена будет предать, повергала ее в ужас. Теперь она хорошо представляла себе, что должна была чувствовать Вероника, и прониклась к ней еще большим состраданием.

Карточка выпала из конверта, и Катя проворно подхватила ее на лету.

— Ха! Мишка из В-класса! Ничего сложного! — воскликнула она. — Интересно, что это мастер в нем нашел? Хотя... Парень умный. Ну и волосы у него хорошие...

— Дай сюда! — Марина выхватила фотографию, едва ее не надорвав.

— Ему будет несложно мозги запудрить, — размышляла вслух Катя. — Мальчишки вообще туповаты. К тому же мы его знаем. Веронике трудней было: и тебя разыскать, и познакомиться, и комедию разыграть...

— Я не смогу. — Марина опустила голову.

— Ты что, с ума сошла?! Не знаешь, что за это будет?!

— Знаю, но не смогу. — На самом деле она совсем не была уверена, что сможет выстоять, если кукольник начнет оказывать на нее давление. Но вот так, сама... Не то чтобы ей особо нравился Миша, спокойный и рассудительный мальчишка из параллельного класса. Они и не общались-то почти никогда. Просто Марина не могла себе представить, что может сделать такую гадость кому бы то ни было. Для нее это было почти что равнозначно тому, чтобы стать наемным убийцей.

— Сможешь! — отрезала Катя. — А я помогу. Вот завтра с ним и поговорим! А сейчас я домой пойду. Мне тоже подумать надо!

— Подумай! Хорошо подумай! — попросила ее Марина, надеявшаяся, что подруга все-таки откажется от своей безумной затеи.

* * *

Марина пошла в школу после бессонной ночи. В первый раз за долгое время она шла короткой дорогой, проходившей мимо кукольной мастерской. Теперь это было уже безразлично. Конечно, у нее вспыхивала порой безумная надежда, что сейчас она встретит девочку с куклой, но всерьез рассчитывать на то, что кукольник повторит свою ошибку, было просто глупо. Мастер уже сидел на своем привычном месте и удостоил Марину не большего внимания, чем прочих прохожих, спешивших в

этот утренний час кто на учебу, кто на работу. Девочка представляла себе, как подойдет к кукольнику и скажет, что отказывается выполнять его приказ. Она даже замедлила шаг, но... прошла мимо. Она была просто не готова встретить очередную порцию даже не угроз, а ледяного безразличия.

Катя была уже в школе. Разумеется, в классе подруги не говорили о случившемся. Любой, кто услышал бы хотя бы несколько фраз, решил бы, что они сошли с ума или же, в лучшем случае, обсуждают какой-нибудь фильм со странным сюжетом. Было видно, что Катя тоже не слишком-то хорошо спала, и Марина понадеялась, что она, быть может, одумается.

На переменах Марина искала глазами Мишу. Несколько раз он ловил на себе ее взгляд и, кажется, был несколько озадачен. А уж когда увидел такие же знаки внимания со стороны Кати, то и вовсе призадумался.

— Ну, что же ты с ним не заговоришь? — нетерпеливо шептала Катя на последней перемене. — Нечего время тянуть! Тебя вон сколько уговаривать пришлось!

— Ты еще на уроке подожди! — зашептала в ответ Марина. — То-то все порадуются!

— Точно! — вздохнула Катя. — Придется ждать до конца занятий. А то еще выскажет чего-нибудь такое, что нас все за дурочек примут.

— Не хочу я с ним разговаривать! — сказала Марина. — Не могу я так ни с того ни с сего подставить человека!

— Начну я! — подбодрила ее Катя. — Эх, что бы ты без меня делала!

Марина могла бы сказать, что без Кати она скорее всего отвергла бы щедрое предложение и жила бы сейчас спокойно, а про игрушки кукольника даже и не подозревала. Но ссориться с Катей, уже забывшей о своей вине, она не собиралась, поэтому просто промолчала.

Едва окончились уроки, как подружки первыми кинулись к выходу из школы, чтобы не прозевать Мишу. Тот вышел одним из первых, бросил на них странный взгляд и пошел в сторону своего дома.

— Здорово! Один идет! — обрадовалась Катя. — Пошли за ним. — И она, схватив вяло сопротивляющуюся Марину за руку, потащила ее за собой.

Они так увлеклись, что на перекрестке едва не налетели на Мишу. Тот обернулся, посмотрел на них и заговорил сам.

— Что это вы сегодня за мной по пятам ходите?

— Может, мы влюбились, — брякнула Катя.

Миша хмыкнул и собрался уже продолжить свой путь, но Катя ухватила его за рукав.

— Да погоди ты! — быстро заговорила она. — Никто в тебя не влюбился, можешь успокоиться! У нас к тебе дело есть!

— Какое дело? — Миша был явно заинтригован, хотя и напустил на себя суровый вид.

— Ты заработать хочешь? — спросила она.

— Ну... не отказался бы. — Миша явно не ожидал подобного предложения. — А что делать надо?

— Делать ничего не надо! Чистая халява! — заявила Катя.

— Так не бывает! — покачал головой Миша, ожидая, однако, пояснений.

— Бывает! — заверила его Катя. — Маринка тебе расскажет! — И она подтолкнула подругу вперед.

— В общем, тут надо... Волосы... — лепетала Марина, густо покраснев и опустив голову. — Нет, я не могу! — И она побежала прочь, в сторону своего дома.

— Вернись, дура! — закричала Катя, но Марина словно не слышала ее и продолжала свой бег.

— Что с ней? Она что, больная? — Миша совсем растерялся. Ему казалось, что его глупо разыгрывают, а потом будут хихикать над его растерянностью.

— Пусть бежит! — махнула рукой Катя. — Я с ней потом сама разберусь. А дело вот в чем. Знаешь кукольную мастерскую?

— Кто ж ее не знает! Мимо нее раз пройдешь, всю жизнь не забудешь! Особенно ее хозяина ненормального!

— Так вот, этот кукольник немного того! — Катя сделала характерный жест. — Для своих кукол он использует настоящие волосы. И, если что-то волосы ему приглянулись, он готов платить сумасшедшие деньги.

— И что? — спросил Миша, машинально пригладив свои густые, пышные волосы, которым позавидовали бы многие девчонки. Конечно, он уже

понял, в чем дело, но предпочитал, чтобы Катя сама все рассказала.

— Что-что! — передразнила Катя. — Ему понравились твои волосы, и он готов за них выложить... — Она наклонилась к Мише и назвала сумму.

— Столько! — воскликнул мальчик. — Да он точно псих!

— Именно столько! — подтвердила Катя.

— А что же мне, лысым ходить?! — забеспокоился Миша. — Как какой-нибудь бритоголовый?

— Да брось ты! — махнула рукой Катя. — Ему совсем немного надо. Отрежет так, что никто и не заметит! Вот Маринка разве лысая?

— А он что, ее волосы уже брал?

— Ну да! — подтвердила Катя.

— А что это она такая... странная? — подобрал Миша нужный эпитет.

— Черт ее знает! — пожала плечами Катя. — Долго болела. Наверное, до конца так и не выздоровела.

— Что-то здесь не так! — почесал затылок Миша. — Уж слишком все здорово получается! И Марина какая-то странная... Что-то ты недоговариваешь!

— Ну, как хочешь! — бросила Катя с внешним безразличием. — Только не слишком-то долго думай. А то передумает мужик, и останешься с носом. А вообще: пошел бы и спросил у него сам. — И она, оставив задумавшегося Мишу, пошла к Марине, чтобы рассказать о своих успехах и поругать за нерешительность.

— Ну, ты даешь! Чуть все не испортила! — с порога заявила Катя.

— Я знаю, — вздохнула Марина. — Ты лучше скажи, что дальше было!

— Что дальше. — Катя устало плюхнулась в кресло. — Я ему рассказала о предложении кукольника, и он, конечно, клюнул. Если бы ты нормально себя вела, он, может быть, уже и пошел бы. Взяли бы его, что называется, тепленьким! А так — засомневался. Теперь будет раздумывать вроде тебя. Придется, наверное, еще с ним проводить воспитательную работу!

— Мы должны рассказать ему все, как есть, — тихо сказала Марина.

— Совсем спятила! — Катя выразительно pokrutila пальцем у виска. — Ты что, забыла, что происходит с непослушными... игрушками. Кто тебе этот Миша? Не брат, не племянник. Ты его и не знаешь-то почти!

— Но он же ни в чем не виноват!

— Так ты его и не убивать собираешься! Подумаешь, будет иногда выполнять какие-то поручения! Еще спасибо скажет, когда поймет что к чему! — Катя даже разозлилась на Марину за ее бестолковость. — Скажи спасибо, что у тебя есть я! Без меня бы ты это задание как пить дать провалила! Все-таки повезло тебе с руководителем! — В пылу спора она уже считала свое назначение кукольным начальником свершившимся фактом.

Марина уже устала спорить с подругой, но твердо решила, что сделает все по-своему. Она только надеялась, что Миша пока не успел совершить сделку с мастером. Девочки принялись за уроки, как будто ничего не произошло, и это заняло непривычно много времени, потому что их мысли витали далеко, все время возвращаясь к кукольной мастерской.

— Не вздумай надеть глупостей! — предупредила Катя, когда уходила домой. — С Мишкой я сама управлюсь. А ты наблюдай и учись!

Глава XV

Что делать?

— Послушай, а ты действительно продавала волосы этому кукольнику? — Миша сам подошел к Марине и задал ей прямой вопрос.

Вчера он долго ломал голову над странным и больно уж щедрым предложением. Больше всего оно напоминало розыгрыш. От Кати можно было ожидать чего угодно. Но вот Марина вела себя так, словно речь шла о чем-то очень серьезном. Трудно было предположить, что она такая хорошая актриса.

Ближе к вечеру Миша, покончив с уроками, решил-таки прогуляться до мастерской. Он почему-то думал, что кукольник, если заговорить с ним, будет очень удивлен. А еще мальчик представлял, что девчонки наблюдают за ним, чтобы

потом поднять на смех. Поэтому шел он, внимательно оглядываясь по сторонам, словно шпион.

На подходе к мастерской он заметил, что его решимость поговорить с хозяином напрямую постепенно улетучивается. Он редко проходил по этой улице, и уже успел подзабыть, как выглядит этот человек. Теперь же, приглядевшись, Миша увидел, что его внешность, его лицо, его ледяной, пронзительный взгляд не слишком-то располагали к откровенной беседе. Тем не менее мальчик решился задать свой вопрос: «Вы действительно покупаете волосы?» Миша остался недоволен, как робко это у него получилось. «У тебя бы купил», — одними губами ответил мастер и назвал свою цену. Мальчик оцепенел. Выходит, все, что он услышал, было правдой. Но в то же время это звучало уж слишком заманчиво. «Ты хочешь их продать сейчас?» — поинтересовался кукольник. «Нет, я еще подумаю», — ответил Миша, не готовый к этому шагу. Мастер едва заметно пожал плечами и, казалось, потерял к собеседнику всякий интерес.

На обратном пути Миша ругал себя за то, что отказался от такого предложения просто из-за какого-то дурацкого предчувствия. Но в то же время испытывал некоторое облегчение. Почему-то в душе эта сделка ему очень не нравилась. К тому же он был не прочь разузнать подробности. Вот почему на первой же перемене он нашел Марину (Катя, неотступно сопровождавшая ее вчера, куда-то отлучилась) и обратился к ней.

— Я? — Марина думала о том, чтобы поговорить с Мишей, но то, что на эту тему заговорил

он, было для неё полнейшей неожиданностью. — Да... То есть... да. Но это не совсем то, что ты думаешь... — Она совсем растерялась.

— Откуда ты знаешь, что я думаю! — резонно заметил Миша, не ожидавший, что простой вопрос вызовет у девочки такое смятение. — Можешь рассказать толком, в чем тут дело и где подвох?

— А ты уже сделал это? — вдруг воскликнула Марина.

— Еще нет, только поговорил, — мотнул головой Миша.

— Ну и слава богу! — выдохнула Марина. На самом деле она не знала, чего хотела больше. Если бы все было уже закончено, то она, конечно, ощущала бы вину за то, что вовремя не предупредила очередную жертву, зато почувствовала бы себя в безопасности хотя бы на время. Но теперь... Теперь она понимала, что совесть не позволит ей умолчать о последствиях. Она спасет этого мало-знакомо-го мальчика. А себя... Лучше было об этом не думать.

— Можешь ты мне объяснить или нет? — Миша уже начал терять терпение. Он подумал, что болезнь, которую упомянула Катя, действительно плохо сказалась на умственных способностях Марины.

— Если ты согласишься, то станешь игрушкой! — отчетливо, почти по слогам произнесла Марина.

— Ну, знаешь! — Миша ожидал чего угодно, но только не этого. Он собирался уже пойти в класс и постараться забыть об этом разговоре, но Марина его удержала.

— Подожди и выслушай! — воскликнула она. — Если я не расскажу это сейчас, то потом уже могу не решиться!

— Но это же бред!

— Это не то, что ты думаешь. Ты не превратишься в игрушку напрямую, но...

Ее фразу прервал звонок на урок. Школьники торопливо разбегались по классам. Миша собирался последовать их примеру, но Марина снова его удержала.

— Пойми! Это гораздо важнее! А рассказывать долго! — едва ли не закричала она и потащила слабо упирающегося мальчика к выходу из школы.

Миша пытался что-то сказать про уроки и прогулы, но Марина его не слушала или просто не слышала и упрямо тянула за собой. В конце концов он сдался. Какой-то внутренний голос убеждал его, что эта девчонка действительно знает что-то очень важное. Конечно, судя по поведению и отдельным фразам, у нее явно не все дома, но тогда тем более нельзя оставлять ее одну. А то еще выкинет чего-нибудь! А ты потом будешь всю жизнь чувствовать себя виноватым. Правда, прогуливать ни с того ни с сего очень не хотелось, но что делать, если такая странная ситуация...

* * *

Рассказ действительно получился долгим. Марина с Мишей устроились в парке, практически на том же самом месте, где к ней недавно подошла

Вероника. Сначала мальчик отпускал удивленные и недоверчивые реплики, потом стал задавать уточняющие вопросы, а под конец только внимательно слушал. Марина рассказала всю свою историю, начиная от предложения кукольника и кончая полученным заданием. Сперва ей было трудно справиться с мыслями, но потом, во многом благодаря тому, что Миша был таким внимательным слушателем, рассказ потек гораздо более связно.

Когда Марина, наконец, все рассказала, наступило длительное молчание. Девочка была эмоционально опустошена, еще что-то говорить у нее не было сил. Теперь над ней маячила тень неминуемого и жестокого наказания. Мише же нужно было время, чтобы осмыслить услышанное. Уж слишком невероятным оно казалось.

— Ты очень смелая. И честная, — сказал наконец он. Даже если Марине все это почудилось, даже если это была всего лишь фантазия, не оставалось сомнений, что она искренне во все это верит. И Миша понимал, какого огромного труда стоило ей рассказать все это, решиться, рискнуть...

— Спасибо, — тихо ответила Марина. — Только ты же мне все равно не поверил.

— Почему не поверил? — запротестовал он. — Я... я просто пока не знаю. Мне надо подумать. Уж очень это неожиданно...

— А, вот вы где! — раздался знакомый голос. К ним шла запыхавшаяся Катя. — А я тут по всему городу вас ищу. Ты даже на звонки не отвечаешь! Я уж думала, телефон забыла. — Действительно,

во время разговора телефон Марины, купленный на «кукольные» деньги, несколько раз начинал звонить, но девочка не обращала на звонки никакого внимания и только отключила звук.

— Ах, этот! — Марина достала из сумочки телефон и, вспомнив, каким образом он ей достался, с размаху запустила его в сторону реки, уже готовящейся к тому, чтобы покрыться льдом. Бросок получился хорошим, если судить по громкому всплеску.

— Ты что делаешь?! — в один голос воскликнули Катя и Миша.

— А я хочу быть свободной! Хотя бы последние несколько дней! — беспечно заявила Марина. Она действительно вдруг почувствовала неожиданную легкость, словно избавилась от тяжелого груза. — А остатки денег потом сожгу! Как Настасья Филипповна.

— Совсем спятила! — вздохнула Катя. — Говорила же я тебе: не вмешивайся, сама все сделаю. А ты!.. — И она укоризненно посмотрела на Марину.

— Это все правда? — спросил Миша у Кати.

— Чего уж теперь! Правда! — ответила она. — Вот ты, как нормальный человек, скажи: стал бы ты все рассказывать, если бы получил такое задание?

— Не знаю... — покачал головой Миша. — Конечно, по-хорошему должен был бы рассказать... Но смог бы или нет...

— И он туда же! — Катя закатила глаза. — Вы с ней прекрасная парочка!... Только, если ты

такой хороший, то должен теперь пожертвовать собой. Как истинный рыцарь. Дон Кихот какой-нибудь, Айвенго или как их там? — добавила она, немного подумав.

— Наверное, должен. — Миша опустил голову. — И какого черта он меня выбрал!

— В общем, так. Слушайте мою команду, как будущего начальника, — решительно сказала Катя. — Сейчас торопиться не нужно. Подождите до конца срока, а там уж разбирайтесь между собой. Кто там из вас чем жертвовать будет. — И, посмотрев на Марину, с чувством добавила: — А все-таки ты дура!

— Погодите вы! Должен же быть какой-то способ вырваться на свободу! — воскликнул Миша. — Надо только подумать хорошенько...

— Люди по всему миру думали и ничего не придумали, — заявила Катя. — Если ты такой умный, то дерзай!

* * *

Следующие несколько дней ребята провели в мучительных раздумиях. Миша так вообще весь извелся. Он стоял перед страшным выбором: добровольно отправиться в рабство или бросить на произвол судьбы пожалевшую его Марину. Конечно, он прекрасно понимал, какой из этих поступков будет правильным, но вот как на это решиться... Катя, переживавшая за свою совестливую подругу, неоднократно внушала ему, что следует поступить по-рыцарски.

От Марины уже ничего не зависело, и она просто наслаждалась последними свободными днями, стараясь не думать о том, что последует дальше. Она выполнила свое обещание и сожгла деньги, полученные от кукольника, после чего Катя решила, что ее подруга окончательно сошла с ума.

Теперь Марина с Мишей ежедневно проводили много времени вместе. Общее несчастье сблизило их. К тому же делиться своими мыслями и идеями они могли только друг с другом. Окружающие, разумеется, сделали свои выводы и многие посмеивались над «романтической парочкой». Один раз Миша даже подрался с одноклассником, сделавшим чересчур смелые предположения. После этого он долго ходил с распухшим носом, но противник понес гораздо больший урон.

Катя считала, что победить кукольника с его армией игрушек все равно не получится, а потому лучше смириться с неизбежным и постараться завоевать его доверие. Конечно, она была бы рада, если бы мастера удалось победить или хотя бы заставить вернуть Маринину куклу, но совершенно не верила в такую возможность. Она частенько проходила мимо мастерской, и ей даже стало казаться, что кукольник стал смотреть на нее более благосклонно. В советах, которые устраивали Марина с Мишей, Катя не участвовала, считая их пустой тратой времени.

Миша предлагал попробовать ограбить кукольную мастерскую, но это было делом трудноосуществимым. Мастер практически всегда находился при ней, двери были крепкие, а риск — огром-

ным. В случае неудачи жизнь Марины висела бы на волоске. Тем не менее Миша долго наблюдал за мастерской, но так и не нашел уязвимых мест. Просто же напасть на кукольника — тоже было не лучшим выходом. Марина вспомнила, какая сила была даже у девочки, и предполагала, что мастер, уж конечно, не уступает ей.

— Ты знаешь, как тщательно некоторые дикари прячут свои состриженные волосы или обрезки ногтей? — как-то спросил Миша.

— Наверное, правильно делают! — немного подумав, сказала Марина.

— Точно! Они боятся, что если эти вещи попадут к колдуну, то они могут оказаться в его власти! Поэтому прячут их или закапывают в укромном месте.

— Знать бы это заранее! — вздохнула девочка.

— Вот если бы сделать куклу с волосами этого самого кукольника... — подал идею Миша.

— А ты умеешь? — скептически спросила Марина. — Не думаю, что обычная кукла тут может помочь, даже если бы и умел...

— Я-то не умею. А вот кукольник умеет, — глубокомысленно заметил Миша.

— Он-то, к сожалению, умеет, — произнесла Марина, и тут вдруг поняла, к чему он клонит. — Ты думаешь подменить волосы? — осторожно спросила она.

Миша молча кивнул.

— Но как это сделать? И как добыть его волосы? — спросила Марина.

— Не знаю, — вздохнул Миша. — Я над этим думаю-думаю, и ничего придумать не могу. Но это, наверное, единственный разумный способ.

— Ничего не получится. — Марина покачала головой. — Ты на него посмотри: он, наверное, в жизни никогда не стригся! А если и стригся, то за своими волосами следит, будь спокоен!

Тем не менее этот разговор имел последствия...

Глава XVI

Старая кукла

— Ну и внучка у этого кукольника! — заявила с порога Катя, придя в гости к Марине и застав там и Мишу.

— И как опять отличилось это чудо? — спросила Марина, которую девочка пугала куда больше, чем хозяин мастерской. Тот хотя бы был хладнокровен и бесстрастен, а у ребенка периодически выскакивала наружу недетская злоба. Больше всего Марина боялась, что ее кукла опять попадет к ней в руки.

— Иду я сегодня мимо мастерской. Дай, думаю, поздоровуюсь с «директором», — начала Катя, которая иногда в шутку так называла кукольника. — Смотрю, мастера на месте нет, а у дверей сидит эта девчонка.

— С куклой? — спросила Марина, у которой мелькнула было надежда, что кукольник все-таки повторит свою ошибку.

— Без куклы! Не мешай! — огрызнулась Катя. Она терпеть не могла, когда кто-нибудь перебивал ее рассказ, хотя сама частенько этим грешила. — Сидит она и разглядывает какие-то волоски. И мне показалось, что я их где-то видела.

— Очередная жертва, — резонно предположил Миша.

— Вот и я так подумала, — кивнула Катя. — Спрашиваю у нее: «Новая игрушка?». Надо же с ней хорошие отношения поддержать! На будущее. — Марина с Мишей при этих словах дружно поморщились. — А она говорит: «Игрушка». Я спрашиваю: «А кто это?» — Катя сделала драматическую паузу.

— И кто же? — без особого энтузиазма спросила Марина, понимавшая, что Катя ждет этого вопроса.

— А она и говорит: «Когда научусь делать куклы, сделаю куклу дедушки! И буду играть так, как хочу!» Представляете?! И противненько так захихикала! «Я, говорит, эти волосы давно собираю! Уже набралось сколько надо!» Вот смену кукольник растит! Я вот думаю: если кукольника предупредить, это хорошо будет или слишком рискованно?

— Вот оно! — воскликнул Миша и в возбуждении забегал по комнате. — Вот он, наш шанс! Я немедленно иду туда и отдаю свои волосы! А девчонку надо надоумить, чтобы она их подменила!

— Не получится! — покачала головой Марина. — Неужели твои волосы похожи на его?! Он сразу все поймет.

— Ну, это уж дело внучки. Подкрасить, или еще что сделать. Можем ей и краску подобрать! — не сдавался Миша.

— Вы хотите, чтобы эту идею подсказала я? — Катя немного опешила. Она не предполагала такого развития событий.

— Конечно, ты! А кто же еще? Это с тобой она откровенничает! — убеждал Миша.

— Но это, это рискованно! Вдруг это ловушка? — осторожно предположила Катя.

— Тебе-то все равно ничего не грозит! Ты волосы пока что не отдавала, — подала голос Марина.

— Это верно. — Катя задумалась. — Разве что хорошее место потеряю... Да и не станет девчонка говорить деду, что хотела его так подставить... Но вдруг все куклы к ней перейдут? Это будет похуже, чем мастер...

— Он найдет способ с ней справиться, — возразила Марина. — Если, конечно, мы куклу не перехватим.

— А как? — Катя хотела, чтобы план был продуман до конца.

— Времени нет обсуждать! — заявил Миша. — Значит, так: сначала иди ты и подавай девчонке идею, если она еще там. А потом, когда мастер вернется, я пойду... стричься. Ну, что: идет?

— Ладно. Чего не сделаешь для друзей, — вздохнула Катя. — Но учтите: вы сильно рискуете, и мне эта идея совсем не по душе. — И она вышла из Марининой квартиры, громко хлопнув дверью.

— Только бы она не подвела! — нервно говорила Марина. — Ведь она сама чуть добровольно игрушкой не стала.

Миша же просто стоял перед зеркалом и задумчиво приглаживал свои волосы...

* * *

Тем же вечером Миша подошел к кукольнику и согласился продать ему немного своих волос. Мальчик изо всех сил старался казаться спокойным. Ведь если бы мастер заметил его чрезмерное волнение, то мог бы догадаться, что здесь какой-то подвох или, по крайней мере, что его очередная игрушка осведомлена обо всем гораздо лучше, чем предполагалось. Но все прошло как по маслу. Кукольник спокойно отрезал небольшую прядь волос и вручил полагающуюся сумму. Мише даже подумалось, что этот человек заранее знал о том, что он придет сегодня. Но, возможно, мастер просто всегда держал конверт с деньгами при себе.

Потянулись дни ожидания. Ничего особенного ни с Мишей, ни с Мариной не происходило. Они были готовы принять любое мелкое недомогание за признак того, что с ними начали «играть». К счастью, любые опасения быстро развеивались. Ребята уже хотели, чтобы как можно скорее произошло хоть что-нибудь, настолько угнетало это постоянное нервное напряжение. Но то ли процесс изготовления куклы затягивался, то ли мастер, который вообще не имел привычки торопиться, держал паузу.

Катя тоже переживала вместе со всеми. Девочку она больше не встречала, поэтому не представляла, как та восприняла ее коварный совет. Ей вдруг пришла в голову пугающая мысль: а что, если кукольник обо всем узнал и теперь просто выжидает, когда представится удобный случай ей отомстить. Но, если так оно и было, то мастер, когда она его видела, проходя мимо, не выражал никаких эмоций. Впрочем, в последнее время двери мастерской частенько были закрыты. Очевидно, новая игрушка требовала долгой и кропотливой работы.

Тем более неожиданным было для Марины, когда она, проходя в очередной раз мимо кукольной мастерской по дороге из школы, услышала бесстрастный глухой голос, который так хотела бы забыть!

— Аудиенция завтра. Приходите все трое.

Марина повернулась к мастеру, но увидела только его холодный взгляд. Он сообщил все, что считал нужным, и больше не намерен был тратить время на общение со своей игрушкой.

* * *

Вечером у ребят состоялся «военный совет». Дело было в пятницу, так что для обсуждения и подготовки у них был не только вечер, но и завтрашнее утро. Раз мастер не указал время, готовиться можно было хоть до следующего вечера. Но все чувствовали, что в этом случае они просто сгорят от нетерпения и волнения.

В принципе особой подготовки и не требовалось. Надо было только согласовать свое поведение. Миша в любом случае должен был изображать недоумение, удивление, возмущение. Несколько раз ребята прорепетировали эту сцену, но получалось пока что не слишком убедительно. Оставалось надеяться, что кукольник не обратит особого внимания на то, как ведет себя очередная игрушка, а также, что Миша, попав в мастерскую, будет несколько ошарашен безо всякого притворства. Да и вероятность того, что скоро он станет рабом, не добавит ему веселости.

Катя решила, что если девочка все рассказала мастеру, то она просто попытается сбежать. Правда, она не определилась еще до конца, соглашаться ли, в случае чего, на предложенное «начальственное» место. По зрелом размышлении оно казалось не только привлекательным, но и пугающим.

Марина свое задание выполнила, пусть и не так, как предполагал кукольник, так что ей в общем-то ничего не грозило. Кроме того, что она могла остаться игрушкой на всю оставшуюся жизнь.

Но самым главным вопросом, безусловно, было: решилась ли внучка кукольника на подмену. Скорее всего, конечно, она не успела бы это сделать настолько быстро. Хотя... От такого ребенка ожидать можно было всего, что угодно. Тем более, что мастер, похоже, держал себя с ней строго и не давал особой воли в отношении игрушек. А для такого своевольного существа переносить это было не так-то просто.

Трудно было представить, на кого в первую очередь обрушится гнев мастера, если все будет раскрыто. С одной стороны, сам собой напрашивался вывод, что Марине с Мишей придется очень плохо. А заодно и Кате, если кукольник, конечно, до нее доберется. Но, с другой, прошлую Маринину попытку освободиться мастер не считал преступлением. Очевидно, упорные и не сдающиеся перед трудностями люди чем-то его привлекали. Быть может, они просто требовались ему в некотором количестве для армии игрушек.

Самым трудным было решить, что делать, если у них все-таки появится шанс, если девочка подменила волосы, если мастер сделал собственную куклу. Ясно, что следовало попытаться ей завладеть. Но как? Такой шанс мог бы предоставиться, только если бы она оказалась в руках у его внучки. Но любая ошибка могла бы стоить здесь жизни как Мише, так и Марине. Катя предлагала им не рисковать, но, судя по хмурому и решительному виду друзей, она понимала, что ее уговоры едва ли возымеют действие.

* * *

Утром выпал первый снег. Ребята шагали по нему, и их следы четко обозначали цель их пути — мастерскую. Поспать в эту ночь удалось только Кате. Остальные же не сомкнули глаз.

В этот раз дорога к кукольной мастерской заняла куда меньше времени. Марина с Катей, на-

верное, замедлили бы шаг, как и в прошлый раз, но нахмурившийся и молчаливый Миша быстро шел впереди, так что девочкам не оставалось ничего, кроме как поспевать за ним.

Кукольник невозмутимо сидел у мастерской в своей повседневной одежде. На его волосы падал снег и тут же таял, но он не обращал на это ни малейшего внимания. Марина невольно задумалась, а что будет, когда пойдет сильный снегопад. Ведь так недолго и в сугроб превратиться с его неподвижностью. Она едва не рассмеялась, представив этого страшного человека в виде снеговика. Это хоть как-то помогло ей расслабиться и немного успокоиться.

Мастер, как и в прошлый раз, ни слова не говоря, поднялся со своего стула и пошел внутрь. Ребята, не мешкая, спустились следом. Миша, когда шел сзади, подумал даже: а не напасть ли на кукольника сейчас? Но делать этого не стал. Очевидно, тот был готов к нападению или же имел причины верить в свою неуязвимость. Такой простой ошибки этот хладнокровный человек ни за что бы не допустил. К тому же где-то внизу находилась внучка с куклами, которая, судя по всему, мешкать с мексией не станет.

Мастерская со времен прошлого визита нисколько не изменилась. Разве что на столе сидели рядышком две куклы. Одна из них была до боли знакома Марине. Вторую же все присутствующие видели впервые. Очевидно, это как раз и было новое творение мастера. При виде ее у Миши не-

хорошо похолодело внутри. Волосы, по крайней мере на первый взгляд, были взяты у него.

— Ты знаешь, кто ты теперь такой, — произнес кукольник, глядя на Мишу. Он произнес эти слова, едва устроившись в наполеоновской позе на своем извечном стуле.

— И кто я такой? — спросил Миша, стараясь унять дрожь в голосе.

— Она тебе сказала. Не знаю только, до или после.

Марина опустила глаза. Играть в неведение больше не было смысла, кукольник видел ее насквозь.

— Вы просто задурили ей голову! Ей и Кате. Гипнозом или еще чем-то! — дерзко воскликнул Миша. — Что касается меня, то я во все эти сказки не верю! Я и пришел-то сюда, чтобы разобраться, что к чему. Да вот Марине помочь.

Миша отчаянно рисковал. Но он во что бы то ни стало должен был выяснить, его это кукла или нет! Если его, то смириться он успеет и потом. А вот если нет, тогда у него и у Марины есть шанс.

— Я думал, ты более понятливый. — Мастер не выказывал ни малейшего раздражения. — И с тобой не надо предварительно играть. Это было ошибкой. Мог бы понять, когда увидел сны. — Очевидно, сны должны были появляться у всех «игрушек», и Миша, поняв это, едва не подпрыгнул от радости. Он, конечно, в последнее время спал неважно, но не видел во сне ничего особенного!

Кукольник взял новую игрушку, а в другой руке у него оказалась булавка.

— Все зависит от того, куда я нанесу укол, — произнес он. — Если сюда. — Он указал на грудь, а потом на голову, игрушка безвозвратно сломается. А если сюда. — Теперь булавка проделала путь над руками и ногами куклы. — Тебе будет очень больно. Как ты думаешь, что я выберу?

— Выбирай, что хочешь! — процедил сквозь зубы Миша, пытаясь унять дрожь. Сны снами, но мало ли что... Когда булавка едва не прикасалась к кукле, мальчик чувствовал себя так, словно к его горлу приставили нож. — Все равно этого быть не может! Я в это не верю!

— Не надо! Он ничего не понимает! — закричала Марина, когда булавка почти прикоснулась к груди куклы. Она понимала, что за игру ведет Миша, но очень боялась, что кукольнику это надоест, и он решит все закончить одним ударом. Вернее, одним уколом.

— Лучше просто покажите ему, что можете сделать! — воскликнула Катя, как будто кукольник нуждался в ее совете. — Он потом может вам пригодиться!

— Дай игрушку мне! — раздался требовательный тонкий голос. Девочка и на этот раз умудрилась подкрасться неслышно.

— Возьми, — согласился кукольник. — Только не переусердствуй. Он нам еще понадобится.

Девочка подошла к столу, взяла новую куклу и торжествующе рассмеялась.

— Я унесу эту куклу с собой! — заявила она. — А поиграю с ней потом.

Ребята стояли в недоумении, пытаясь понять, чья же это все-таки кукла. Если девочка ее унесет, как собирается, то пользы от этого не будет никакой. Если для изготовления использованы волосы Миши, то ему предстоит очень трудный и опасный период. Если же волосы принадлежат мастеру... Тогда девочка попробует играть с ним. Но кукольник наверняка поймет, кто ее надоумил, и тогда...

— Нам нужно закончить дело сейчас, — возразил мастер, — поиграешь, если он будет упрямиться.

— Кто будет упрямиться? — захихикала девочка. — Кто он?

Мастер долго смотрел на нее. А потом протянул руку и отчетливо произнес: «Отдай куклу мне!»

— Эта кукла теперь моя! — рассмеялась внучка мастера. — Теперь все игрушки мои!

Даже тут ребята еще не могли до конца понять: то ли девочка действительно держит куклу, с помощью которой может управлять мастером, то ли эта какая-то изощренная игра, которые они затеяли на пару.

Реакция кукольника была молниеносной. Никто даже не заметил, как он сорвался с места. Осталось только порадоваться, что Миша не надумал напасть на него. Как тигр, он сорвался с места (куда только девалась его неторопливость!), ухватился за куклу. Девочка тоже не отпускала ее. Конечно,

силы были неравны, и борьба продлилась бы секунды, будь это нормальная кукла. Но... Было видно, как мастер страдает от боли, которую он чувствовал, когда куклу тянули в разные стороны.

— Что ты делаешь! — прошипел он. — Мы одно целое! Отдай немедленно! Это ловушка! — Даже сейчас его голос казался равнодушным и безжизненным.

Но девочка, твердо решившая стать самой главной в «игрушечном» мире, его не слушала и, продолжая улыбаться, тянула куклу на себя. Ребята, ошеломленные зрелищем разыгравшейся борьбы, несколько секунд молча наблюдали за ней.

— Это его кукла! — воскликнула Катя.

И тут Миша очнулся. Он подскочил к столу, схватил булавку, которой кукольник еще недавно угрожал ему, и с силой воткнул в раздраемую на две части куклу...

* * *

— А где же кукольник и девочка? — растерянно произнесла Катя. Еще недавно эта парочка была рядом, отнимая друг у друга игрушку, а теперь...

— Я думаю, здесь... — И Марина кивнула на две куклы, лежащие на полу.

Они были совсем небольшими, но в них легко угадывалось сходство со знакомыми персонажами. Одна, почти совсем новенькая, изображала девочку с иссиня-черными волосами и очень бледной кожей, на кукольном личике которой застыла

странная улыбка. Другая же, очень старая и истрепанная, изображала высокого человека с длинными волосами, гордо восседающего на игрушечном стуле. А вот кукла, из-за которой происходило сражение, бесследно исчезла. Только булавка, отчего-то почерневшая, валялась на полу.

— Не может быть! — хором выдохнули Миша и Катя. Но никакого другого объяснения они предложить не могли.

Ребята смотрели на ряды кукол, и их не покидало ощущение, что в них что-то изменилось. Они стали какими-то более обыкновенными.

— Глаза! — прошептала Марина.

И действительно, глаза у игрушек стали безжизненными, кукольными. Конечно, куклы были сделаны мастерски, но из них исчезла какая-то изюминка.

Марина медленно подошла к столу и взяла в руки свою куклу. Нерешительно и осторожно она наклоняла ее, нажимала на разные участки кукольного тела... И каждый раз с радостью убеждалась, что ничего при этом не ощущает. И только тогда она поняла, что отныне свободна! Как и все остальные игрушки старого кукольника...

Содержание

ЧЕРНЫЙ ФОТОГРАФ. Повесть	5
БУНТ МАРИОНЕТОК. Повесть	171

Литературно-художественное издание

Для старшего школьного возраста

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ

Александр Белогоров

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ

18

ЧЕРНЫЙ ФОТОГРАФ

БУНТ МАРИОНЕТОК

Ответственный редактор *Т. Кузнецова*
Редакторы *О. Лифинцева, М. Бродская*
Художественный редактор *Н. Никонова*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *И. Кондратюк*
Корректор *М. Колесникова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 09.09.2009.
Формат 60х90 1/16. Гарнитура «Галеон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 5000 экз. Заказ №7021.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменный ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**

обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменный ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kancs@eksmo-sale.ru, сайт: www.kancs-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.

Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Новая улётная серия

Ирка Хортица – суперведьма!

Ей 12, она живет в обычном городе и, как все, ходит в школу...
А еще – составляет заклинания, сражается со злыми силами и
летает на ухвате!
Она современная девчонка и наследница древних магических сил...
Но сможет ли она с ними справиться?

ВСТРЕЧАЙТЕ
первую книгу серии!

Илона Вольнская,
Кирилл Кащеев
**Фан-клуб
КОЛДОВСТВА**

Серия
**Для тех,
кто хочет
ПОБЕДИТЬ
свои страхи!**

Серж Брюссоло

Новые книги известного цикла «Пегги Сю и призраки» продолжают рассказ о приключениях отважной девочки, которая в компании с синим псом и другими необычными друзьями сражается со злом. В книгах Сержа Брюссоло волшебство реально, как нигде больше... Реально и необратимо! Но это и делает их такими увлекательными!

**ПОБЕДИ
СВОИ СТРАХИ
С БЕСТСЕЛЛЕРАМИ
О ПЭГГИ СЬЮ!**

**«День
синей собаки»**

«Сон демона»

**«Бабочка
из бездны»**

**«Заколдованный
зоопарк»**

www.eksmo.ru

*Новая серия для
юных супергероев!*

Антон Иванов ● Анна Устинова

«Тайны московской принцессы»

- *Представь:* за дверью чулана привычной старой квартиры скрыт портал в другую реальность. И однажды ты его обнаружишь...
- *Представь:* твоя сверстница, обыкновенная девчонка, на самом деле – принцесса из параллельного мира. И только тебе под силу помочь ей распутать смертельно опасный клубок тайн и загадок...
- *Представь:* скоро ты станешь мечтать о скучной жизни без приключений! Но единственным способом вернуться домой будет прыжок в Колодец Забвения...

Трудно представить?!

Тогда открой эту книгу...

Черный фотограф

Не видать Лешке летних каникул, как своих ушей! Это ж надо, сломать ногу, упав на ровном месте! Теперь он точно все лето просидит дома с гипсом. А тут еще эта скверная фотография, сделанная как раз перед несчастным случаем... От нее просто мороз по коже! Сам фотограф мальчику тоже не понравился, правда, чем именно, объяснить было сложно... Но теперь не один Лешка вынужден сидеть дома. Все его одноклассники, попавшие на снимки загадочного фотографа, тоже больны и медленно угасают...

Бунт марионеток

Витрина кукольной мастерской завораживала не только Марину. Выставленные там игрушки были сделаны до того искусно, что казались живыми. Поглазеть на них приходили многие горожане — несмотря на то, что хозяин мастерской симпатии не внушал. Высокий, бледный старик с длинными спутанными волосами пугал всех без исключения, никто не мог выдержать его взгляд и никто никогда не слышал его голос. Какого же было удивление Марины, когда кукольник сам заговорил с ней, предложив девочке за огромные деньги купить прясть ее волос...

Читай осторожно!
У зла много масок...

ISBN 978-5-699-38264-4

9 785699 382644 >